

Соляные исполины и другие невероятные истории

Алексей Наумов

Алексей Наумов
**Соляные исполины и другие
невероятные истории**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66787328
SelfPub; 2024*

Аннотация

Где готовят Макароны с вареньем, так ли опасен Подкроватный монстр, что любят Вампиры, кто такой Йети и откуда берутся Соляные исполины? Ответы на эти и другие вопросы вы найдёте в третьем сборнике невероятных историй. Будет интересно!

Алексей Наумов

Соляные исполины и другие невероятные истории

Зимние цветы

Два снежка одновременно просвистели над стеной ледяной крепостью и смачно впечатались в папу. Один попал ему в живот, а другой сбил с головы шапку.

– Ага! – закричал Серёжа. – Получил?! Сдавайся по-хорошему!

– Ни за что! – прокричал в ответ папа, силясь вырвать упавшую шапку из пасти невесть откуда взявшегося Степашки. – Отдай шапку, поросёнок! Отдай! Фу! Всё равно моя крепость никогда не падёт! Слышите, никогда!

В этот момент, новый снежок залетел папе прямо за шиворот. Папа ойкнул, разжал на мгновенье руки, и торжествующий скотч-терьер опрометью вылетел из крепости, крепко сжимая в зубах свой трофей. Ребята захохотали.

– Сдавайся, а не то мы сделаем из тебя снежное чучело! – крикнула разгорячённая боем Варя. – Выходи с поднятыми руками, и мы гарантируем тебе горячий чай и печенье!

– Нет! – донеслось из-за полуразрушенных стен. – Вам

никогда меня не победить! Белая крепость никогда не сдается врагу!

– Ну, держись! – хором воскликнули ребята и кинулись на решающий приступ. Снежки замелькали в воздухе с удвоенной силой. Оставшись без головного убора, папа, тем не менее, продолжал упорно отбиваться, но былого азарта у него уже не было, и ребята неуклонно приближались к стенам, прячась за деревьями и снеговиками. Наконец, по сигналу Серёжи, они внезапно ворвались в крепость с двух сторон и повалили папу на спину.

– Пощады или натрём тебе уши снегом! – закричали они.

– Нет! То есть да! Пощады, пощады! – завопил папа, беспомощно дрыгая ногами. – Сдаюсь! Хватит! У меня снег за пазухой! И прошу вас, кто-нибудь, пожалуйста, отберите у Стёпы мою шапку! Она же новая!

– Это трофей, – важно сказала Варя, нехотя слезая с папиной груди. – Ну да ладно... Стёпа, ко мне! Отдай! Молодец, хороший пёс...

Стёпа нехотя выплюнул измятую шапку и жадно проглотил несколько комьев снега. Ему было жарко и весело.

«Отлично погуляли, – думал он, ложась на снег и тяжело вываливая язык. – А то всё на поводке, да на поводке... Так даже за кошками не побегаешь... То ли дело играть в снежки!.. Вот бы ещё сейчас сосисок покушать...»

– А пойдём те ка домой, – сказала мама, которая не участвовала в схватке, боясь испортить своё новое модное паль-

то. – Нам давно пора обедать, да и темнеть уже начинается.

– Давайте ещё разочек сыграем, – загудели ребята. – Пожалуйста...

– Если не устали, то хоть папу пожалейте, – сказала мама. – Он уже и так на снеговика похож.

Папа грустно развёл руками:

– Боюсь, мама права, пора домой. Тот снежок, что вы коварно бросили мне за шиворот, растаял и теперь я весь мокрый... А ещё, Степашка прокусил мне шапку! Это против правил! В 87 пункте Кодексе снежного боя чётко прописано, что никаких собак в ледяной крепости быть не должно! Если бы не он, я бы точно победил, так и знайте.

Однако, завидев, что ребята вновь потянулись за снежками, папа сменил тон:

– Впрочем, я припоминаю, что 112 пункт Великой Снежной Хартии допускает использование в перестрелке снежками «зайцев, лис, барсуков и прочих мелких животных с их полного согласия...»

Папа подошёл к Степашке и присел напротив:

– Степан, ответь мне, только честно, ты добровольно принимал участие в этой схватке?

Стёпа наклонил голову, озорно посмотрел на притихших ребят, а затем звонко тьякнул.

– Ура, мы победили! – обрадовались дети.

– Увы, да, – сокрушённо покачал головой папа. – Но я надеюсь гарантии горячего чая и печенья всё ещё в силе?

– Только, после того как вы все съедите суп, – сказала мама и внушительно добавила, глядя на папу. – Я уверена, что в правилах упоминается горячий суп...

– Конечно, конечно, – рассеянно согласился папа, всё ещё исследуя свою шапку. – Там так и сказано – «...вне зависимости от выявленного победителя, обе стороны поединка обязаны совместно вкусить большую порцию супа или иного горячего блюда. В противном случае, победа не засчитывается, и участники дисквалифицируются сроком на одну зиму...» 34 пункт Хартии, часть вторая, пункт Б... Дорогая, а как ты думаешь, эти дырки можно будет как-то заштопать?..

Спустя час, после сытного обеда, все собрались в большой комнате. Уставший больше всех Степашка спал без задних лап на кресле, мама вязала Варе свитер, а ребята обступили папу, требуя рассказать им новую историю.

– Мы уже вторую неделю не слышали ничего новенького, – шумели они. – Раньше ты нам каждый день что-нибудь рассказывал.

– Я был очень занят, – безуспешно пытался оправдываться папа. – Вы же знаете, моя новая книга только что вышла, и меня почти не было дома. К тому же...

– Мы всё знаем, папочка, – взмолилась Варя, – но пожалуйста, расскажи нам какую-нибудь историю...

Папа умолк, потом поёрзал на диване, затем снял свои очки и начал усиленно их протирать. Ребята переглянулись – это был хороший знак.

– Как я уже сказал, – прервал через минуту своё молчание папа, – я был ужасно занят, но, как раз сегодня, мне, совершенно внезапно, вспомнилась одна восхитительная история. Правда, сразу после этого, прямо мне в ухо попал чей-то снежок, и история мигом вылетела в другое... Так что мне очень жаль, я всё забыл...

Папа деланно зевнул и прикрыл глаза, делая вид что дремлет.

– Наверняка она так и лежит там, где упала, – заметила мама, продолжая вязать. – Может вам стоит одеться и сходить посмотреть... А заодно можете ещё раз сыграть в снежки... Пожалуй, в этот раз я бы тоже поучаствовала... Втроём мы бы быстро взяли крепость... Думаю и Степашка не прочь ещё немного порезвиться...

– Так, стоп, на сегодня никаких больше снежков, – подпрыгнул на диване папа. – У нас перемирие, забыли? К тому же, я, кажется, что-то припоминаю... Точно, точно... Да, вспомнил! Всё-таки у меня исключительная писательская память...

Папа снова прикрыл глаза, мечтательно пошевелил губами и начал своё повествование:

– В одной далёкой стране, где вечно царила зима, и никто из её жителей никогда не видел зелёной травы и не слышал пения соловья, в небольшом городке, жил часовщик по имени Николас Блум. Он был настоящим мастером своего дела. Николас находил поломки в больших и малых часах

с такой легкостью, что казалось, они сами говорили ему, в чём причина их остановки. Порой ему хватало всего одного взгляда на замерший перед ним механизм, или лёгкого щелчка пальцами по крышке часов, чтобы понять, что с ними случилось. Это походило на магию, и некоторые жители города были уверены, что Бум чародей, каким был его прапрадедущка, но никакого чуда тут не было. Николас просто любил свою работу и проводил долгие часы, разбирая и вновь собирая различные механизмы, чтобы понять, как они устроены, так что в конечном итоге даже самое сложное сплетение шестерёнок и пружин давно не могло сбить его с толка, и он мгновенно находил причину поломки.

Однако, мало кто в заснеженном городе знал, что у старого часовщика Николаса Блума была ещё одна страсть, которую он держал в строжайшей тайне. Его второй любовью были... цветы. Да, да, вы не ослышались, цветы, но не обычные, а те, что могли цвести прямо посреди снежных равнин, наперекор ледяному ветру и неуёмной выюге, собирая лишь крохи тепла от низкого солнца и стылых звёзд. Николас знал, что если он расскажет о своих мечтах обычным людям, те, в лучшем случае, поднимут его на смех, а быть может и вообще решат, что он сумасшедший, и больше не будут отдавать ему в починку свои часы. Поэтому, он разделил свой секрет лишь с двумя живыми существами на этой земле: своей дочерью Ильгой, которой в тот год исполнилось 13 и ленивым котом Василиском, что вечно дремал у окна на старой по-

душке, сонно разглядывая сквозь полуопущенные веки, пролетающие мимо снежинки.

Когда на город опускалась ночь, и огни в домах один за другим угасали, Николас варил себе крепкий кофе, желал дочери спокойной ночи и спускался в подвал, где, в призрачном свете нескольких свечей, погружался в чтение старинных фолиантов, которые ему регулярно присылал его друг из столицы. Часовщик силился понять, как можно вырастить цветы на снегу и тщательным образом выискивал в старых книгах любое упоминание о цветах, способных цвести в мороз. Нередко он засиживался так долго, что проснувшаяся поутру Ильга спускалась к нему, дабы напомнить, что настал новый день.

– Ну, как, – спрашивала она, – нашёл что-нибудь новенькое?

– Да, – радостно кивал головой Николас. – Я нашёл рассказ о редчайших северных розах, которые цветут так долго, что их нередко накрывает снег, однако они не вянут, а продолжают алеть сквозь него, точно закатное солнце и пахнуть летом. А в другом месте, я вычитал, как один хитрый китаец много лет закалял ледяной водой семена лилий, так что, в конце концов, те совершенно перестали бояться холода и цвели даже в стужу. Одна беда, и северные розы и китайские лилии вырастали летом и успевали окрепнуть до наступления холодов. Но никому ещё не удавалось вырастить цветы прямо на снегу, под полярным сиянием, когда даже челове-

ческое дыхание застывает в воздухе и превращается в лёд...
Никому... Ах, Ильга, Ильга, порой мне кажется, что я никогда уже не увижу цветущих в снегах цветов... Никогда...

– Не отчаивайся, папочка, – утешала его дочь. – Я знаю, у тебя всё получится. Вспомни, как ты разбил свои первые часы, что принес тебе в ремонт мясник? Они разлетелись в дребезги, и тебе пришлось отдать ему свои собственные, которыми ты так дорожил, но теперь, посмотри – каждый в округе знает, что ты лучший часовой мастер, а мясник стал твоим лучшим другом!

– Что правда, то правда, – засмеялся Николас. – Хорошо помню, как у меня затряслись руки, когда он отдал мне те первые часы. Немудрено, что я уронил их! Но это послужило мне хорошим уроком. С той поры, ни одна даже самая малюсенькая шестерёнка больше не выскользнула из моих ладоней, хотя через мои руки прошли тысячи часов.

– Я знаю, папочка, – сказала Ильга. – И с цветами у тебя тоже всё получится. Просто нужно ещё немного постараться. Кстати, как поживают те странные семена, что ты посадил на прошлой неделе, они взошли?

– Увы, Ильга, они замёрзли, – вздохнул Николас. – А ведь из них вырастают цветы, что живут высоко-высоко в горах, где частенько бывает очень холодно.

– Но не так как у нас, – улыбнулась Ильга.

– Да, – согласился часовщик. – Холоднее чем у нас бывает только на Северном полюсе.

Часовщик снова вздыхал, задувал ставшие ненужными свечи, и поднимался наверх, чтобы позавтракать и открыть свою мастерскую.

Вы можете спросить, откуда у старого часового мастера, всю жизнь прожившего среди бескрайних снегов и ледяных глыб, взялись такие странные мечты? Я вам отвечу. Однажды, когда Николас был ещё молод, а мать Ильги жива, к ним на постой попросился путник. Денег у него не было, но зато были кисти и краски, и он пообещал хозяевам расписать им гостиную в обмен на их гостеприимство. Николас всегда был добрым человеком и согласился, хотя его жена с неодобрением отнеслась к предложению нежданного гостя.

– Где это видано, что бы взрослые люди вместо того, чтобы работать, бродили точно нищие с полной сумкой красок и кистей, – бормотала она. – Не понимаю я таких людей.

– Но послушай, Хельва, мы же не можем оставить его на улице, в такой жуткий мороз, – отвечал Николас. – К тому же, я давно хотел, чтобы нашу гостиную украшали яркие картины. Я даже хотел попросить Трога Петерсена разрисовать её, но всё что он умеет, это делать вывески с окороками и бубликами для лавочников, да и те выходят такими кривыми, что все смеются.

– Конечно же, мы его накормим и обогреем, – продолжала ворчать жена. – Не хватает ещё, чтобы люди стали судачить, что мы не уважаем северных традиций и прогоняем странников со своего порога, когда за окном бушует вьюга. Но я

просто не понимаю...

Она ещё долго обсуждали гостя, который, тем временем, уютно устроился у очага с тарелкой горячей похлёбки и жмурился на огонь как заправский кот. Он просидел так до глубокой ночи, почти не проронив слова, жадно впитывая в себя жар огня, а потом уснул.

– Надеюсь, он хотя бы одну стену покрасит, а не сбежит спозаранку, – сказала Хельва, засыпая. – Впрочем, так будет даже лучше... Не понимаю я таких людей...

Но художник не сбежал. Он встал чуть свет и начал трудиться и не выпускал кисти из рук до самой темноты. Под его рукой тёмные стены дома оживали. На них зеленела трава, синели озёра, порхали птицы и играли странного вида звери, но больше всего там было цветов, – всех размеров и оттенков, – столь прекрасных и волшебных, что Хельва украдкой смахнула слезу.

Следующим утром художник покинул их дом, нарисовав на прощанье ещё один цветок, который не понравился Хельве, но заставил онеметь от восторга Николаса. Это был крупный, яркий, синий цветок, похожий на лотос, растущий прямо на снегу, и сияющий сквозь метель точно огромный сапфир.

– Чепуха какая-то, – буркнула Хельва. – Цветы не могут расти на снегу, это каждый знает. Ну что ему стоило просто нарисовать букет фиалок на берегу ручья? Нет, что не говори, а художники очень ненадёжные люди. Пойду ка я, пере-

считаю наши серебряные ложки...

Но Николас не слушал жену. Он всматривался в картину снова и снова, ловя каждую деталь, каждый лёгкий штрих, каждую мелочь. Потом он схватил пальто, шапку и опрометью выскочил за дверь, оставив её открытой. Он догнал художника на другом конце города, по дороге к гавани.

– Постойте, уважаемый, постойте... – закричал задыхающийся Николас. – Постойте...

Художник повернулся и вытащил изо рта свою трубку.

– Постойте, – повторил часовщик, никак не в силах отдышаться. – Цветок... Тот цветок, что вы нарисовали последним... Ярко синий... Он... он существует?.. Вы его видели?..

Художник усмехнулся, и его голубые глаза засветились озорным огоньком.

– Он вам понравился?

– Я в восторге! – выдохнул Николас. – Но разве это возможно, чтобы такие чудесные цветы росли и цвели прямо посреди снега и льда? Они же замёрзнут!

– Это зимний цветок, – ответил художник. – Он очень редкий. Можно сказать единственный, в своём роде.

– И вы видели его? Правда, видели?

– Да, – ответил художник. – Я его видел. Я никогда не пишу того, чего не существует, хотя глупые люди часто меня в этом обвиняют.

– Давно вы его видели? И где? Где растут такие дивные цветы?

– Я видел его недавно, но не помню точно в каком месте, – ответил художник. – Вам стоит хорошенько потрудиться, чтобы найти его. Но мой вам совет, лучше всего самому вырастите зимний цветок. Так будет проще. Вам даже не придётся покидать стен своего родного дома. А теперь – прошу меня простить, мне никак нельзя опоздать на этот корабль.

Художник приподнял свою шапку и удалился, а Николас побрёл домой и с того дня не переставал думать о зимних цветах, видя их и во сне и наяву, когда разглядывал потемневший от времени рисунок странствующего художника.

Чего он только не предпринял, чтобы вырастить волшебные зимние цветы, однако, несмотря на упорный труд, все его усилия были тщетны. Всё чаще часовщику приходило на ум, что художник просто посмеялся над ним, и чудесный синий цветок был лишь плодом его воображения. В такие минуты Николасу становилось очень грустно, и он брал Василиска к себе на колени и гладил его, изливая ему свою скорбь. Василиск слушал внимательно, щуря жёлтые глаза, и мурлыкал в такт движению руки хозяина. У кота тоже были свои тайны, но он предпочитал держать их в секрете.

К примеру, Василиск знал, что раз в году, за три недели до Пасхи, на чердаке дома ночуют южные феи, которые держат свой путь к своим кузинам, феям севера, чтобы вместе отметить наступление нового года, который, по старинному обычаю, празднуется у всех древних существ весной. В ледяных

пещерах Кольтуруса – старинного города, надёжно укрытого от человеческих глаз холодным морем и высокими, скалами – феи могли от души повеселиться, дружно спеть свои странные песни, сплясать причудливые танцы и вспомнить те далёкие времена, когда им не нужно было прятаться среди снегов от вездесущих людей.

«Часовщик всегда был добр ко мне, – подумал Василиск как-то раз. – Он никогда не ругал меня и не бил, и вдоволь кормил сметаной, если она была... Пожалуй, настало время отплатить ему за его заботу... До Пасхи осталось как раз три недели, а это значит, что сегодня ночью, когда все уснут, маленькие феи вновь спрячутся под нашей крышей, чтобы переждать холодную и тёмную ночь... Что ж, встречу ка я их и потолкую немного... Феи знают много разных чудес, быть может, они помогут и моему другу ...»

Сказано – сделано. Под вечер, Василиск прокрался на чердак и спрятался среди стропил. Ждать пришлось недолго. Когда город погрузился во тьму, он услышал легкий шелест крыльев, точно стая стрекоз закружилась неподалёку, а потом разглядел в темноте несколько маленьких фигурок. Феи негромко хихикали, отряхиваясь от снега, и устраивались на ночлег. Василиск выждал, пока они не утихомирились, а затем, бесшумно подобравшись к ним, схватил крайнюю фею, так что она не успела даже пискнуть, и проворно уволок её на кухню.

– Ну, здравствуй, моя дорогая... – сказал он, усаживаясь

под столом и держа фею в лапах. – Что-то я нынче проголодался... Не перекусить ли мне?..

Василиск облизнулся и неспешно обнюхал зажмурившуюся от ужаса фею.

– Пахнет аппетитно... – промурлыкал кот, трогая фею своими усами. – Интересно, какие феи на вкус?.. Как сметана или как курица?..

– Не ешь меня! – запищала фея. – Это неправильно!

– Неправильно?! – расхохотался кот. – А по-моему, неправильно тайком пробираться в чужие дома среди ночи...

– Мы же никому не мешаем и ведём себя тихо, как мышки, – сказала фея. – Утром мы улетим!

– Как мышки... – усмехнулся Василиск. – Знаешь, мышки *ужасно* мне досаждают, а ты как раз похожа на одну из них, только с крылышками...

– Отпусти меня, прошу, – заплакала фея.

– А что будет, если я тебя отпущу?.. – промурлыкал кот, рассматривая фею в упор своими огромными, жёлтыми глазами.

– Я буду тебе очень благодарна!

– Благодарна?.. – рассеянно зевнул кот. – Хм... Это скучно... Нам, котам, одной благодарности мало... Что ещё ты можешь предложить?

– Ну, я не знаю, – растерялась фея. – А что ты хочешь?

– Я хочу, что бы ты помогла моему другу, старому часовщику, в доме которого вы ночуете уже много лет. Думаю,

это будет справедливой платой за крышу над головой, не так ли?..

– Конечно, конечно, – закивала головой фея. – Что хочешь твой друг? Найти клад? Многие люди хотят найти клад, а я знаю, где лежит один. Рассказать?

– Может быть... – промурлыкал кот. – В другой раз... А сейчас, я хочу, чтобы ты помогла моему другу вырастить зимние цветы... Такие, что способны цвести в самую лютую стужу, прямо на снегу...

Фея осторожно хихикнула:

– Зимние цветы? Что за невидаль! Я не знаю где их достать!

– Жаль... – грустно сказал кот и в очередной раз облизнулся. – Ну, что ж, рад был поболтать, но мне пора ужинать...

– Эй, эй, постой, – закричала фея, видя, что кот и вправду собирается её съесть. – Я кое-что вспомнила...

– Как странно... – усмехнулся Василиск. – И что же?.. Только не вздумай меня обманывать... Коты этого не прощают...

– Вот ещё, обманывать, – обиженно фыркнула фея. – Да будет тебе известно, что феи никогда не врут!

– Я слышан об этом, – примиряюще промурлыкал кот. – Прошу меня простить... Так что же ты вспомнила, моя хорошая?..

– На пиру в честь Нового года, куда мы с подружками дер-

жим путь, во всех вазах стоят странные ярко-синие цветы. Они точно сделаны из тончайшего льда. Но однажды я случайно уронила один из них, и он не разбился, и тогда я поняла, что он живой!

– Очень интересно... – сказал кот. – А не могла бы ты принести мне такой цветок?..

– Нет, – замотала головой фея. – Для меня он слишком большой, к тому же, феям запрещено уносить что-либо из Кольтуруса в мир людей. Это очень древнее правило и нам ни в коем случае нельзя его нарушать.

– Подумать только... – покачал головой Василиск. – Вот незадача... А ведь всего один маленький цветочек, мог бы очень помочь моему другу и одной маленькой фее... Как же нам быть?..

– Я что-нибудь придумаю, – сказала фея, немного подумав. – Но ты должен отпустить меня. Скоро рассвет, никто не должен знать, что меня похитил, а не то подружки могут что-то заподозрить.

– А ты даёшь мне слово, что вернёшься, и вернёшься не с пустыми руками? – хитро прищурился кот.

– Даю! – сказала фея. – Честное и нерушимое слово южной феи.

– Этого мне вполне достаточно... – промурлыкал кот, разжимая лапу. – Когда мне тебя ждать?..

– Я вернусь ровно через неделю, ночь в ночь, но никому ни слова о нашем разговоре! – предупредила фея.

– Я нем, как кот, – ответил Василиск.

На том они и расстались. Фея проворно упорхнула обратно на чердак, а довольный собой Василиск вальяжно отправился в подвал, чтобы полежать на коленях у Николаса, уткнувшегося в очередную книгу о выращивании цветов.

Неделя пролетела быстро. В назначенную ночь, кот был на чердаке. Около полуночи, послышалось стрекотание крыльев, и маленькая фея закружила над его головой.

– Вот, держи, – сказала она, протягивая коту крошечный мешочек. – Это для твоего друга. Прости, не могу больше говорить, я и так уже отстала от стаи. На обратном пути на юг мы летим без отдыха, круглые сутки. Так что прощай, кот!

Фея хихикнула и скрылась в темноте. Василиск обнюхал мешочек, недоверчиво заглянул в него и расплылся в широкой улыбке.

– То, что нужно... – промурлыкал он. – Николай и его дочь будут рады... Какой я молодец...

Кот спустился вниз, выбрался наружу через приоткрытую форточку, пробежал по карнизу и мягко спрыгнул на снег.

– Кажется, это должно быть где-то здесь... – пробормотал он. – Ага, нашёл...

Кот подошёл к воткнутой в сугроб большой палке, отмечаящей грядку, где Николай высаживал семена различных цветов и начал разгребать лапой снег. Выкопав небольшую ямку, он вытряхнул из мешочка дюжину фиолетовых зёрен, засыпал их, аккуратно замёл свои следы пушистым хвостом

и вернулся в дом. Там он лёг поближе к печке, чтобы подсушить свою промокшую шерсть и закрыл глаза:

«Теперь всё будет хорошо... – подумал он. – Можно и вздремнуть...»

Чудо произошло 10 дней спустя. Утром, по своему обыкновению, Николас вышел во двор, чтобы проверить, не взошли ли цветы на его снежной грядке и остолбенел.

– Ильга! – закричал он спустя мгновение. – Ильга, скорее беги сюда! Мне кажется, что я сошёл с ума!..

Перепуганная девочка выскочила из дома и подбежала к отцу:

– Что случилось? Ты весь бледный!

– Скажи мне, доченька, только скажи честно, мне кажется или на моей грядке и вправду взошли цветы?..

– Ах! – воскликнула Ильга, посмотрев на снег. – Они взошли, папочка, твои семена проросли!

Лицо часовщик расплылось в улыбке, но внезапно омрачилось.

– Наверняка это чья-то злая шутка, – сказал он. – Кто-то узнал про мою тайну и решил посмеяться. Держу пари, это обычные бумажные цветы, которые кто-то воткнул в снег. Вот смотри...

С этими словами Николас схватил один из небольших синих ростков и попытался выдернуть, но у него ничего не получилось.

– Что за дела?.. – удивился он. – Неужели это правда?..

– Да, папочка, правда, – смеялась Ильга. – У тебя всё получилось! Я так рада!

Через три дня последние сомнения у часовщика пропали. Небольшие ростки превратились в полуметровые стебли и расцвели невероятными ярко-синими цветами, точно такими же, как на картине, что нарисовал ему художник. Только лепестков у них было не 10, а 16, и листья были ажурными, а не гладкими, но это были мелочи.

Цветы радовали глаз часовщика и его дочери две недели, после чего медленно увяли, а когда бутоны окончательно засохли, часовщик собрал с них горсть фиолетовых семян и посадил снова.

Усилиями Николаса и его дочери, меньше чем через год, весь его дом был окружён яркими цветами невиданной красоты. Весь город приходил полюбоваться на них. Сразу же нашлось множество желающих купить у Николаса чудесные семена, но часовщик отказался. Он раздавал по дюжине семена бесплатно, каждому желающему, и очень скоро, весь город зацвёл, так что даже среди самой сильной метели, любой мог видеть за окном восхитительные зимние цветы.

– Только, пожалуйста, закрывайте их в солнечную погоду плотной тканью, а то они высохнут, – не уставал напоминать часовщик людям, которые приходили к нему за семенами. – Эти зимние цветы очень чувствительные к теплу. А если вы хотите их срезать и поставить в вазу, не забудьте каждый день добавлять в воду горсть льда, чтобы они простояли

долго и пахли...

Говорят, что со временем, часовщик, у которого теперь было много свободного времени по ночам, сделал маленьких заводных пчёл, которые могли летать от цветка к цветку и собирать зимний мёд. Правда, его получалось собрать совсем немного, всего одну маленькую баночку со всего города, и он был совершенно синим, но на вкус он был слаще самого сладкого сахара и ароматнее любого фруктового варенья.

Поговаривали также, что сами феи раз в год слетались посмотреть на это чудо, но в эти сказки мало кто верил. Разве что один мудрый кот, который очень любил лежать на старой подушке у окна и смотреть сквозь полуопущенные веки на пролетающие мимо снежинки...

Инар

Дождь закончился, и Счастливчик со Степашкой от души резвились на влажной траве. Они полдня проскучали дома и теперь, старались наверстать упущенное время. Стёпа бросался на малыша со всех сторон, норовя повалить его на спину, но Счастливчик ловко уворачивался и время от времени хватал скотч-терьера за хвост, вызывая шквал возмущения. Оба вымокли с ног до головы и, в конце концов, усталые и довольные легли на полу веранды, где мама с Варей накрывали обеденный стол.

– Ты только посмотри на них, – всплеснула руками мама. – Мало того, что они все мокрые, так ещё и с ног до головы

перепачкались землей. Кажется, придётся их вымыть...

При слове «вымыть» оба друга наострили уши, но Счастливчик радостно, потому что обожал купаться, а Стёпа настороженно, так как не очень любил, когда его намывливали и поливали из шланга.

«И почему они всё время хотят меня помыть, – думал он, спрятавшись на всякий случай под стулом. – Что я им плохого сделал? Вечно с этими хозяевами какие-то проблемы...»

По счастью для Степашки, папа, который принёс с кухни кастрюлю с супом, поставил её так неудачно, что залил борщом всю скатерть, и мама совершенно забыла про своих питомцев.

– Боже мой, опять! – сказала она. – Можно подумать, что ты нарочно это делаешь!

– Я всё могу объяснить, – забурчал папа. – Просто я обжёгся и...

– Отлично, ты ещё и обжёгся, – всплеснула руками мама. – Это просто безобразие какое-то. Тебе ничего нельзя доверить.

– Просто он так на меня посмотрел... – пробормотал папа, незаметно подмигивая Серёже и Варе.

– Кто посмотрел, – насторожилась мама.

– Суп...

– Суп!?

– Ну да, суп, – подтвердил папа. – Мне показалось, что он что-то замышляет (и как оказалось, я был прав!), и решил

наблюдать за ним, но он вероломно обжёг мне руку, а потом и вовсе, пролился на стол. О, эти супы полны коварства!

От таких заявлений, мама потеряла дар речи и едва не выронила из рук корзиночку с хлебом.

– Ага, – радостно сказал папа. – Видишь, он и на тебя действует! Супы всегда в сговоре с хлебом и посудой. Это та ещё шайка! Давайте ка быстренько разольём его по тарелкам и съедим, пока он ещё чего-нибудь не натворил. Известны ужасные случаи, когда голодный суп напал на человека и бедняга с трудом уносил ноги...

Мама вздохнула и стала разливать суп по тарелкам.

К тому времени, когда с «вероломным» супом было покончено, вновь стал накрапывать дождик и ребята загрустили.

– Дурацкое лето, – сердился Серёжа. – Дождик каждый день. Мы почти не купались!

– Да, – соглашалась Варя. – Так нечестно! Я хочу, чтобы солнышко светило всегда, вот!

– Это очень опасные слова, моя дорогая, – сказал папа и зябко повёл плечами. – Честно говоря, я даже немного напуган. Страшно даже представить, что случится, если твоё пророчество сбудется. Впрочем, я неправ, это очень легко представить. Лет 10 назад, я был в стране, где когда-то давно, один человек произнёс точно такие же слова и то, что стало после... Б-р-р-р!

Папа поёжился и стал кутаться в свою куртку.

– Пап, расскажи что случилось, – попросил Серёжа. – Всё равно дождь идёт.

– Да, папочка, расскажи, – поддержала брата Варя.

– Что ж, охотно, – легко согласился папа. – Это очень поучительная история и я хотел бы, чтобы вы её хорошенько запомнили.

Все устроились поудобнее на своих местах и приготовились слушать. Даже Стёпа, поняв, что опасность водных процедур миновала, подошёл ближе и улёгся у самых папиных ног, положив свою морду на беспечно дремавшего Счастливика.

– Много веков назад, весь африканский берег Средиземного моря походил на оазис, в котором водилось бесчисленное множество различных зверей, редких птиц и прочих живых существ. Проплывающие мимо моряки могли видеть львов купающихся в море, величественных жирафов, неспешно поедающих сочные побеги, стремительных страусов и муфлонов – диких баранов с роскошными рогами. Земля Северной Африки была настолько обильной и плодородной, что урожай вызревал несколько раз в год, и никто не знал печали и голода, и всем казалось, что так будет вечно. Один за другим, на побережье вырастали города, которые быстро росли и процветали. Одним из таких городов-царств, самым крупным и самым могущественным, правил некий Инар, сын Нассариха и был он по приданию самым богатым и самым жадным царём мира. Его дворец утопал в роскоши.

Вся мебель, вся посуда, все предметы обихода были сделаны из чистого золота и богато украшены драгоценными камнями. Даже кровать Инара была золотой и, сказать по правде, очень неудобной, так что он каждое утро вставал не с той ноги. Сам дворец, снаружи был тоже покрыт золотом и сверкал в лучах солнца так сильно, что люди не могли смотреть на него, и прикрывали глаза, ослеплённые этим сиянием. Целыми днями, Инар проводил в своём дворце, расхаживая по золочёным залам или спускаясь в хранилище, доверху забитое драгоценностями. Каждый день всё новые и новые караваны груженные серебром и золотом, алмазами и рубинами, персидскими коврами и китайским шёлком проходили через город и скрывались за воротами дворца, чтобы выйти оттуда пустыми. Но Инару всё было мало и он требовал больше и больше богатств, покуда его рассудок не помрачился окончательно от блеска золотых слитков. Он решил, что отправлять караваны и ждать их возвращения это слишком долго и велел созвать к нему всех мудрецов, чтобы спросить у них совета – как ему быстро заполучить ещё больше золота.

Мудрецы пришли в его дворец и в один голос заявили ему, что у него и так *слишком* много золота, и каждый день караваны привозят новое и Инару нужно остановиться, ибо такое богатство непосильно для человека, но Инар не послушал мудрецов. Золото уже лишило его разума, и он призвал к себе магов и колдунов и спросил их, как ему заполучить ещё больше золота и побыстрей. Колдуны и маги посовеща-

лись, но их ответ был тем же – быстро получить ещё больше золота, чем есть у Инара невозможно. Его сокровищ было так много, что из них можно было построить огромную пирамиду, точь в точь как у древних фараонов Египта.

Разгневанный Инар выгнал и их и объявил, что тот, кто расскажет ему, как быстро добыть ещё больше золота, получит самые лучшие земли в его царстве и столько золота, сколько сможет унести самый сильный верблюд.

Много людей пришло к правителю, но всё, что они предлагали, не заинтересовало Инара, так как требовало слишком много времени по его меркам.

«Слишком долго! Слишком долго!» – не переставал повторять он. – «Я не могу ждать так долго! Мне нужно больше золота прямо сейчас! Сию же минуту!»

От жажды золота, он прекратил спать ночами и бродил по дворцу точно тень, разговаривая с луной, и жалуясь ей, как ему тяжело и как все вокруг хотят его обмануть. Он стал худым, злым и вечно раздражённым и все сторонились его, боясь попасться на глаза. Даже его верные сторожевые собаки больше не подбегали к нему, чтобы поласкаться, предпочитая держаться в стороне.

В один из таких дней, к воротам замка подошёл незнакомец, одетый в странный заморский костюм и сказал стражникам, что он тот, кого их царь давно поджидает. Заглянув в чёрные глаза путника, стража покорно открыла ему ворота и пропустила во дворец, ни о чём больше не спросив. Сторо-

жевые псы кинулись было на него с лаем, но что-то сказал им на незнакомом языке и те, поджав хвосты, умчались прочь, точно напуганные щенята. Незнакомец неспешно поднялся по золотым ступеням дворца, миновал несколько роскошных залов и предстал перед очами Инара, который восседал за золотым столом уставленном яствами, в короне, сделанной из огромного цельного изумруда.

– Кто ты такой, – сердито спросил он путника. – Что тебе нужно? И где моя охрана?

– Я тот, кого ты давно ждёшь, – ответил незнакомец, дерзко глядя прямо в глаза Инару. – И я пришёл дать тебе то, чего ты жаждешь – золота. Много золота. Очень много золота и очень быстро. Ты ведь этого хочешь, не правда ли?..

– Да, да, – закричал Инар, и его взор затуманился от алчности. – Говори, говори же скорей, но помни, я хочу моё золото сразу же!

– Ты всё услышишь и получишь в своё время, – спокойно ответил чужеземец, прохаживаясь по залу, словно он был у себя дома. – Я вижу... ты небогат?..

От таких слов Инар сначала порозовел, потом побледнел, а после захохотал как безумный.

– Ты смеешь называть меня бедным?! Меня, Инара, самого богатого человека в мире?! Да кто ты такой?! Если ты вздумал шутить, то через четверть часа тебе отрубят голову на городской площади!

– Я уже сказал кто я такой, – безмятежно ответил незна-

комец и, взяв с царского стола яблоко, впился в него своими крепкими зубами. – И я сказал тебе, что могу дать, но сначала мне бы хотелось убедиться в том, что ты и вправду самый богатый человек в мире.

От гнева, лицо Инара перекошилось. С трудом сдерживая себя, чтобы тут же не позвать стражу и не казнить незнакомца, он сказал ехидно.

– А ты сам разве не видишь? Ты вошёл в огромный дворец, сплошь покрытый золотом, поднялся по золотым ступеням, прошёл по богатым залам и теперь стоишь перед человеком, на голове которого корона из огромного изумруда, который стоит больше чем десяток самых лучших кораблей. Разве этого мало?..

– Это ничто, в сравнении с тем, что я могу тебе дать, Инар, сын Нассариха, – усмехнулся незнакомец.

Инар снова побледнел и его нижняя челюсть затряслась.

– Ничто?! – закричал он. – Ты сказал ничто?! Ты... ты... Следуй за мной, я покажу тебе мои сокровища и, если ты не сможешь дать мне больше того, что я уже имею, горе тебе чужестранец!

Незнакомец снова улыбнулся своей жуткой, змеиной улыбкой и спокойно последовал за Инаром, в его подземное хранилище.

– Вот, смотри, – хвастался Инар, показывая на многометровую груды серебра. – Видел ты где-нибудь ещё такое богатство, а?

– Не хочу огорчать тебя, Инар, – усмехнулся чужеземец, – но если это всё, чем ты владеешь, то мне жаль тебя. Тебе бы стоило стыдиться своей бедности...

Волосы встали дыбом на голове Инара от таких слов. Он ринулся в другое хранилище и произнёс дрожащим голосом, указывая на пирамиды золота и несметные россыпи золотых монет.

– Вот, смотри, это всё моё! Моё! Тут столько золота, что из него можно построить Великую пирамиду!

– Пирамиду? – язвительно переспросил незнакомец. – Я думал у тебя достаточно золота, чтобы построить из него целый город...

Совершенно потеряв голову от того, что ему говорил этот ужасный человек, Инар бросился в третье хранилище, которое до краёв было заполнено драгоценными камнями.

– Вот! Вот! Видишь?! – прохрипел он, боясь оглянуться на улыбающегося чужеземца. – Ни у кого нет столько алмазов, рубинов, изумрудов и сапфиров! Ни у кого!!!

– Прости, Инар, – ответил незнакомец, чьи глаза не отражали блеска камней, – но если ты и вправду считаешь, что эта кучка камней делает тебя богатым, то мне тебя жаль...

– Кучка камней?! – завопил Инар. – Ты сказал кучка камней?! Но... Ты... Ты не можешь так говорить! Никто не может говорить подобное! Никто!!!

– И всё же, я говорю это, Инар, – эхом отозвался незнакомец, – но, я могу помочь тебе. Ты получишь столько золота

и бриллиантов, сколько сможешь представить и уже никто, даже я, не смогу назвать тебя бедняком. Ты согласен принять такой дар, Инар?.. Ты должен просто сказать мне «да» и вдобавок к этому богатству, я исполню одно твоё желание, каким бы странным или невозможным оно бы тебе ни казалось.

– Но кто же ты?.. – прошептал Инар. – Кто?..

– Ты знаешь моё имя, – ответил незнакомец и его глаза метнули чёрные молнии. – Ты понял это, едва я вошёл в твой дворец. Ты звал меня и вот он я, перед тобой. Просто скажи «да» и все сокровища мира будут твоими прямо сейчас... Итак, Инар, что ты ответишь мне?.. Решайся скорее, у меня много дел... Не ты один мечтаешь разбогатеть...

Чёрные как бездна глаза незнакомца пронзали Инара насквозь, и тот пролепетал не своим голосом:

– Д-д-да...

– Я услышал твой ответ, Инар, – вкрадчиво сказал незнакомец и только сейчас Инар заметил, что руки чужеземца покрыты змеиной чешуёй, а глаза не мигают. – Так сколько-ко же золота ты хочешь, Инар?

– Я хочу... Я хочу... – забормотал Инар, не сводя глаз с рук незнакомца. – Я хочу, чтобы весь мой город, включая стены и башни, были из чистого золота, все улицы были вымощены рубинами и алмазами, а мой колодец в саду был бы всегда полон золотых монет, которые я мог бы черпать и днём и ночью. Ты способен сделать такое?..

– Уже сделал, Инар, – ответил незнакомец, всё больше становясь похожим на большую змею. – Пойдём, я покажу тебе свою работу... Ты останешься доволен...

Они поднялись наверх, на крышу дворца и Инар замер, увидев под собой золотой город и мощёные драгоценными камнями улицы.

– Не может быть! – воскликнул он. – Это сон!

– Нет, Инар, это не сон, – ответил чужестранец.

Инар снова осмотрелся и понял, что незнакомец прав. Одна беда, как назло пошёл дождь, и от этого золото казалось тусклым, а драгоценные камни походили на обыкновенные стекляшки.

– Я хочу солнце, – закричал Инар, оборачиваясь к чужеземцу. – Ты, слышишь меня? Ты сказал, что исполнишь любое моё желание и вот оно, я хочу, чтобы над моим царством всегда светило солнце!

– Исполнено, – прошипел незнакомец, окончательно превращаясь в огромную чёрную змею. – *До свидания, Инар...*

В ту же секунду, тучи рассеялись, и выглянуло солнце, и город засиял так, что Инар мгновенно ослеп от блеска камней и золотых башен. В ужасе, он заметался по крыше, призывая кого-нибудь на помощь, но прежде чем перепуганная свита поднялась к нему, Инар споткнулся о змею, перелетел через ограду, и рухнул вниз, прямо на золотые ступени своего великолепного дворца. Когда стража подбежала к нему, он уже не дышал, а странного незнакомца и след простыл.

С той самой поры, солнце светило над этой страной с утра до вечера и люди забыли, что такое дождь. Густые леса увели, и звери покинули их, уйдя дальше на юг. Плодородные земли высохли и их развеял ветер, а после, занёс песок. Всё вокруг превратилось в бескрайнюю пустыню, самую большую в мире, и золотой город растаял в ней, как тают миражи, стоит лишь подойти к ним ближе.

Многие, многие искатели приключений искали, и по сей день ищут этот город, в надежде быстро разбогатеть, но ещё никто из них не вернулся с добычей. Говорят кое-кому, всё же удалось найти Золотой город и он радостно набивал свои карманы алмазами и рубинами, но едва он делал это, как огромная змея появлялась словно бы из ниоткуда и никто и никогда больше не видел того смельчака.

В эту страну несложно попасть и сейчас, но, увы, вы не увидите там ничего кроме моря песка и горстки бедных городов. Солнце по-прежнему ярко светит над ними, напоминая людям о том, что им стоит быть крайне осторожным в своих желаниях и не заключать сделки с тем, с кем этого делать не следует, даже если он и сулит вам неслыханные богатства.

Папа незаметно протянул руку к задумавшейся маме и внезапно ущипнул её и громко зашипел.

– Ай! – закричала мама, подпрыгивая на стуле, точно её и вправду ужалила огромная змея с чёрными глазами. – Ты меня напугал! Не смей так больше делать, слышишь?!

– Так каков твой ответ, Инар?.. – прошипел папа.

– Хватит, – сказал мама. – Прекрати.

– Я исполню любое твоё желание... – продолжал озорничать папа.

– Что ж, – неожиданно сказала мама. – Вымой ка мне посуду и почини калитку.

– Но... – начал папа.

– И впредь, будь осторожнее в своих желаниях!

Вампиры

– У меня есть клубничное и абрикосовое? – сказала мама, выглядывая из кухни. – С каким делать пирог?

– С абрикосовым, – ответил Серёжа.

– Нет, с клубничным, – запротестовала Варя.

– А что малиновое, уже кончилось? – поинтересовался папа, отрываясь от журнала.

«А меня как обычно не спросили... – грустно вздохнул под столом Степашка. – Я бы уж точно не стал бы портить такую вкуснятину вареньем... Что им стоит начинить пирог сосисками и сахарными косточками, а сверху украсить ветчиной и сыром?.. Впрочем, если мне предложат кусочек сладкого пирога, я всё же не откажусь...»

– Понятно, – усмехнулась мама. – Сделаю два разных...

– Идеальное решение, – откликнулся папа. – Тебе помочь?

– Нет, спасибо, – испугалась мама. – Ты уже замесил мне сегодня утром тесто... Я еле отмыла кухню.

– Это был несчастный случай, – буркнул папа. – Оно само сползло на пол...

– А мука на потолок как взлетела? Тоже сама? Или ей помогла мучная фея?... – возмутилась мама

– Говорю же тебе – несчастный случай... Случайно включился настольный вентилятор...

– Вечно у тебя что-то происходит, – ответила мама.

– А вот и нет, – просиял папа. – Помнишь, ты просила меня просила повесить в гостиной картину – я её повесил и ничего не разбил!

– Да, с этим не поспоришь, – кивнула мама. – Только вот, я просила повесить её в *спальне*...

– Разве? – смутился папа. – Мне казалось, ты сказала в гостиной...

Ребята захихикали, а мама, закатив глаза, скрылась за кухонной перегородкой.

– Странно, странно... – бормотал папа, отложив журнал. – Просто наваждение какое-то... Не иначе вампиры...

Варя с Серёжей переглянулись.

– Вампиры? – осторожно спросила Варя.

– Ну да, – ответил папа. – Небольшие забавные существа, которые с незапамятных дней воруют у людей варенье и компот... Жуткие хитрюшки, между прочим. Могут незаметно нашептать человеку невесть что, а пока он думает, слыша-

лось ему это или нет – раз и банки смородинового варенья как не бывало!

– Пап, ну какие же это вампиры? – хмыкнул Серёжа. – У всех вампиров клыки и они нападают на людей. Я в фильме видел.

– Чепуха, – устало отмахнулся папа. – Вампиры никому ещё не причинили вреда. Просто на свою беду, они повадились таскать варенье из погреба одного замка, и его владелец здорово рассердился. Настолько, что пожаловался на них писателю, а тот написал о вампирах книгу, выставив их в дурном свете. Его примеру последовали другие и вот пожалуйста – теперь каждый школьник знает, что вампиры злые и их стоит бояться, а меж тем, они добрейшие создания и большие сладёны.

– Папочка, а расскажи нам про вампиров? – попросила Варя, обрадовавшаяся, что история не будет страшной, так как она к своему стыду всё ещё боялась темноты.

– Как пожелаете, – ответил папа, откладывая журнал и откидываясь на спинку своего любимого кресла. – Всё началось давным-давно, когда люди ещё жили под открытым небом и неплохо понимали язык зверей. Они дружили с некоторыми обезьянами (пока те не начали задирать нос, потому что мы разучились лазить по деревьям), сообщая отбивались от хищников и соперничали с другими обитателями леса в поисках сладкого. Одним из таких соперников людей были весьма похожие на них существа, предпочитавшие се-

литься в тёмных пещерах, так как они вели преимущественно ночной образ жизни. У них были большие глаза, крупные уши и широкие ноздри, поскольку они находили сладкие плоды по запаху. Люди называли их *ушастиками* и время от времени добродушно подтрунивали над ними, но в целом, люди и ушастики неплохо ладили, и всегда предупреждали друг друга об опасности. Единственное что люди и ушастики никак не могли поделить был мёд... Из-за него порой разгорались целые баталии, в которых в качестве оружия использовались гнилые бананы, перезревшие мандарины и куски грязи. Люди бросались фруктами гораздо точнее и дальше, но ушастики были очень проворны, так что после таких схваток видок у всех участников был ещё тот. Нередко все так увлекались, что забывали про предмет спора – мёд, и пока люди и ушастики выясняли отношения, его уносил кто-то другой.

Время шло. В отличие от прочих обитателей леса, человек не сидел сложа руки, переваривая сытный обед, а постоянно стремился усовершенствовать своё жилище, свои орудия труда и свой быт. Люди начали строить свои первые дома, заводить хозяйство, выращивать различные овощи и, главное, делать запасы на зиму. Сначала это были орехи и сушёные грибы, затем солёные мясо и рыба, а после, когда человек собственно и стал человеком, в его доме появились рукодельные сладости, первой из которых стало сладкое ягодное варенье, чудесная альтернатива мёду и при этом, без риска

быть ужаленным! К тому времени многие люди давно покинули тёплые края и жили в странах, где зимы бывали суровыми и длинными, а потому, запас сладостей был им жизненно необходим. Постепенно это так вошло в привычку, что, даже не нуждаясь больше в домашних заготовках, так как всюду появились рынки и магазины, люди по-прежнему варили варенье, делая его всё более вкусным и экзотическим. Варить варенье стало доброй традицией, так что любая уважающая себя современная бабушка до сих пор непременно хранит у себя дома не менее дюжины банок этого великолепного лакомства.

Но не только люди полюбили варенье... Многие ушастики покинули лес, и ушли вслед за людьми. К слову сказать, по прошествии тысячелетий они тоже кое-чему научились и стали почти неотличимы от людей. Некоторые из них даже жили в городах, учились в школах и работали наравне с людьми. Однако большинство ушастиков, всё же, предпочитало жить скрытно, выбирая себе в качестве жилища старые замки, заброшенные дома, пещеры с летучими мышами, к которым они питали слабость, как люди к кошкам и, конечно же, кладбища, где по ночам всегда было тихо и уютно. Их то обычно и видели припозднившиеся гуляки, принимая ушастиков то за приведения, то за оживших мертвецов. Ушастики привыкли питаться не только фруктами и даже время от времени устраивали себе небольшие барбекю, но страсть к сладкому не покинула их и оттого, они повади-

лись воровать у людей варенье, отдавая предпочтение малиновому. Однако эти ловкачи никогда не крали больше пары банок за раз, и редко залезали в один и тот же подвал чаще двух раз в год. Эта тактика позволила им многие столетия оставаться в тени, безнаказанно лакомясь продуктом человеческого гения, пока однажды, на свою беду, ушастики не влезли в подвал одного старинного замка, расположенного в далёкой Трансильвании, где ушастикам долгие столетия жилось особенно привольно. Варенье в тех краях было превосходным, но однажды, бесшабашная шайка молодых ушастиков, изменила своим обычным правилам, и повадилась совершать свои дерзкие набеги на хранилище варенья каждую ночь, шумно поглощая деликатес в огромных количествах. Само собой разумеется, хозяин замка, которого, кстати, звали Влад Дракал, вскоре заметил пропажу и решил изловить воришек. Он спрятался среди бочек с квасом, и когда компания ушастиков проникла внутрь и принялась хозяйничать, Влад выскочил из своего укрытия и начал колотить их метлой. Понятное дело, что ушастики бросились врассыпную, но на следующую ночь, в качестве мести за своё унижение, они вскарабкались по увитой плющом стене замка, влезли в раскрытое окно хозяйской спальни и с ног до головы измазали спящего Влада вареньем. Пришедшая пожелать доброго утра сестра Влада, при виде, своего «окровавленного брата, лишилась чувств и разбила старинный фарфоровый кофейник. Это было последней каплей, переполнившей ча-

шу терпения хозяина замка. Он проследил, где скрываются ушастики – этим местом оказался заброшенный дом рядом с кладбищем и однажды ночью, когда ушастики ушли охотились, сжёг его дотла. Так началось противостояние людей и ушастиков, которое достигло своего пика, когда Влад, находясь по делам в Лондоне, рассказал эту историю одному небезызвестному писателю. Владелец замка представил безобидных сластен жуткими тварями, обитающими на кладбище, способных лазать по стенам и имеющих одну цель в жизни – досаждать людям. Писатель старательно записал его историю, а пару лет спустя, будучи в прескверном настроении, от того, что другой писатель обозвал его дураком, написал роман, где ушастики предстали в роли ужасных существ – вампиров, врагов всего живого. Его творение имело неожиданный, бурный успех и породило массу последователей, так что спустя всего каких-то сто лет, никто уже и помыслить не мог, что ужасные вампиры это просто сказки, а их прототипы, хоть и большие плуты, но и мухи не обидят. Так родилась легенда и с той поры, ушастикам живётся несладко, так как, едва заметив их на кладбище или в пустующем доме, люди начинают вопить «Вампиры, вампиры!», а затем падать в обморок или бросаться тяжёлыми предметами...

В результате, ушастики стали ещё более скрытными и нелюдимыми и чтобы хоть как то обезопасить свои жилища от вторжения людей, пошли на хитрость.

«Если люди считают нас ужасными существами, которых

стоит опасаться, – подумали они, – стоит ли их разочаровывать?.. В конце концов, люди любят пощекотать себе нервы, так почему бы нам не помочь им в этом?.. По крайней мере, это отведит детей от кладбищ и заброшенных домов, и мы сможем спокойно выспаться... Они хотят вампиров?.. Что ж, они их получают...»

Отныне, едва завидев человека намеревающегося исследовать тёмный подвал старого дома, пыльный склеп на краю кладбища или руины замка, ушастики быстро накидывали на себя чёрные плащи, приклеивали жвачкой искусственные клыки, мазали лицо мукой и в таком виде неожиданно появлялись перед пришельцем, издавая зловещие вздохи и завывания. Это позволяло держать на расстоянии школьников и туристов, за исключением тех, что приехали из России, но порождало другую проблему. Многие храбрецы и авантюристы со всего мира стали считать делом своей жизни охоту на несчастных ушастиков и когда они, с ног до головы вооружённые самыми невероятными приспособлениями появлялись на пороге, ушастикам приходилось бежать и искать себе новое место для жилья. Охотники за вампирами громкогласно объявляли своей победе и вновь принимались за поиск ушастиков, пожиная лавры «отчаянных смельчаков»...

Так длилось довольно долго и ушастики начали бить тревогу, так как на всём белом свете для них уже не осталось безопасного места, пока, одному из них, не пришла в голову блестящая идея.

– Послушайте, – сказал он. – Все наши проблемы начались, когда про нас написали ту дурацкую книгу, верно? Так почему бы нам не попросить кого-то, что бы он написал другую, хорошую? По крайней мере, пусть там будет сказано, что быть вампиром это очень модно и что нас совершенно не обязательно преследовать...

– А что, – ответили другие ушастики. – Это может сработать... Надо попробовать.

Они приступили к поиску подходящего автора и спустя некоторое время нашли. Им оказалась очаровательная молодая женщина, которая сразу же поняла, что от неё требуется, и немедленно приступила к работе. Она трудилась над своим романом день и ночь и когда представила свою рукопись на суд ушастикам, те были в восторге.

– Это то, что нужно, – заявили они хором. – Это ещё большая чушь, чем тот первый роман! Люди точно поверят!

Предсказание ушастиков сбылось. Серия романов писательницы очень быстро стала весьма популярной и принесла ей всемирную славу, а ушастикам, столь необходимую для них передышку передышку. Теперь им не нужно было приклеивать зубы и мазать лица мукой, так как люди охотно делали всё это сами и гордились своим сходством с вампирами. Они прекратили досаждать ушастикам, и стали смотреть на охотников за вампиров, с таким пренебрежением, что большинство из них тут же бросило это занятие и переключилось на охоту за подкроватными монстрами... Вот такие дела!

– Так значит, никаких вампиров не существует? – спросил немного обескураженный Серёжа, вспомнив про свои накладные пластиковые клыки.

– В том виде, в каком их описывают в книгах, к счастью, нет, – покачал головой папа. – Но это не значит, что можно преспокойно лазать в заброшенные дома и старинные склепы, ведь помимо ушастиков, там могут жить и другие странные существа, которые настроены к человеку не так дружелюбно. Например, в подземных пещерах можно наткнуться на *летунов*, похожих на крупных крылатых обезьян с короткими хвостами. Эти создания не совершенно терпят чужаков и без промедления начинают бросаться в них из темноты увесистыми камнями и шипеть точно змеи. Правда, их осталось не так много, и встретить их нелегко, но стоит ли рисковать? Так же, вы можете столкнуться с лисо-крысами, крайне неприятными обитателями старых катакомб, сбивающимися в случае опасности в большие стаи и отстаивающие свою территорию с яростью тигра и упорством бульдога. Помимо этого, на чердаках рушащихся домов нередко обитают гигантские пауки-иглоносы, похожие на ежей с восемью тоненькими длинными лапками. Они никогда не нападают первыми, но если не заметить такого паука и ненароком отрезать ему все пути к отступлению, то беды не миновать. Ну и, конечно же, никогда не стоит забывать о наших старинных друзьях, гномах. Кое-кто склонен считать, что эти добряки способны только петь и танцевать в своих смешных колпачках, но на

деле, застигнутые врасплох гномы могут быть весьма опасны, а главное, чрезвычайно злопамятны. Я знавал одного человека, у которого эти милые коротыши стащили 33 шляпы подряд, так что ему пришлось носить кепку, хоть он терпеть её не мог. А ещё, они солили ему какао, подкладывали горячие сырники в тапочки, мазали его зубную щётку гуталином и научили его попугая громко мяукать по ночам. Ужасная судьба, скажу я вам, просто ужасная, особенно если учесть, что пострадал наш бедолага по нелепейшей случайности. Он просто не вовремя заглянул в подвал одного ветхого дома, где якобы водились приведения, и застал там парочку гномов, прячущих в кирпичной стене небольшой клад. Подземные жители жутко разозлились, решив, что человек следил за ними, и хотел украсть их золото. Они начали преследовать беднягу, и неизвестно чем бы кончилось дело, не попади один из преследователей в лапы к дворовому коту Василию. Услышав отчаянные крики, человек высунулся из своего окна и спас гнома, бросив в кота старым тапком, тем самым, из которого он каждое утро вынимал дымящиеся сырники...

Надо отдать должное гномам, они по достоинству оценили поступок человека и не только вернули ему все его утерянные шляпы, но и подарили большой перстень с семикопечным рубином, сказав, что тот, кто владеет этим перстнем, всегда может рассчитывать на помощь маленьких жителей подземного мира. Я сам держал это кольцо в руках и должен признаться, что никогда ещё не видывал такой тонкой и

изящной огранки. А ещё...

– А ещё, – донеслось с кухни, – кое-кому пора заняться самоваром. ПирогИ вот-вот будут готовы.

– Да, да, конечно, – спохватился папа, вскакивая на ноги. – Я как раз заканчивал и просто хотел добавить, что не стоит слишком верить всему, что пишут в книгах или показывают по телевизору. Наш мир гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд, но это хороший мир и вам определённо следует познавать его, день за днём, шаг за шагом, с любопытством и осторожностью, и не забывая про главное правило любого исследователя.

– Какое же? – поинтересовалась Варя.

– Всегда иметь при себе достаточный запас сладостей и делиться им с новыми друзьями, не раздумывая! – отчеканил папа. – Ну и, конечно же, никогда не дёргать за хвост осло-зайца. Потом расскажу почему...

Соляные исполины

Матвей ещё раз огляделся и только затем мягко спрыгнул с забора и начал красться вдоль дома, готовясь в любой момент пуститься наутёк. Это был старый, мудрый, рыжий кот, много повидавший на своём веку, и сейчас он планировал незаметно прошмыгнуть мимо носа безмятежно спящего Степашки и юркнуть под соседскую изгородь. Там, среди буйно разросшегося сада, стоял заброшенный дом, в подва-

ле которого водилось уйма мышей. Конечно же, Матвей мог не рисковать и добраться до ветхого дома окольным путём, но кошачья гордость не позволяла ему делать это и он раз за разом вынужден был пробираться к местам своей охоты через владения маленького резвого скотч-терьера.

Когда кот миновал беседку, и до изгороди оставалось всего пару десятков шагов, кто-то негромко окликнул его:

– Матвей, разбойник, ты опять здесь!.. Смотри, в прошлый раз Степашка едва не сцапал тебя за твой рыжий хвост...

Кот замер и холодно взглянул на человека.

«И вовсе он меня не сцапал... – подумал Матвей. – Этот увалень только и умеет, что гоняться за бабочками и стрекозами... Вон он, дрыхнет под смородиной и ничего не видит... Не видать ему меня как своих ушей... Мяу...»

Кот так увлёкся своими размышлениями, что мяукнул вслух. В тот же миг сонная голова Степашки оторвалась от земли и его всклокоченные усы дрогнули на ветру. Матвей прижал уши и заторопился к изгороди, рассчитывая, на то, что собака не заметит его за кустами роз, но не тут то было. Подпрыгнув точно пружина, скотч-терьер бросился наперерез нарушителю, сметая на своём пути кусты клубники с красными ягодами. Поняв что шутки кончились, Матвей бросился назад, обежал беседку и исчез в соседских кустах. Стёпа торжествующе пролаял ему вслед что-то обидное, разбросал лапами землю и гордо уселся у ног папы.

– Ну, что, опять не догнал? – улыбнулся папа, почёсывая ему за ушами. – Ничего, в другой раз поймаешь своего приятеля... Если не проспишь.

«Ничего я и не спал... – размышлял Стёпа. – Я просто его заманивал... Это у меня такая тактика... И вообще, кошки вечно играют не по правилам... Кто сказал, что можно лазить по заборам и деревьям?.. Ух, попадётся он мне как-нибудь...»

Стёпа отряхнулся и отправился на кухню. Проверить всё ли там в порядке.

Тем временем покрасневшиеся и запыхавшиеся Серёжа и Варя вбежали в беседку и наперебой закричали:

– Мы видели гадюку на тропинке! Большую!

– Да, во-о-о-т такую! – широко развела руки Варя.

– Неужели *такую* огромную, – усомнился папа. – Это больше похоже на питона...

– Ну, может быть чуть-чуть поменьше... – нехотя согласилась девочка. – Но всё равно она очень большая и страшная!

– Да-а-а, гадюк лучше лишний раз не беспокоить, – сказал папа. – Вы ведь не забыли, как с ними обращаться при встрече?

– Нет, – замотали головами ребята.

– И как же?

– Нужно всегда очень внимательно смотреть летом под ноги, когда гуляешь по тропинкам, особенно, если ты идёшь босиком, – ответил Серёжа.

– Верно, – кивнул папа. – А если вы заметили на тропинке змею и не уверены, что это не безобидный ужанок, что тогда?

– Тогда, нужно немного потопать ногами и она сама уползёт, – сказала девочка. – А если не захочет, то нужно просто аккуратно обойти её стороной и ни в коем случае не дразнить и не бросать в неё камни.

– Отлично, – улыбнулся папа. – Всё верно.

– Пап, а почему нельзя бросать в гадюк камни? – поинтересовался Серёжа. – Они же плохая.

– Они вовсе не плохие, – сказал папа. – Просто они ядовитые и не любят, когда их тревожат понапрасну.

– Вот видишь, – ответил мальчик, – ядовитые! Это плохо.

– Это не их вина, – улыбнулся папа. – Ты же не ругаешь нож, за то, что он острый, а огонь, за то, что он горячий. Ты просто обращаешься с ними осторожно. К тому же, в своё время гадюки сослужили людям неоценимую службу, хотя об этом сейчас мало кто помнит...

– Гадюки? Людям? – удивились ребята. – Не может быть!

– Чистейшая правда, – усмехнулся папа, поднимая одну руку. – Без их помощи люди ни за что бы не одолели армию Соляных исполинов, что вышла однажды из вод Мёртвого моря и двинулась по земле, сметая всё на своём пути...

– А кто они были, эти исполины и почему вдруг напали на нас? – спросил Серёжа.

– О, друг мой, – ответил папа. – В этой истории больше вопросов, нежели ответов, но кое-что я всё же могу вам пове-

дать, поскольку в своё время переписывался с одним презабавным греком по имени Кефеус, большим любителем дынь и кофе, который знал про эту легенду больше всех на свете, ибо посвятил ей всю свою долгую жизнь.

Папа внимательно изучил свои очки, немного протёр их, водрузил на нос и начал своё рассказ:

– Как вы наверняка помните, Мёртвое море или как его ещё называли древние греки – озеро Сирбанид, настолько солёное, что в нём совершенно нет никакой жизни. По крайней мере, так считается сейчас и считалось в далёком прошлом, пока, однажды, неподвижные воды Сирбанида не дрогнули и не забурлили, явив миру чудовищ...

Первым их увидел молодой пастух, что искал отбившуюся от стада овцу. В ужасе он бросился бежать и бежал, не оглядываясь и не останавливаясь два дня и две ночи подряд, пока не оказался у городских ворот. То, что он рассказал жителям, было настолько дико, что его сочли безумцем и заперли в подвал, но пастух не сошёл с ума. Вечером того же дня войско Соляных Исполинов показалось на горизонте и прежде чем горожане успели что-то предпринять, оно обрушилось на город и стёрло его с лица земли, вместе со всеми его обитателями. Так начинается эта легенда, и она сразу же рождает вопросы. Откуда на дне моря появились исполины, и что пробудило их ото сна?

По мнению старика Кефеуса, всё началось гораздо раньше, в те жуткие и прекрасные времена, когда на земле жили

племена великанов, соперничавших меж собой за земли. Одно из таких племён называлось Урука и обитало оно приблизительно в той местности, где ныне раскинулась Иордания. Это я было могучее и непокорное племя воинов и охотников, вечно враждовавшее со своими соседями и вечно желавшее иметь больше, чем имело. Не один раз три соседних племени Суза, Обейда и Анау объединяли свои усилия, чтобы уничтожить великанов Урака, но раз за разом терпели поражение, так как помимо силы и отваги, воины Урука имели один секрет. Выпив глоток особого зелья, что готовили из подземных лишаев их знахари, они могли превращаться в больших чёрных птиц и, пролетев над головами мирно спящих врагов неожиданно нападать на них сзади. Зелье действовало всего один час, после чего, великаны вновь вставали на ноги и не могли подняться в воздух до наступления следующей ночи, а те, кто пытался вновь выпить колдовского отвара, превращался в каменного истукана. Благодаря этой тайне, племя Урука неизменно выходила победителем из всех схваток и, несмотря на то, что у них было всего 30 взрослых великанов-воинов, вело такую жизнь, какую хотело.

Когда после очередной битвы, три племени вновь были разбиты, их старейшины собрали совет и стали думать, что им делать.

– Приходится признать, что мы не можем победить великанов Урука силой оружия, хотя у нас вчетверо больше воинов и наши лошади быстрее и выносливее, – сказал один из

них. – А значит, не стоит больше и пытаться. У них есть какая-то тайна, что позволяет им раз за разом одерживать над нами верх, и пока мы не узнаем её, они и дальше будут нападать на нас, грабить наши поселения и угонять наш скот и мы ничего не сможем с этим поделаться. Иногда мне кажется, что ночами у них вырастают крылья... Как бы то ни было, мы должны выведать их секрет. Мы пошлём к ним шпиона, чтобы он всё узнал, и тогда они будут в нашей власти. Но действовать нужно осторожно, чтобы они ничего не заподозрили, а иначе нам никогда не избавиться от этих разбойников...

Старейшины долго думали и гадали, кого же им послать к великанам, как вдруг услышали взволнованный девичий голос.

– Отправьте меня...

– Кто здесь?! – вскричал вождь племени Суза, поднимая свою каменную палицу. – Покажись немедленно или я превращу тебя в лепёшку!

– Не гневайся, отец, – последовал ответ, и из тени выступила юная девушка, которую звали Яла. – Отправь к ним меня. Я стану женой их вождя и быстро выведаю все тайны.

– Но если они догадаются, что ты замышляешь, то убьют тебя, – побледнел отец.

– Ради своего народа я готова на всё, – ответила храбрая девушка, и старейшины не нашлись, что ей возразить.

Вождь Уруков, одноглазый великан Ронас расхохотался,

узнав, что ему предлагают в жёны дочь вождя одного из Трёх племён.

– Отменный подарок! – веселился он. – Я согласен! Они думают, что это умилостивит меня. Глупцы! Скоро я соберу такую армию, что все племена падут к моим ногам, и тогда я буду королём великанов, а великому королю нужна достойная королева...

Со слезами на глазах Яла покинула своё племя и поселилась в долине большой реки, где жили великаны Урука. Дни полетели за днями, но красавице никак не удавалось выведать тайну у своего мужа. Ронас лишь усмехался, когда она спрашивала его о том, как им всегда удавалось победить своих врагов, и говорил, что война это не женское дело. Наконец, потеряв терпение, Яла пошла на новую хитрость и сказала однажды ночью мужу следующее:

– Я должна признаться тебе кое в чём, Ронас... Только обещай не сердиться на меня, ладно?..

– Ладно, ладно, что там у тебя, говори... – сонно пробурчал Ронас. – Небось опять что-то разбила...

– Три племени собирают силы, чтобы снова напасть на вас, Ронас, – сказала девушка глухим голосом. – На этот раз они хотят заключить договор с кочевниками и напасть на вас со всех сторон одновременно... Вам не устоять...

– Что?! – взревел Ронас. – Как? Когда? Почему ты молчала?! Тебя специально подослали ко мне? Говори!

– Прости, – залилась слезами Яла, – я не могла послушаться

воли своего отца! Это он приказал мне стать твоей женой и отравить тебя, накануне битвы, но я не могу этого сделать, не могу...

Яла заревела ещё сильнее и Ронас смягчился.

– Ну хорошо, хорошо, успокойся... – прорычал он. – Ты призналась мне, а это главное... Когда они нападут?

– Скоро, – шмыгнула носом девушка. – Отец пришлёт мне с орлом венок из луговых трав, что растут подле нашего дома. Это будет означать, что они нападут ровно через два дня.

– Тогда знахарям нужно спешить... – пробормотал Ронас. – У нас осталось мало зелья...

– Какого зелья? – наострила уши Яла.

– Неважно, – ответил Ронас, но девушка повисла у него на шее.

– Я открыла тебе свою тайну, теперь твоя очередь. О каком зелье ты говорил? Скажи мне, прошу...

Ронас долго отнекивался, но, в конце концов, сдался и поведал Яле секрет своего племени.

– О, как бы я хотела попробовать это зелье и хоть ненадолго сделаться птицей, – вздохнула Яла. – Можно?..

– Хорошо, – хмуро кивнул Ронас. – Только я полечу вместе с тобой...

Они выпили зелья, превратились в больших птиц и взмыли в небо. У Ялы даже дух захватило от ужаса и восторга и когда спустя час они приземлились, она вновь попросила

мужа дать ей глоток горького отвара, но тот возразил:

– Второй секрет этого зелья состоит в том, что его можно принимать только один раз за ночь, а иначе, ты окаменеешь.

Яла запомнила и этот секрет, и они пошли спать.

На следующую ночь, когда Ронас уснул, Яла незаметно выскользнула из кровати, сделала глоток зелья из пузырька, что всегда висел на шее мужа, и выпорхнула наружу. Она полетела напрямиком к своему отцу и рассказала ему всё, что узнала. Затем, она села в повозку, запряжённую самыми быстрыми лошадьми-великанами, и помчалась обратно, так что на заре вновь была дома, и когда Ронас проснулся, лежала рядом с закрытыми глазами.

А спустя 10 дней, большой орёл закружился над её домом и выронил из своих когтистых лап душистый венок из спелых луговых трав...

– Смотри, – сказала Яла, показывая венок Ронасу. – Видишь, я не обманула тебя. Завтра они нападут на нас.

– Мы готовы, – усмехнулся Ронас. – И в этот раз мы не пощадим никого...

На следующий день армия Трёх племён вместе с прикнувшими к ним кочевниками вторглись в долину и окружили поселение Урука, но его жители были спокойны.

– Пусть только наступит ночь, и мы им покажем, – зловеще шептал Ронас. – Пусть только наступит ночь...

Ночь настала, и 30 великанов во главе с Ронасом приняли зелье и обратились в чёрных птиц.

– Скоро увидимся, – прокричал Яле Ронас, поднимаясь в воздух и исчезая во тьме.

– Скорее, чем ты думаешь... – прошептала в ответ Яла.

Великаны Урука не могли знать, что как только жаркое солнце закатилось за горизонт, воины трёх племён развернули и подняли на длинных шестах высоко в небо выкрашенные в чёрный цвет блинные рыболовные сети. Одна за другой огромные птицы попадались в них, путались и падали на землю, где их тут же хватили и крепко связывали другие великаны. Только одной самой сильной и крупной птице удалось ускользнуть, и это был Ронас.

– Что делать с пленниками? – спросили воины своих старейшин когда солнце вновь засияло над долиной.

– Отведите их на берег Великого солёного озера, дайте им выпить зелья, и как только они окаменеют, столкните их в воду, – последовал ответ вождей, и их воля была в точности исполнена.

На этом заканчивается ещё одна легенда, которую я услышал от Кефеуса. Правда, старик не смог мне ответить, что же стало с Ронасом, последним великаном племени Урука. Он только предположил, что тот, перебравшись через Белые скалы, попал в царство горных колдунов и потратил остаток своей жизни на то, чтобы отыскать средство, которое помогло бы вернуть его товарищей к жизни. Однако, по всей видимости, Ронас мало преуспел в этом. Очень скоро все великаны исчезли с лица земли, и о их существовании забыли на

многие века, пока Соляные исполины не покинули однажды воды Мёртвого моря и не начали сеять хаос...

Но что же пробудило их столь внезапно? – спросите вы.

На этот вопрос старый грек ответил мне следующее:

– Одна древняя рукопись той поры гласит, что накануне пробуждения исполинов, мимо озеро Сирбанид проезжал, спасаясь от людской погони, последний горный колдун Сарамсар. В рукописи сказано, что когда двадцатью днями позже, умирающего от жажды и истощения колдуна всё же настигли в пустыне, при нём не смогли обнаружить зелья, обереги, а главное, 13 магических статуэток, способных оживать по воле колдуна и творить жуткие вещи. Очевидно Сарамсар, поняв, что на этот раз ему не уйти, где-то их закопал или же, как уверял меня Кефеус, бросил их в воду. В любом случае, когда колдуна спросили, знает ли он что-либо о Соляных исполинах, что к тому времени уже успели уничтожить несколько городов, Сарамсар только хрипло расхохотался и превратился в пепел.

Из всего этого, старый любитель дынь сделал предположение, что какие-то из вещей колдуна пробудили от спячки племя застывших на дне моря великанов. Когда же они поднялись на поверхность и полные тысячелетней ненависти двинулись туда, где ранее обитали их недруги, вода на их каменных телах высохла, и они покрылись толстой коркой соли, что и дало им прозвища Соляные Исполины.

Ровно 101 день длился поход восставших монстров и за

это время не один десяток больших и малых поселений были растоптаны ими в прах и развеяны по ветру. Исполины не знали страха и боли, усталости и голода, пощады и жалости. Дважды люди собирали огромную армию и пытались противостоять чудовищам, но их оружие было бессильно, против каменных великанов и те побеждали. В какой-то момент стало понятно, что если люди проиграют третью битву, то уже никто и никогда не сможет остановить Соляных Исполинов.

В этот драматический час, несколько магов пустыни, обратились за помощью к животным, прося выступить их на стороне людей в решающей битве.

– Поймите, – убеждали они зверей и птиц, – когда исполины покончат с людьми, то возьмутся за вас и не успокоятся, покуда не уничтожат на земле всё живое!

Но многие звери были в сомнениях.

– Это не наше дело, – ответили многие птицы. – Мы всегда можем улететь, куда захотим. Исполины нам не страшны.

– Это не наша война, – сказали лисы, барсуки, шакалы и многие другие. – Мы всегда можем убежать и спрятаться в норах. Великаны нас не пугают.

– Это слишком опасно! – закричали обезьяны. – Мы лучше подождём...

Но кое-кто внял доводам магов и дал слово, что в назначенный день и час они помогут людям. Среди этих смельчаков были и гадюки, и как раз им то и пришлось сыграть решающую роль в последней схватке...

Надо сказать, военачальники людей не доверяли магам. Им казалось, что те могут их предать, оттого то, в день битвы, их неожиданно взяли под стражу и заперли в башне. Маги умоляли стражу отпустить их, чтобы они могли предупредить зверей готовых прийти на помощь, но охрана была неумолима и тогда, магам пришлось использовать свою силу. Они выдернули нити из своих плащей, сплели из них небольшого человечка и оживили его тайным заклятьем. Человек пролез под дверью и побегал в лес, чтобы предупредить животных.

Его путь был не близок, поэтому к тому моменту, когда он достиг опушки, битва уже началась. На этот раз 30 великанам противостояло 50 боевых слонов, которым, для поднятия боевого духа, дали выпить по бочонку горячего мёда с колдовскими пряностями. Исполины сошлись на краю пустыни и огромные тучи пыли поднялись столь высоко, что закрыли солнце. Бой продолжался несколько часов, и людям оставалось только гадать, что происходит в кромешной тьме, прислушиваясь к ужасающему реву разгневанных слонов и тяжёлым ударам огромных палиц великанов. Наконец, пыль начала оседать и из неё, один за другим, выступило 27 Соляных Исполинов...

Войско людей дрогнуло, ибо если даже 50 могучих слонов закованных в броню не смогли усмирить чудовищ, то, что могли сделать копья и стрелы?..

В этот миг, из тучи пыли, вслед за великанами появились

носороги, львы, тигры, гепарды, гиппопотамы и прочие разные звери. В полном молчании они обрушились на великанов сзади и сумели повалить нескольких из них. Тигры и львы запрыгивали на спины исполинов, меша им подняться, в то время как носороги наносили им удары по ногам, пытаясь лишить монстров возможности передвигаться. Однако самыми малозаметными, но наиболее продуктивными оказались змеи. Многие тысячи гадюк одновременно набрасывались на исполинов, и, свиваясь воедино, опутывали их ноги живым канатом. Один за другим гиганты падали на землю и при виде этого зрелища, люди бросились вперёд, и закипел новый бой, ещё более жестокий и ужасный, нежели прежний. Помощь зверей была неоценима. Поверженные наземь исполины всё ещё были смертельно опасны и их палицы унесли множество жизней людей и животных, но подняться им уже не дали. Уже при свете факелов последнее чудовище было крепко-накрепко связано и более не могло двигаться. Но что было делать дальше? Как не крепки были связывающие их цепи и канаты, со временем они могли лопнуть. Этого люди не могли допустить и на этот раз послушались магов, которые предложили раздробить великанов сначала на большие глыбы, затем на мелкие камни, а после растолочь в песок, погрузить его на корабли и сбросить их останки за борт в 7 различных морях.

Работа закипела. Люди соорудили огромный бронзовый молот, который поднимался при помощи веревок, в которые

запрыглись люди и животные и обрушивался с высоты десятиэтажного дома на Соляных исполинов, кроша их в дребезги. Молот стучал без устали день и ночь на протяжении года, и от его ударов содрогалась земля. После чего, торговые корабли многих стран были нагружены мешками с песком и отплыли в море, чтобы спустя несколько месяцев вернуться пустыми. Так раз и навсегда были повержены Соляные исполины.

– Так значит, нас спасли гадюки?.. – недоверчиво спросил Серёжа.

– Скажем так, они внесли значительную лепту в эту знаменательную победу, – ответил папа.

– Но почему же тогда люди их так не любят? – удивилась Варя.

– На этот, старик Кефеус не смог мне дать ответа, а только лишь печально покачал головой, – ответил папа. – Думаю, этим он имел в виду извечную человеческую слабость приписывать себе все победы, тогда как все неудачи, напротив, взваливать на головы других... Словом, тёмная история.

– Больше никогда не буду обижать змей, – сказал Серёжа.

– И я, – поддержала его Варя. – Только они всё равно противные!

Йети

Стёпа высунул нос из-под крыльца, шумно втянул горя-

чий воздух, обиженно чихнул и нырнул обратно. Старые торфяники за болотами горели уже вторую неделю, и почти всё это время Степашка отказывался вылезать наружу, свив себе под домом нечто вроде гнезда на прохладном песке. Ребята с удовольствием последовали бы его примеру, но вынуждены были оставаться наверху, вместе с родителями. Горький, едкий, вездесущий дым окутывал дачи точно сухой туман, и даже ясным днём солнце с трудом пробивалось сквозь его пелену.

– Ну когда же это кончится? – ныли ребята. – Уж лучше бы шёл дождь...

– Когда идёт дождь, вы тоже жалуетесь, – заметила мама, сонно обмахиваясь журналом. – На вас не угодишь...

– Нет, правда, это какой-то кошмар, – поддержал ребят папа, безуспешно пытающийся закончить новый рассказ. – Я совершенно не могу работать, совершенно. Иногда мне кажется, что я трубочист, а не писатель. Всё в дыму, всё!

– Ну, так расскажи нам какую-нибудь историю, – предложила мама. – Только дорогой, умоляю, пусть там будет прохладно и никакого дыма!..

– Правда, пап, расскажи что-нибудь, – немного оживились ребята. – А то нам ску-у-у-учно...

– Хм-хм... – потёр нос папа, делая вид, что он вовсе не настроен рассказывать истории и его нужно долго уговаривать. – Знаете, это не так просто, рассказывать в такую дымную жару истории, в которых прохладно и дыма нет. Мне

нужно сосредоточиться...

– Ну, пап, ну пожалуйста, – жалобным тоном попросила Варя. – Расскажи что-нибудь весёлое...

– Хорошо, – кивнул папа. – Попробую, но если что, я не виноват.

– Ладно, ладно, – обрадовались ребята. – А о чём эта история?

– О том, как важно мыть руки... – ответил папа и, заметив кислые лица ребят, усмехнулся и добавил, – если ты хочешь познакомиться со Снежным человеком. Или, как его ещё называют – Йети.

– Вау! – обрадовался Серёжа. – А они едят людей?

– Нет, нет, что ты, – замахал руками папа. – Они абсолютно мирные существа, просто... Впрочем, обо всём по порядку.

Папа отложил ручку и бумагу, расстегнул ещё одну пуговицы на своей рубашке и начал рассказ:

– Ганс Шуберт ненавидел лыжи с самого детства. Отец заставлял его вставать на них каждые выходные, пока снег хоть немного прикрывал землю и с той поры, Ганс их не выносил. Он так и говорил «В этом мире я не терплю только две вещи: лыжи и страусов». Почему Ганс не любил страусов никто не знал и узнавать не собирался, потому что жил Ганс весьма уединённо и всё своё свободное время писал статьи в научные журналы. Он писал на разные темы, но более всего его занимал снежный человек. Дело было в том, что Ганс был абсолютно уверен, что он существует и пытался убедить в

этом всех мало-мальски известных учёных. Но вот беда, почти все учёные требовали доказательств существования йети, а их-то у Ганса как раз и не было.

– Это чёрт знает что такое! – возмутился он. – Эти учёные точно попугаи, все заладили одно и то же «Где ваши доказательства, герр Шуберт?». Как будто и без доказательств не ясно, что йети существует и отлично себя чувствует в Гималаях. Эх, если бы я только мог добраться туда, то уж точно бы нашёл его следы, а быть может, и целую стаю снежных людей, но, увы, там повсюду снег, а это значит, что нужно брать лыжи, а я их ненавижу...

Шли годы. Ганс продолжал писать свои статьи, но ответов ему больше ни от кого не приходило. Учёным до смерти надоел этот герр Шуберт, со своим йети и они попросту выбрасывали его письма в мусорный бак.

– Так больше не может продолжаться, – воскликнул однажды Ганс. – В прошлом году я написал и отправил более тысячи писем, я писал по три штуки в день и не получил ни одного ответа! Ни единого! Это немыслимо!

Ганс так разъярился, что немедленно отправился в ближайший спортивный магазин и приобрёл себе лыжи и всё необходимое для длительной прогулки в заснеженном лесу.

– Я им покажу! – грозил он своим маленьким кулачком неизвестно кому, из окна авиалайнера уносящего его в сторону Гималаев. – Я привезу вам столько доказательств, что вы в них утонете! Всего что вам нужно будет делать, это вы-

бирать самые лучшие и свежие доказательства, и говорить мне спасибо, что я не поленился встать на лыжи, которые ненавижу с детства, и доставил их вам прямиком в ваши тёплые кабинеты! Быть может, мне даже удастся привести с собой живого снежного человека или парочку малышей...

Мало что смысла в восхождениях, Ганс, тем не менее, был необычайно настойчивым и энергичным человеком. В первый же день, он познакомился с торговцем открытками по имени Ло, который, обладая огромным опытом в таких делах, посоветовал ему взять надёжного проводника для такого дела. На вопрос Ганса, где тут можно найти такого человека, Ло широко улыбнулся и сказал, что знает одного и он как раз завершил все дела с прежней экспедицией и готов вновь отправиться в путь.

«Правда, его услуги стоят недёшево, – предупредил торговец открытками, – но поверьте, лучше отдать больше сейчас, чем потом...»

Ганс не совсем понял, что именно имел в виду Ло, но решил последовать его совету.

Проводника звали Кхура. По его словам он принадлежал к немногочисленной народности шерпа, которые издревле населяли Гималаи и считались лучшими проводниками в этих местах. При первом знакомстве, Кхура показался Гансу не слишком похожим на местных. По его мнению, Кхура скорее походил на уличного торговца пряностями, которого Ганс однажды видел на одной ярмарке, где у него украли кошелёк.

Герру Шуберту даже почудилось, что он видит в глазах Кхура тот же хитрый и жадный огонёк, но юноша быстро развеял все его сомнения. Горделиво подбоченясь, он заявил, что в его жилах течёт кровь известного Ближневосточного путешественника Самана Салиба Нарсула Хасимата, который более 100 лет назад посещал Тибет со своей экспедицией. В подтверждение своих слов он показал Гансу старинную монету с арабской вязью, ржавый кинжал и крохотную, замусоленную миниатюру, изображавшую его знаменитого предка. «Видите, – сказал Кхура, тыча в грязное изображение усатого мужчины, своим толстым коротким пальцем, – одно лицо!»

Такие очевидные доказательства благонадёжности проводника практически убедили Ганса в том, что он сделал правильный выбор, однако, следуя своей врождённой педантичности, он, всё же, решился кое-что уточнить.

– Скажите, пожалуйста, любезнейший господин Кхура, а много ли в этих горах йети? – спросил Ганс.

– Полно, – небрежно произнёс Кхура, привыкший отвечать на подобные вопросы докучливым туристам.

Сдерживая радостную дрожь, герр Шуберт уточнил:

– А вы сами, лично, их видели?..

– Само собой разумеется, – не задумываясь ответил проводник. – Говорю же вам, их полно в Гималаях. Нужно только знать, где искать.

– Чудесно! – захлопал в ладоши неисправимый романтик

Ганс. – Всё, что мне нужно, это сделать несколько достоверных фотографий йети, собрать их шерсть, и, если получится, узнать их чуточку поближе. Как вы думаете, у нас будет какая возможность?

– Отчего нет, – ответил предприимчивый проводник. – Снежные люди иногда сами подходят к стоянке и просят сладкое. Я немного понимаю их язык, так что вы сможете спросить у них всё, что вам нужно в обмен на карамельки...

– Превосходно! – заявил Ганс и направился в ближайший магазин, где скупил всю карамель и леденцы на палочке.

«Что если мы наткнёмся на целую стаю йети, а у меня закончатся гостинцы? – думал он. – Я же себе никогда этого не прощу! Как говорил мой дедушка – хорошая подготовка, половина успеха. Возьму ка я ещё мармеладу и пастилы. Кто знает, что любят маленькие йети...»

После того как Кхура дал Гансу ещё несколько «бесценных» советов, они наконец то направились в путь. Ганс думал, что они полезут высоко в горы, но проводник заверил его, что в этом нет никакой необходимости.

– Доверьтесь мне, *герр Щербет*, – сказал Кхура, таская тайком из рюкзака Ганса леденцы и отправляя их в рот. – Я отлично знаю эти места. Тут полно йети. Просто тьма. Случается, их даже приходится расталкивать, что пройти...

– Я Шуберт, а не Щербет, – в который раз поправил Ганс своего проводника.

– Я и говорю, герр Щербет, – отвечал Кхура. – Волновать-

ся не стоит. Всё будет хорошо.

– Но я слышал, что их осталось довольно таки мало, – удивился Ганс. – И лучше всего их искать высоко в горах, где почти нет людей.

– Прости те меня, герр Щербет, но неужели вы, умный и образованный человек верите в эту чушь? – сказал Кхура. – Все эти истории нарочно рассказывают туристам, чтобы вытащить из них как можно больше денег. Мы же с вами идём в настоящую экспедицию, не так ли?

– Ну, да... – неуверенно согласился Ганс.

– Так вот, – продолжил Кхура, – искать йети высоко в горах, пустое дело. Там полно народу, так что йети давно покинули эти места, и спокойно живут у подножия Гималаев. Нам даже мусорные баки приходится делать с замками, чтобы они не разбрасывали мусор. Просто напасть какая-то...

– Но позвольте, – изумился Ганс, – откуда же высоко в горах так много людей?

– Ну как вы не понимаете, – воскликнул проводник, удивляясь несообразительности Ганса. – Высоко в горах полно людей, потому что все они ищут там йети, которых там давно нет, потому что там полно людей, которые их ищут! Это же очевидно.

Герр Шуберт был сражён убийственной логикой Кхура и заужал его ещё больше. Правда, он не понимал, кудападают конфеты из его рюкзака, но когда он спросил об этой странности проводника, то тот сделал такое лицо, что Ганс

опять решил, что он опять не понимает каких-то очевидных вещей и больше про конфеты не спрашивал, боясь прослыть простаком. Идея, что искать йети нужно не высоко-высоко в неприступных вершинах Гималаев, а внизу, постепенно прочно овладела его разумом.

«Теперь мне всё ясно, – думал он, забывая даже о ненавистных лыжах на своих ногах. – Ну конечно же, как же это раньше никому не пришло в голову! Йети просто уходят из тех мест, где их ищут. И чем больше их ищут, тем меньше их там остаётся! Неудивительно, что их никто давно не видел. Они преспокойно сидят внизу и смотрят, как глупые туристы карабкаются наверх, подвергая свои жизни ненужному риску. Как же мне повезло, что я встретил Кхура. Без него я бы мог хоть сто лет кряду лазать среди вершин без всякой надежды встретить снежного человека. Ох, какую же прекрасную статью я напишу об этом, когда вернусь домой. Я назову её «Парадокс йети» и пусть только попробуют эти бездельники учёные возразить мне что-нибудь после этого... Им бы самим давно пора надеть лыжи и отправиться в путь, а не прозябать в своих душных кабинетах, среди пыльных книг и заплесневелых рукописей. Уверен, после такого открытия, мне обязательно присвоят докторскую степень, и я наконец-то смогу подписываться не просто Ганс Шуберт, а доктор Шуберт...»

Будущий доктор даже зажмурился от удовольствия, представив, как внушительно будет выглядеть его подпись, но

споткнулся и упал лицом в снег.

«Однако, полевые исследования определённо имеют некоторые неудобства, – решил он, понимаясь на ноги и отплёвываясь от снега. – Впрочем, дело того стоит. Доктор Шуберт, подумать только. То-то все удивятся на почте...»

На исходе второй неделе, когда ни одного йети так и не было встречено, герр Шуберт начал проявлять первые признаки нетерпения.

– А вы уверены, что мы достаточно низко у подножия Гималаев, – спросил он Кхура. – Просто, мне кажется, что...

– Смотрите, – вдруг заорал Кхура, вскакивая на ноги и выплёскивая на колени Гансу горячий кофе. – Вон, видите?! Да вон же! Да прекратите же скакать точно заяц!

– Я не могу! – кричал в ответ Ганс. – Кофе очень горячий! Ой, ой, ой!

– К чёрту ваш кофе, – вопил проводник. – Видите, вон там, за ёлками! Это йети! Клянусь вам, я их достаточно на своём веку повидал!

Забыв про свои обожжённые коленки, Ганс уставился в ту сторону, куда ему указывал проводник, но ничего кроме деревьев и снега не увидел.

– А вы точно уверены, что это был именно йети? – спросил он, наконец. – Может это была белка?..

– Абсолютно уверен, – буркнул проводник, напуская на себя обиженный вид. – Если не верите, то сходите и убедитесь сами. На снегу должны были остаться его следы. И не

забудьте свой фотоаппарат, а то их скоро занесёт позёмкой...

Не зная чему верить, своим глазам или словам проводника, Ганс нацепил лыжи, схватил фотоаппарат и помчался в указанном направлении. Достигнув крайней ели, он ахнул: прямо перед ним, на глубоком, чистом снегу, отчётливо виднелись отпечатки огромных босых ног, принадлежавших, без всякого сомнения, огромному самцу снежного человека. Следы плутали вокруг ёлок, а затем уходили в чащу леса. В одном месте, было видно, что йети долго топтался на одном месте и Ганс понял, что тот наблюдал за их лагерем. Мурашки ужаса и восторга побежали по его спине. Он сорвал с плеча фотоаппарат и начал фотографировать всё, что ещё не успела уничтожить начинающаяся метель.

– Кхура, – кричал он, спустя час, когда следы окончательно скрылись под слоем снега, и он был вынужден вернуться в лагерь, – Кхура, это же поразительно! Это просто чудо! Столько следов, я даже немного опешил! Он, должно быть, пришёл сюда ещё ночью, и наблюдал за нами до утра, а когда мы проснулись, решил потихоньку улизнуть. Тут вы его и заметили. Но какова скорость?! Я примчался на это место меньше чем за две минуты, а его уже и след простыл!

– Эти йети жуть какие шустрые, – снисходительно улыбнулся Кхура, пытаясь языком скovyрнуть с зубов застрявшую там карамель. – Но устоять против сладостей никак не могут.

– Так он пришёл сюда за конфетами? – удивился Ганс.

– Да, герр Щербет, – кивнул проводник. – Он за версту чуют сладкое и сбегаются точно пчёлы на мёд. Только нужно быть настороже: если их напугать, то они могут здорово разозлиться и тогда нам обоим не поздоровится.

– А что если нам осторожно подманить их нашими конфетами, – предложил Ганс. – Как вам такая идея?

– Отличная идея, герр Щербет, – согласился Кхура. – и вот как мы поступим. Тут недалеко есть небольшая хижина. Мы разобьём в ней лагерь и будем подманивать к ней йети конфетами.

– Вы думаете, они подойдут к хижине? – с сомнением спросил Ганс. – Быть может нам лучше остаться здесь, в лесу?

– Нет, нет, – запротестовал Кхура, уставший от ночёвок на открытом воздухе, – в лесу мы точно их не увидим близко. Поверьте моему опыту. Нам нужно идти в хижину и приманивать их там. Ручаюсь вам, герр Шуберт, они придут в первую же ночь, а если нет, то мы вновь отправимся в лес.

От такого предложения Ганс не мог отказаться, ибо и сам в глубине души порядком утомился от постоянного холода и пронизывающего ветра. При всём своём энтузиазме, герр Шуберт был изрядный домосед и мысль о том, что сможет наблюдать йети, имея крышу над головой, покорила его.

– Ну, если вы так уверены... – пробормотал он.

– Уверен, – отчеканил Кхура и начал паковать вещи.

Хижина представляла собой небольшую, грубо сколочен-

ную избушку, больше похожую на сарай, нежели на жильё, но после дюжины ночей на снегу, обоим путешественникам она показалась дворцом. Они подлатали крышу, заткнули самые большие щели в стенах, укрепили изнутри дверь деревянными жердями и разожгли огонь в примитивном каменном очаге. Очень скоро, внутри стало тепло и дымно, и Ганс с непередаваемым удовольствием стянул с головы шапку и расстегнул куртку. Мурлыча точно кот, он уселся у самого огня с кружкой кофе и стал расспрашивать Кхура об их дальнейших действиях.

– Всё очень просто, герр Шербет, – объяснил Кхура. – Как только стемнеет, я выйду наружу и разложу вокруг хижины конфеты. Для начала я отступлю на сотню шагов, но затем, каждую ночь буду выкладывать их всё ближе и ближе, пока вы не привыкнете, и не буду подходить совсем близко. Тут то вы их и сфотографируете, а может, если повезёт, то и поболтаете. До этого момента, вам придётся ограничиться фотографиями их следов...

– Чудесно, чудесно, – бормотал Ганс, кляня носом. – Отличный план... Просто превосходный... Вы молодец, Кхура... Молодец...

Когда герр Шуберт уснул, проводник оделся потеплее, набил карманы конфетами, вытащил из рюкзака странные, короткие лыжи и вышел наружу. Проваливаясь в снег, он направился в сторону от хижины и, отойдя на сотню метров, одел на ноги свои снегоступы и стал петлять вокруг деревьев,

оставляя за собой чёткие отпечатки огромных, босых ступней... Попутно он поедал карамель, и разбрасывал вокруг фантики. После часа упорной работы, убедившись, что следов «снежного человека» вокруг вдоволь, он доковылял до хижины, спрятал снегоступы обратно в рюкзак и уснул под мерный храп Ганса.

На следующее утро герр Шуберт вскочил чуть свет. Он наспех выпил свой кофе, проглотил невкусный завтрак и выскочил за дверь.

– Пойду, проверю, не наведались ли ночью йети к нашему угощению, – сказал он. – Вы ведь разложили его, да?

– Конечно, – сонно отозвался Кхура. – Идите в лес всё прямо и прямо... Конфеты были там...

Ганс выскочил за дверь, а спустя несколько минут, до хижины донеслись его восторженные вопли:

– Они были тут, Кхура, были! Они приходили! *Боже, сколько следов!!!* И фантиков!..

Ганс снимал следы до самого вечера и буквально обезумел от радости.

– Это же гениально, – тараторил он за ужином. – Я... то есть мы с вами, открыли новый способ приманивания йети. Мы доказали, что они не просто существуют, а охотно подходят к человеческому жилью. О, Кхура, что бы я без вас делал?!

– Лазили бы по горам в поисках снежного человека, герр Щербет... – задумчиво отозвался проводник.

Ганс выпучил глаза, а потом захохотал, так что стены ла-чуги затряслись.

– Превосходно, Кхура, – кричал он, держась за живот. – Лазил бы по горам, ха-ха-ха! А ведь точно! Вот умора! Хи-хи-хи, хо-хо-хо, гы-гы-гы...

Когда Ганс немного утихомирился, он спросил проводника.

– Сегодня я бы хотел лично разложить конфеты в лесу. В качестве, так сказать, научного эксперимента.

– Но герр Щербет...

– Нет, нет и ещё раз нет, – упрямо замотал головой Ганс. – Я знаю, что это опасно, и вы, благородная душа, хотите уберечь меня, но право, я могу за себя постоять! Я... Я... я занимался лыжами в школе! Одним словом, я пойду и точка. И к тому же, не забывайте, что для чистоты эксперимента, приманку должны раскладывать разные люди. В противном случае, эти бумажные черви, эти кабинетные бездельники, эти бумагомаратели учёные обвинят нас в мошенничестве! Да, да, друг мой, я вижу, как вы побледнели. Я полагаю, что это от гнева. Я сам был в гнев, поверьте, но что поделаешь, не мы устанавливаем правила в научном мире. Пока...

Сказав это, Ганс оделся, взял кулёк конфет и вышел из хижины. Его не было около часа, после чего, замёрзший и улыбающийся, он ввалился обратно и сел к огню.

– Ну и стужа за окном, – сказал он,. – И как йети не холодно босиком? Просто поразительно...

Ганс долго разглагольствовал на тему йети тем вечером, а Кхура сидел как на иголках. Ему непременно нужно было под каким-либо предлогом выбраться наружу, но герр Шуберт и не думал засыпать. Он пил кофе кружку за кружкой и к полуночи так взбодрился, что вовсе решил не ложиться спать.

– Я буду писать всю ночь, – сообщил он Кхура. – У меня уйма материала. Мне нужно всё записать сейчас же, пока все события свежи в моей памяти.

– Но герр Щербет, – умолял его проводник, – вам непременно нужно отдохнуть.

– И слышать не желаю, – смеялся Ганс. – Я буду работать, а вы спите.

Кхуре ничего не оставалось делать, как лечь и уснуть, а утром, наблюдать угрюмое выражение на лице невыспанного Ганса.

– Ни одного следа... – бормотал тот. – Ни единого, вы представляете? Что-то случилось... Я чувствую, что что-то случилось... Мы чем-то обидели их или они просто ушли в другое место... Мы были так близко и вот... Что же теперь делать, что же делать?..

– Такое бывает, – пытался успокоить его Кхура. – Иногда их нет несколько дней кряду, а затем – раз, и целая стая прыгает вокруг вас. Не стоит так переживать...

– Нет, не успокаивайте меня, – стонал Ганс. – Они ушли. Они бросили нас! Боже, как я несчастен... Но знаете что, мы

их отыщем!

Глаза Ганса внезапно загорелись фанатичным огнём, и он принялся собирать вещи.

– Одевайтесь, Кхуру, – воскликнул он. – Они не могли далеко уйти. Мы отыщем их и вновь приманим! Скорее, они не могли далеко уйти!

Проводнику вовсе не хотелось покидать уютную хижину, и он спешно пытался придумать нечто, позволяющее им остаться.

– Пойдите, герр Щербет, – сказал он, когда Ганс уже пристёгивал лыжи. – Пойдите... Я, кажется, понял, в чём причина их отсутствия...

– И в чём же, – спросил Ганс.

– Скажите, перед тем, как разложить конфеты, вы мыли руки?..

– Э-э-э, – почесал затылок Ганс, – не думаю... А что, это так важно?

Кхура рассмеялся сухим смехом и принялся распаковывать свой рюкзак.

– Раздевайтесь, герр Щербет, – сказал он. – Мы остаёмся. Йети никуда не уходили. Они тут.

– Ничего не понимаю, – удивился Ганс. – Вы можете толком объяснить, что происходит?

– Это моя вина, герр Щербет. Я забыл вас предупредить.

– Предупредить о чём?

– О том, что йети необычайно чистоплотны, – ответил

Кхуру. – Они умываются по сорок раз на дню и никогда не возьмут конфет у человека, если он перед этим тщательно не вымыл руки.

– Вот оно что... – выдохнул Ганс. – Такая мелочь, подумай только...

– Такая мелочь может стоить нам обоим жизни, герр Щербет, – продолжил Ганс. – Грязные руки оскорбление для снежного человека. Это как... это как грязные руки! Нет ничего противнее.

– А вы мыли руки, перед тем как раскладывали конфеты в прошлый? – уточнил Ганс.

– Конечно, а потом ещё четырежды протёр их чистым снегом, – с достоинством ответил Кхура. – И результат вы видели.

– Да, – покачал головой Ганс. – Но они же вернутся, да?

– Несомненно, – ответил Кхура, – но отныне конфеты буду раскладывать только я, и *это не обсуждается!* У йети превосходный нюх. Если они вновь почуют на угощении ваш запах – жди беды. Они соберутся в стаю, придут сюда ночью, окружат нашу хижину и заметут её снегом, так что мы окажемся в ней замурованы навечно... Я уже видел такие ледяные склепы. Ужасное зрелище, герр Щербет, просто ужасное...

Ганс поёжился и отважился на последнюю попытку.

– Но научное сообщество...

– Плевать на научное сообщество, – грозно прикрикнул

Кхура. – Не им замерзать в плену у йети. Короче, либо вы подчиняетесь моим правилам, либо всё, я разрываю наш контракт и ухожу...

Кхура встал и начал рыться в рюкзаке в поисках контракта. Видя его решимость, Ганс покорно повесил голову и кивнул.

– Хорошо. Будь по вашему.

– Вот и славно, – расцвёл улыбкой Кхура. – Будьте пайнковой, герр Щербет и можете снова смело готовить ваш фотоаппарат к завтрашнему утру.

– Вы думаете, они придут?.. – жалобно пропищал Ганс.

– Без сомнения. Они спят и видят наши карамельки, герр Щербет, – ответил Кхура. – Сами убедитесь.

Понятное дело, что следов следующим утром было в избытке. Ганс благодарил небеса и Кхура, и не расставался со своим фотоаппаратом. Вдобавок, проводник развесил на сучьях куски пакли и герр Шуберт, приняв её за шерсть снежного человека, заботливо переложил её в специальный конверт.

– Я отправлю эту шерсть в Британский музей, – гордо сообщил он. – Британские учёные вечно задирают нос. Это собьёт с них спесь...

Тем же вечером, Кхура, которому стало лень забираться далеко в лес, сказал:

– Сегодня я положу приманку совсем рядом с домом. Думаю, они достаточно осмелели.

– А что если я попробую сделать несколько фотографий, когда они придут? – поинтересовался Ганс. – У меня на фотоаппарате есть отличная вспышка.

– Слишком опасно, – покачал головой Кхура. – Йети боятся молний. Если они внезапно увидят яркий свет, то побегут как зайцы, куда глаза глядят и что ещё хуже, расскажут всем своим знакомым, что к этой хижине лучше не приближаться. Тут даже тонна конфет не поможет...

– Ах, как жаль, – расстроился Ганс. – Мне бы так хотелось увидеть хоть одного снежного человека. Хоть краешком глаза!

– Краешком глаза... – задумался Кхура. – Есть у меня одна идея, но это очень опасно.

– Я заплачу любую сумму! – сказал Ганс. – Всё что у меня осталось, ваше! Пожалуйста, Кхура, помогите мне!

– Хорошо, – хмуро кивнул проводник. – Но вы должны беспрекословно меня слушаться иначе нам не вернуться живыми...

– Я на всё согласен, – воскликнул Ганс. – Что я должен делать?

– Ничего, – ответил Кхура. – Просто сидеть в хижине совершенно неподвижно, с головой укутавшись в одеяло и ждать.

– Ждать чего?

– Ждать, когда один из йети зайдет внутрь... – ответил Кхура, переходя на шёпот.

– Боже, неужели он осмелится войти внутрь?!

– Если всё будет тихо, то да, – сказал Кхура. – Главное, ни в коем случае не вылезайте из-под одеял, а не то ваш запах его вспугнёт.

– Но как же я его увижу? – спросил Ганс.

– Я оставлю вам малюсенькую дырочку, сквозь которую вы его увидите.

– А где будете вы в этот момент? – захотел узнать Ганс.

– Снаружи, – сказал проводник.

– Почему?

– Во-первых, наша лачуга слишком мала, чтобы тут уместилось трое, – объяснил Кхура. – А во-вторых, должен же кто-то остаться снаружи и привести помощь, на тот случай, если йети разозлятся и засыпят хижину снегом.

– Но как я увижу йети в темноте? – спросил Ганс.

– Я разожгу небольшой костёр напротив открытой двери хижины, а потом спрячусь на дереве, – сказал Кхура. – Огня они не боятся.

Ганс одобрил план проводника, и они приступили к его реализации. Первым делом, Кхура заставил герра Шуберта раздеться догола и хорошенько растереться снегом, чтобы отбить запах.

– Ради науки я готов на всё! – сказал Ганс и начал стаскивать штаны.

С криками и охами он долго натирал себя снегом, пока не сделался малиновым и только после этого Кхура позволил

ему вновь одеться.

– А вы знаете, – сказал Ганс, когда немного согрелся, – мне даже понравилось. Есть в этом что-то волшебное, голым скакать по снегу у подножия Гималаев...

Когда стало темнеть, Ганс лёг на пол, а Кхура тщательно завалил его сверху снаряжением и свежим лапником, оставив только маленькую дырочку для дыхания и наблюдения.

– Наберитесь терпения, лежите тихо и не ворочайтесь, – приказал Гасну проводник. – Йети долго будет ходить вокруг лачуги, принохиваясь и присматриваясь, и только потом, заглянет внутрь. Не упустите этот момент.

– Я буду начеку! – донеслось из-под груды вещей. – Я так счастлив!

Кхура прыснул в кулак и вышел наружу. Там он разжёг костёр, сделал себе ужин и неспешно поел. Затем он просто лежал у огня и ел карамель и только около двенадцати, встал, надел свои «волшебные» снегоступы и стал ходить кругами вокруг хижины, кашляя в воротник и шумно сморкаясь. Герр Шуберт, всё это время тревожно вслушивающийся в ночную тишину, вздрогнул:

– Так вот они какие, эти йети, – прошептал он. – Совсем как люди. Хорошо бы один из них заглянул сюда и полакомился бы конфетами... Уж я разгляжу его как следует...

Однако йети не спешил показываться. Он бродил вокруг хижины ещё почти час, пока у Кхура не закружилась голова, а Ганс не начал задыхаться под грудой вещей. Только то-

гда, проводник снял свою куртку, вывернул её мехом наружу, вновь надел на себя, повалился немного в снегу и в таком виде протиснулся в хижину. Он хрипел и рычал, колотил руками по стенам и даже уселся на кучу вещей, под которой прятался не живой ни мёртвый Ганс. В крохотную щелку он видел только большую тень, покрытую густым мехом, и от восторга грыз ногти, чего не делал с 5 летнего возраста. Кхура ещё раз потряс хлипкие стены лачуги, доел оставшиеся конфеты, громко рыгнул, и вышел наружу. Там он вывернул куртку обратно, подбросил в огонь поленья и улёгся спать, оставив Ганса ворочаться в своём тесном укрытии.

Утром разговорам не было конца. Ганс с упоением рассказывал о гиганте, что вломился в хижину и весьма убедительно имитировал звуки, которые тот издавал. Он сфотографировал следы вокруг лачуги и расспросил Кхура, что тот видел.

– Он был только один, насколько я смог заметить со своего дерева, – сказал проводник. – Но он был очень большим. Он долго ходил вокруг лачуги, а потом ворвался внутрь и стал так страшно рычать, что я едва не скатился вниз. О, герр Щербет, вы необычайно храбрый человек. Остаться с глазу на глаз с рассерженным йети, это подвиг.

Ганс покраснел от удовольствия.

– Ну, что вы, что вы... – забормотал он. – Я же был в укрытии... Право, не стоит говорить о моей храбрости...

– Но есть одно но, герр Щербет... – грустным голосом ска-

зал Кхура.

– Какое?

– Мои... то есть наши конфеты закончились.

– Совсем?!

– Полностью, – сокрушённо покачал головой Кхура. –

Этот громадный йети вчера доел последние остатки. Нам больше нечем их подманивать. Пора возвращаться, герр Щербет...

– А нельзя ли их ещё как-то заманить к нам, – расстроился Ганс. – Может они любят кофе или рыбные консервы?..

– Нет, – ответил Кхура, уставший от подобных приключения и желавший скорее попасть домой. – Либо конфеты либо... свежие ананасы. У вас случайно нет с собой свежих ананасов?

– Нет...

– И у меня нет. Укладывайте ваши вещи, герр Щербет. У вас и так вдоволь материала.

– Да, вы правы, – согласился Ганс. – Да и деньги совершенно закончились...

– Тем более, – ответил Кхура. – Собирайтесь.

Ганс принялся складывать вещи, всё ещё думая о той удивительной ночной встрече с йети, когда случайно, раскрыл рюкзак Кхура и оттуда, прямо ему под ноги вывалились странные снегоступы... В немом изумлении, герр Шуберт поднял их и покрутил перед глазами. Затем приложил к снегу и увидел отпечаток босой ноги.

– Но... – пробормотал он. – Конфеты... йети... Британский музей... как...

Его глаза наполнились слезами негодования, а затем, он издал леденящий душу вопль и, схватив горящее полено, бросился на своего проводника.

– Подождите, герр Щербет, – завопил Кхура, бегая вокруг лачуги на одной лыже. – Не всё так просто, герр Щербет! Дайте я вам всё объясню!

– Я тебе покажу конфеты! – не слушал его Ганс. – Я тебе покажу паклю! Я тебе покажу следы снежного человека! Стой, а не то хуже будет!

Видя, что Ганса не остановить, Кхура схватил вторую лыжу, кое-как нацепил её на ногу и помчался в лес. Ганс бросился за ним, но вскоре потерял беглеца из вида и остановился, чтобы перевести дух. Ярость пополам с обидой душила его.

– Каким же я был идиотом, – бормотал он. – Каким дураком...

Ганс отбросил дмящееся полено, сорвал с шеи и зашвырнул в сугроб свой фотоаппарат, и понуро побрёл обратно, к своей хижине. Он шёл, не разбирая дороги, проваливаясь в сугробы и не замечая ничего на своём пути и внезапно, почувствовал, что земля уходит у него из под ног, и он падает в яму. Герр Щербет испуганно пискнул, а мгновением позже оказался в большой берлоге. Близоруко щурясь, он попытался встать на ноги, когда услышал грозное рыча-

ние.

«Медведь! – пронеслось в голове бедняги. – Вот и всё...»

Он зажмурился, но, к его удивлению, рычание превратилось в ... смех. Он открыл глаза и увидел перед собой огромного покрытого рыжеватой шерстью человека. Тот смеялся лежа на спине и дрыгал в воздухе босыми волосатыми ногами.

– Ты и есть тот исследователь йети? – хохотал он. – Ой, не могу, не могу! Это тебя дурил Кхура, ходя в своих снегоступах вокруг избушки? Это тебе он подсунул паклю, вместо шерсти? Это ты всю дорогу нёс конфеты, которые он сам и ел? Ха-ха-ха! хи-хи-хи! Га-га-га!

Ганс замотал головой, думая, что ему снится сон, но видение не пропадало.

– Думаешь, это сон? – ещё пуще развеселился йети. – Тогда дайка я тебя ущипну, герр Щербет!

Снежный человек протянул громадную ладонь и больно ущипнул Ганса за бок. Тот взвизгнул и разинул рот.

– Так вы существуете?!

– Как видишь, – весело отозвался йети. – Но как ты нашёл мою берлогу?

– Я гнался за Кхура и провалился сюда, – ответил Ганс. – Но откуда вы всё знаете? Я не понимаю!

Снежный человек потянулся, зевнул и сел удобно уселся на подстилку из сухих листьев.

– Всё просто, – ответил он. – Кхура, мой двоюродный

брат.

– Ваш брат? – изумился Ганс.

– А что тут особенного, – насупился йети. – Я хоть и снежный, но человек...

– Но зачем тогда весь этот маскарад? – окончательно перестал что-либо понимать Ганс. – Не проще ли было...

– Показать меня? – завершил его мысль йети. – Мы тоже так думали сначала, но это оказалось плохая идея. Люди вечно всё портят... Они стали приезжать целыми толпами, делать фотографии, вытаптывать лес и мусорить в горах... Мне стало трудно жить той жизнью, к которой я привык. Я даже не мог спокойно прогуляться по лесу, чтобы кто-нибудь не начинал преследовать меня с криками и фотокамерами. Сначала я только смеялся, тому, что про меня писали в газетах, но потом, мне стало обидно. Тогда то мы с братом и решили выставить всё это как розыгрыш. Фальшивку. Кхура сделал свои всемирно известные снегоступы, придумал дурацкую историю про конфеты и всё прочее. Он зарабатывает неплохие деньги на туристах и покупает мне на них орехи и ананасы, которые я очень люблю. В горах теперь стало трудно добывать еду...

– Так значит, все те фотографии из газет, фальшивки?

– Почти все, – криво усмехнулся йети. – Хотя иногда, когда люди окончательно перестают в меня верить и туристы не хотят больше сюда ехать, я вылезаю из берлоги и прогуливаюсь перед какими-нибудь зеваками, чтобы подогреть ин-

терес.

– В жизни бы не поверил! – воскликнул поражённый Ганс.

– Иногда я сам в это с трудом верю, – признался йети и снова засмеялся.

Они долго просидели в берлоге, болтая на разные темы, и расстались как хорошие друзья. На прощанье, Ганс подарил снежному человеку свои часы, которые светились в темноте.

– Спасибо, – улыбнулся йети. – Теперь я всегда буду точно знать, когда нужно выходить, чтобы встретиться с братом. Он вечно ругается, если опаздываю...

В свою очередь, йети подарил Гансу амулет, который он смастерил собственными руками из своих волос.

– Вы можете отправить его в Британский музей, если хотите, – сказал он. – Только вам всё равно не поверят.

– Нет уж, – ответил Ганс. – Никаких больше музеев и учёных. Хватит. Мне это надоело. Мне понравилось путешествовать.

– И куда же ты теперь отправишься?

– В Африку, – сказал герр Шуберт. – Хочу посмотреть, так ли страшны эти страусы, про которых мне в детстве рассказывала моя бабушка...

Папа хмыкнул и начал протирать очки.

– И они больше не виделись? – спросила Варя.

– Ну почему же, – ответил папа. – Герр Шуберт регулярно навещал своего знакомого, а если у него не было времени, то он просто отправлял посылку с консервированными ана-

насами и орехами на имя Кхура, на которого он больше не сердился.

– А страусы? Они ему понравились? – спросил Серёжа.

– Сказать по правде, нет, – усмехнулся папа. – Он их по-прежнему не любит. Как впрочем и лыжи.

Пик Ник

– А как вам вот эта полянка, – спросил папа, оглядываясь через плечо. – По-моему отличная.

Его лицо под широкополой соломенной шляпой было красным от долгой езды на велосипеде, и очки будто бы запотели изнутри, но взгляд был полон энтузиазма.

– Так как, – повторил он. – Мы можем поискать другую...

– Даже если кому-то она и не нравится, – ответила замыкающая кавалькаду велосипедистов мама, – то дальше ищите не меня. Я больше не могу. Это не пикник, а какая-то гонка! Уф...

Мама слезла со своего железного коня и улеглась на траву. Запыхавшиеся ребята последовали её примеру и со сладостным стоном вытянули усталые ноги.

– Похоже, мы приехали, – сказал папа Степашке, и скотч-терьер проворно выскочил из своей корзинки на багажнике велосипеда и стал носиться по густой траве. Он нисколько не устал и был полон сил и желания резвиться.

«Пикник, это замечательно, – думал Степашка. – Весь

день можно бегать по лесу, охотиться на ящериц, рыть норы, где мне захочется, а потом, когда я устану, меня посадят обратно на велосипед и отвезут домой! А ещё, в сумках у ребят столько вкусенького... Может быть, мне опять удастся стащить кусочек копчёного сыра или сосиску... Да, пикник, это хорошо...»

Стёпа побежал исследовать окрестности, а его хозяева принялись разбирать поклажу, стелить покрывала и раскладывать еду. Вскоре, поляна преобразилась, и вся семья, удобно устроившись вокруг импровизированного стола, приступила к неспешной трапезе.

– Папочка, – спросила Варя, держа в руках огромный бутерброд и примериваясь, с какой стороны его лучше уку- сить. – А кто придумал пикник?

– Фрнннзы! – пробурчал папа с набитым ртом и закаш- лялся, так что мама сердито ущипнула его за ногу.

– Французы! – повторил папа, проглотив кусок, и сделав внушительный глоток морса. – Точнее, один молодой пред- приимчивый француз по имени Жюль. Он полюбил одну де- вушку из богатой семьи и решил, невзирая на все обстоя- тельства, во что бы то ни стало добиться её руки и сердца.

– О, – усмехнулась мама, – что-то мне подсказывает, что у этого молодого человек всё удалось.

– И не просто удалось, – загремел папа, потрясая своим бутербродом, – а блестяще! Он не только получил руку и сердце своей возлюбленной, убедив её отца, что он самый за-

видный жених на свете, но и сказочно разбогател, а вдобавок стал дворянином и почётным жителем своего города. Правда, тут не обошлось без небольшого мошенничества, но, как говорится – «На войне и в любви все средства хороши!» так что я ни в чём не виню Жюля. Скорее наоборот, признаю, что он, учитывая все обстоятельства, действовал весьма ловко и разумно и получил совершенно заслуженную награду. Впрочем, давайте ка я лучше всё расскажу по порядку, а вы сами решите, прав ли он был или нет.

Папа быстро дожевал остатки своего бутерброда и начал свой рассказ.

– В год, когда Жюлю стукнуло 25 лет, на большой городской ярмарке, он увидел Ноель, которой как раз исполнилось 19, и молодой человек немедленно влюбился в неё по самые уши. Девушка и вправду была необычайно мила и хороша собой, но её сопровождала целая свита друзей и сморщенная старушка с такими колючими глазами, что Жюль не решился подойти ближе и представиться. Всё же, он двинулся следом, и выяснил, где живёт его возлюбленная. В тот момент, когда она случайно встретилась с ним взглядом, Жюль послал её самый горячий воздушный поцелуй, на который только был способен и увидел, что очаровательная Ноель покраснела до самых кончиков своих крохотных ушек и проворно отвернулась. Молодой человек сразу понял, что пришёлся её по душе и весело зашагал на окраину города, к своему дому, рисуя у себя в голове картину пышной свадьбы. Жюль рассказал

друзьям о прекрасной девушке и своём твёрдом намеренье жениться на ней, но в ответ, друзья только рассмеялись.

– И думать забудь, – сказали они. – Её отец один из самых богатых торговцев в городе. Их дом стоит на улице, где живут богачи, она носит шёлк и золотые украшения, и они каждый день едят белый хлеб на завтрак, обед и ужин! Куда тебе до неё. Ты простой работник, хоть и недурён собой. Нет, дружище, тебя к ним и на порог то не пустят...

Жюль выслушал речи своих друзей без обид. Он знал, что в их словах много правды, но также он знал, что его друзья понятия не имеют, какое горячее сердце бьётся в его груди, и на что способен отважный и находчивый мужчина, окрылённый любовью.

«Она будет моей, – уверенно сказал себе Жюль. – Я сделаю всё, что нужно сделать и преодолёю любые преграды. В конце концов, её отец тоже когда-то был бедняком...»

Жюль не спал всю ночь, и весь следующий день был задумчив, но к вечеру молодой человек просиял, так как в голове у него вызрел план, и он немедленно приступил к его реализации.

Перво-наперво, через своих друзей и знакомых, он постарался выяснить всё о семье своей возлюбленной. Он завёл специальную тетрадь, где записывал всё, что ему удалось узнать, и подолгу изучал свои записи перед сном.

К примеру, он выяснил, что отец девушки, месье Морель, несмотря на свой достаточно суровый и непримире-

мый нрав, души не чаял в дочери. Мать Ноель умерла когда ей едва исполнился годик и с той поры, они были неразлучны. отец настолько дорожил ею, что вопреки правилам того времени, не собирался выдавать её замуж против её воли, несмотря на то, что к ней сватались даже знатные люди, пленённые обаянием и красотой Ноель.

– Дитя моё, – говорил отец, – у нас достаточно денег, чтобы жить безбедно долгие, поэтому, мне нет нужды, принимать предложения всех этих франтов, что слетаются сюда точно пчёлы на сладкий мёд. Я хочу, чтобы ты связала свою жизнь с достойным человеком, которого ты сама полюбишь, и который докажет, что способен заботиться о тебе и сделать тебя счастливой. Нет ли у тебя такого человека на уме, любовь моя?..

– Нет, папочка, – отвечала девушка и так розовела, что ей становилось жарко. – Я никого не люблю кроме тебя...

Обнявшись, они вместе шли в гостиную, где девушка вдохновенно играла на рояле, а растроганный отец рассеянно слушал и любовался своим сокровищем.

Смущение девушки имело простую причину. Вот уже почти месяц, каждый вечер, в одно и то же время, под её окнами прохаживался улыбчивый и статный молодой человек, которого она однажды увидела на ярмарке. Каждый раз заметив её в окне, он любезно кланялся и посылал девушке воздушный поцелуй, от которого её сердце начинало трепетать. Ноель стремительно исчезала, но Жюль по еле замет-

ному колыханию занавески видел, что девушка продолжает украдкой наблюдать за ним и улыбался, от радости.

Также, Жюль выяснил, что та старуха с холодным взглядом была наставницей Ноель и всюду сопровождала её, не позволяя никому из посторонних приближаться и даже разговаривать с девушкой без её ведома. Старушку звали Матильда, и она пользовалась абсолютным доверием у месье Мореля. Матильда определяла с кем девушке стоит общаться, а с кем нет, что ей можно надевать, а что нельзя, каких учителей позволено впускать в дом, а каким вход был строго воспрещён. Поговаривали, что сам глава семейства боялся ей перечить и Жюль понимал, что если ему не удастся усыпить бдительность старушки, его план обречён на провал. Неудивительно, что молодая девушка тяготилась такой строгой опекой и мечтала сбежать, чтобы хоть ненадолго ощутить вкус настоящей свободы и того простого веселья, что она не раз видела на ярмарках, среди веселящихся бедняков. Именно поэтому, молодой человек, который каждый вечер появлялся у её дома, так волновал её сердце. Стараясь ничем не выдать себя под цепким взглядом Матильды, Ноель садилась со своим рукодельем у самого окна и сквозь тонкий тюль бросала любопытные взгляды на улицу, каждый раз краснея от удовольствия, когда видела, что её кавалер не забыл про неё, и по-прежнему посылает её свои пламенные поцелуи. Её не смущал его простой наряд, ибо отец учил её, что в любом человеке спят смена величия, точно также как в

яйце спит птица, а в крохотном жёлуде, огромный дуб. Она верила, что каждый может стать тем, кем он захочет и что-то во взгляде молодого человека подсказывало сердцу Ноель, что в её жизни грядут большие перемены.

В один из дней, Ноель, вместе со своей вечно подозрительной Матильдой отправилась на рынок, чтобы купить бисер для вышивания и ленты на шляпку. По пути к рынку, на пересечении двух самых больших улиц города, где располагались изысканные ателье, дорогие магазины и уважаемые банки, они столкнулись с безупречно одетым иностранцем с огромными бакенбардами, по виду, англичанином, которого сопровождал носильщик с двумя большими, тяжёлыми чемоданами.

– Простите за мой французский, сударыня, – учтиво обратился англичанин к Матильде, вежливо приподняв свой цилиндр. – Вы не могли бы мне подсказать, где находится самая лучшая гостиница в вашем чудесном городе?

– А что случилось, – спросила Матильда, которая всюду видела подвох.

– О, – улыбнулся англичанин, – со мной приключилось досадное недоразумение. Я приехал в ваш славный город из самого Лондона, чтобы преподавать музыку и английский язык одной высокопоставленной особе, чьего имени я, к сожалению, не вправе вам называть, но у них случилось несчастье, и они спешно покинули страну, не уведомив меня. Теперь, мне придётся остановиться в отеле и, если я не найду себе

в течение нескольких дней нового ученика, я отправлюсь в Париж и обращусь в Королевскую Академию Изыщных Искусств. У меня там множество знакомых, и я наверняка найду себе место, быть может, даже при дворе... И да, я забыл представиться, меня зовут мистер Пик Ник.

К слову сказать, Жюль придумал эту фамилию накануне, когда отдыхал на природе с друзьями. Дело в том, что между собой, они называли свои перекусы на свежем воздухе «поклевать что-нибудь» и звучало этой как «*пик – ник*». Молодой человек решил, что это вполне подходящая фамилия, к тому же, он мог легко её произнести.

Но вернёмся к нашей встрече. Джентльмен был необычайно вежлив и обходителен, и только странный акцент немного резал слух. В целом, он произвёл на Матильду весьма приятное впечатление, к тому же, за всё время их разговора, он не пытался любезничать с Ноель, как это делали все остальные мужчины, а лишь коротко поздоровался с ней, пожелав доброго утра. Матильда указала иностранцу дорогу к отелю и тот, ещё раз вежливо поблагодарив её и галантно поцеловав руку, раскланялся и направился в указанном направлении.

Если бы старушкам Матильда оглянулась в то утро, то, вероятнее всего, события этой истории пошли бы совсем иначе, но она сама попала под обаяние молодого иностранца, а потому, продолжила свой путь к рынку в большой рассеянности, и совершенно не глядя по сторонам. За ней, двинулась и Ноель, зажимая обеими ладонями рот, чтобы не рас-

хохотаться, потому что несмотря на бакенбарды и странный акцент. Она немедленно узнала в английском джентльмене своего кавалера. Но, позвольте, спросите вы, как это возможно? Очень просто.

Как я уже говорил, Жюль навёл самые подробные справки о семье девушке и в частности выяснил, что им вскоре потребуется новый учитель музыки, так как месье Морж, прежний учитель Ноель, стал настолько глух и немощен, что начал засыпать прямо на уроках и храпел громче рояля. Накануне, старик в последний раз посетил Ноель, и Жюль понял, что ему представляется отличная возможность попасть в дом к своей возлюбленной, и тот факт, что он ничего не смыслил в музыке, нисколько не смущал его.

«Я что-нибудь придумаю, когда окажусь рядом в доме, – подумал он. – Я уверен, удача улыбнётся мне, если я буду действовать решительно и храбро. К тому же, если я каждый день смогу говорить с моей ненаглядной Ноель, это придаст мне сил, и я придумаю, как действовать дальше...»

Жюль уговорил своего друга сыграть роль носильщика, а сам, истратив почти все свои скромные сбережения, купил новый костюм, цилиндр, туфли и два огромных чемодана, в которые, для солидности, положил несколько кирпичей завернутых в газеты. Что бы сойти за англичанина, он целый месяц брал уроки у своего дедушки, который много лет служил во флоте и знал немало английских слов и выражений. Жюль выбрал английский потому, что Матильда, знавшая

немецкий и итальянский, ничего в нём не смыслила и таким образом, он мог запросто обмануть её. Помимо всего прочего, по выходным дням, юноша бесплатно помогал хозяину большого модного магазина в центре города, взамен, получая у него уроки хороших манер. Всё это, плюс страстное желание добиться своей цели, позволило юноше произвести тем утром хорошее впечатление на Матильду, а это, как он справедливо полагал, было залогом успеха.

Попрощавшись с дамами тем утром, Жюль действительно направился к отелю, но, вместо того, чтобы поселиться в нём, предупредил служащего, что если кто-либо будет разыскивать в его отеле преподавателя музыки из Англии, некоего мистера Пик Ника, следует сказать, что его сейчас нет в номере, и попросить оставить для него записку. Служащий всё отлично понял и, принимая из рук Жюля его последнюю серебряную монету, заверил молодого человека, что он всё устроит самым наилучшим образом.

Закончив, таким образом, свои дела в отеле, Жюль вышел на улицу, свернул вглубь переулков, и быстро дошёл до дома, где жил его друг изображавший носильщика. Там он переоделся и принялся терпеливо ждать, точно рыбак, забросивший в пруд удочки.

Тем временем, в доме Ноель кипели страсти. Один за другим, в него приходили лучшие учителя музыки, но никто из них не устраивал девушку. Один был слишком глуп, другой, слишком толст, у третьего дурно пахло изо рта, четвёртый

фальшивил, а пятый, якобы, смотрел на неё недоброжелательно. Несчастный отец не знал что делать, не понимая, отчего это его покладистая и миролюбивая дочь, стала вдруг такой капризной. Но самое странное было то, что Матильда тоже с ней соглашалась! У старушки всё ещё стоял перед глазами тот безупречный джентльмен с перекрёстка, а в ушах звенело «Лондон, Париж и Королевская Академия» и поэтому она с лёгкостью принимала отставку каждого кандидата, невольно сравнивая его с безукоризненным иностранцем в шёлковом цилиндре.

Когда последний учитель был изгнан, Ноель горько расплакалась прямо в присутствии своего отца, сказав, что если у неё не будет учителя, то очень скоро, она совершенно разучится «муницировать и папочка не сможет наслаждаться её игрой...» От такой ужасной перспективы, месье Морель нахмурился и велел Матильде немедленно найти учителя, который соответствовал бы самым высоким стандартам, чтобы удостоиться чести обучать его дочь.

– Мне неважно, где вы его найдёте, и сколько он запросит, – гремел он. – Просто доставьте его сюда и не теряйте ни минуты.

– Кажется, я знаю такого человека, – неожиданно сказала Матильда. – Это иностранец, который сегодня прибыл к нам в город этим утром и по роковому стечению обстоятельств оказался без места.

– И где же он остановился, – подозрительно спросил

отец. – Наверняка это какой-нибудь проходимец без гроша в кармане, который только и умеет, что пускать пыль в глаза.

– Он искал лучший отель в городе, – ответила Матильда. – И он был одет и вёл себя как истинный джентльмен. Он сказал, что если не найдёт места в течение нескольких дней в нашем городе, то отправиться в Париж, в Королевскую Академию и будет преподавать при дворе.

– Так почему же вы сразу за ним не послали, – затопал ногами отец. – Это неслыханно! У нас в городе появляется учитель из самого Лондона, который того и гляди уедет в Париж, а мы приглашаем к себе этих бездарей! Немедленно отправляйтесь в этот отель и пригласите его сюда. И убедитесь, что он тот, за кого себя выдаёт! Не хватает только пустить в дом какого-нибудь итальянца, который вместо уроков, будет петь моей дочери любовные серенады!..

Матильда немедленно отправилась в отель и выяснила, что иностранец действительно поселился в нём, но ушёл по делам и если ему нужно что-то передать, то проще всего будет оставить ему записку. Матильда схватила предложенные ей лист и перо, и написала, что если у господина Пик Ника нет других дел, его будут рады видеть завтра утром, по указанному адресу, в качестве претендента на роль учителя музыки для молодой леди. Затем, старушка небрежно поинтересовалась, какой именно номер взял постоялец и что он заказывал на обед, на что получила ответ, что мистер Пик Ник занял лучшие апартаменты, а на обед потребовал ома-

ров и икры, но, за неимением оных, удовольствовался жареными рябчиками, сёмгой и ананасами. Удостоверившись, таким образом, в респектабельности иностранца, Матильда поспешила домой, где всё подробно пересказала главе семейства.

– Что же, – сказал тот, – остаётся только надеяться, что его ещё не переманили в другой дом, и завтра утром он придёт. Всё приходится делать самому!

Тем вечером, Ноель с особым трепетом сидела у окна, поджидая юношу, а когда тот появился, она, улучив момент, послала ему свою самую обворожительную улыбку в награду за его смелость и изобретательность. Эта улыбка придала Жюлю смелости, и он преисполнился уверенности в том, что у него всё получится. Он послал девушке воздушный поцелуй, и отправился домой, чтобы как следует выспаться перед трудным испытанием. Потому что, согласитесь, не так то просто получить место учителя музыки, когда ты ни разу в жизни не видел рояль и умеешь играть только на губной гармошке.

На следующее утро, ровно в 10, в дверь дома Ноель постучали, и на пороге появился безупречно выбритый мистер Пик Ник в своём чудесном костюме и цилиндре, распространив запах дорогого одеколона, которым он тайком надушился в соседнем парфюмерном магазине. Первым делом, Жюль страстно поцеловал руку Матильды, чем смутил старушку до глубины души. Затем, он вежливо, но кратко и даже немно-

го сухо, поприветствовал Ноель, а после, приветливо пожал руку её отцу.

– How do you do? – сказал он. – Рад знакомству.

Отец немного растерялся, так как был не силён в языках и, пробормотав что-то невразумительное, поспешил пригласить гостя к столу.

– Премного благодарен, – улыбнулся Жюль. – Я уже позавтракал сегодня, но, знаете ли, мы, англичане, имеем привычку завтракать дважды, что в нашем прохладном климате весьма уместно.

– Чудесная привычка, – обрадовался отец, большой любитель поесть. – Я уже давно хочу перевести жизнь в нашем доме на английский манер и предлагаю начать сегодня же. Только вот, боюсь, у нас нет тех изысканных блюд, к которым вы привыкли в Лондоне и Париже...

– Что вы, что вы, – замахал руками Жюль, – вам совершенно не стоит беспокоиться. По правде говоря, я устал от королевских разносолов и предпочитаю простую еду. Моя тётушка живёт во Франции, и я с детства часто гощу у неё, и обожаю французскую кухню.

– Чудесно, – просиял отец. – В таком случае, давайте сначала перекусим, а после, займемся нашими делами.

Они отлично позавтракали, удивляясь тому, как много мистер Пик Ник знает о Франции и обычаях простых граждан, и выслушали несколько презабавных историй про английских моряков, от которых отец Ноель смеялся до слёз.

Молодой иностранец всё больше нравился ему, и то, как он сдержанно ведёт себя с его дочерью, тоже. Так же от него не ускользнуло, что и Матильда благоволит мистеру Пик Нику, а значит, ему нечего было опасаться. Оставалось только проверить, как мистер Пик Ник играет на фортепьяно и договориться о стоимости уроков.

– Скажу вам прямо, мистер Пик Ник, – сказал отец после окончания трапезы, – вы мне нравитесь и я хотел бы иметь в доме учителя с такими приятными манерами, но, мне бы хотелось удостовериться, что вы действительно специалист в своём деле, поскольку я желаю, чтобы у моей дочери было всё самое лучшее. Давайте пройдем в гостиную, и вы нам что-нибудь сыграете, что бы мы все могли убедиться в ваших талантах.

– В таком случае, – невозмутимо ответил Жюль, готовый к подобному развитию событий, – позвольте и мне быть откровенным с вами. Сегодня утром я получил письмо из Парижа. Через месяц, у одной придворной маркизы освобождается место учителя музыки, и я уже написал ответ, в котором даю своё согласие.

Жюль вытащил из внутреннего кармана конверт из голубой атласной бумаги и повертел им у носа отца семейства.

– Ввиду этого, в моём распоряжении остаётся всего 30 дней и я бы хотел провести их, заканчивая свою оперу, над которой я тружусь уже три года. Поэтому, при всё моём уважении, я не имею возможности быть преподавателем у ва-

шей дочери. Всё что я могу сделать, это послушать, как она играет и поёт, и, по возможности, дать ей несколько наставлений.

Но... – начал было глава семейства, однако Жюль только развёл руками.

– Увы, месье Морель, я ничего не могу с этим поделать. Маркиза не любит ждать...

– Но я готов заплатить вдвое больше чем ваша маркиза, – запальчиво воскликнул месье Морель. – Да, это не Париж, и тем более не Лондон, но здесь тоже есть состоятельные люди, понимающие толк в искусстве! Назовите вашу цену и бросьте это письмо в камин!

Жюль с трудом сдержал улыбку. Он давно выяснил слабое место торговца, который всюду желала иметь только самый лучший товар, и ненавидел отступать. Молодой человек принял смущённый вид и словно бы поддался сомнениям...

– Право я не знаю, – пробормотал он. – Париж...

– Соглашайтесь! – гремел отец, впав в азарт. – Ну же, мистер Пик Ник! Только в тиши нашего милого городка вы сможете закончить вашу оперу!

– Я ничего не могу обещать вам, пока я не услышу, как играет ваша дочь, – ответил Жюль, после минутного раздумья. – Если её уровень окажется достаточно высок, то, я обещаю вам подумать ещё раз.

Они прошли в гостиную, где Ноель, стараясь не засмеяться при виде важного лица Жюля, блистательно сыграла

несколько вещей Моцарта, сорвав бурные аплодисменты её отца.

– Ну, как вам, мистер Пик Ник, – воскликнул месье Морель, не дав стихнуть последним звукам волшебной музыки. – Гениально, верно?! Гениально!

Жюль никогда не слышал ничего подобного и был поражён в самое сердце, но, как и подобает невозмутимому англичанину, ответил достаточно сдержанно.

– Признаю, мадемуазель Ноель сыграла весьма недурно. В ней чувствуется большой талант, который непременно нужно развивать.

– Об этом я и твержу вам, мистер Пик Вик, – воскликнул глава семейства. – Я не желаю, чтобы такое сокровище пропало в провинции из-за отсутствия достойного учителя. Мы бы давно переехали в столицу, но мои дела не отпускают меня. Соглашайтесь, мистер Пик Ник и вы увидите, что наша жизнь, хоть она и не так разнообразна, как парижская, имеет свои прелести. Вы полюбите этот спокойный город и чудесно проведёте время. К тому же, такого чистого воздуха вам не сыскать ни в одной столице! Соглашайтесь.

– Хорошо, – ответил Жюль. – Мы поступим следующим образом. Я согласен обучать мадемуазель Ноель в течение этого месяца, и до этого момента не давать точного ответа маркизе. Если ваша дочь окажется прилежной ученицей, мы вернёмся к этому разговору по истечению указанного срока. А пока...

Жюль вытащил из кармана конверт и небрежно разорвал его на множество маленьких частей.

– Превосходно, – обрадовался отец. – Вы не пожалеете что согласились!

Они ударили по рукам, и пошли пить кофе.

Так, наш находчивый герой стал учителем музыки у своей возлюбленной и получил возможность видеться с ней каждый день после завтрака в течение двух часов, порой оставаясь и на обед. При этом, Жюль полностью отказался от оплаты, сказав, что не хотел бы связывать себя какими-либо обязательствами, до тех пор, пока не примет окончательного решения. Этот благородный жест окончательно сразил отца и Матильду, и те совершенно уверились в том, что перед ними настоящий чужестранец.

Дни полетели за днями. Каждое утро, Жюль исправно приходил к своей ученице и она играла ему различные произведения, а он с важным видом расхаживал вокруг и делал короткие замечания. К досаде молодого человека, на уроках всегда присутствовала Матильда. Это обстоятельство не позволяло Жюлю объясниться с Ноель так, как требовало его сердце, и влюблённые были вынуждены ограничиваться лишь тайными рукопожатиями, выразительными взглядами и прочими беззвучными признаниями в любви.

Но не всё было так гладко. Примерно через неделю после начала уроков, за обедом, месть Морель, всё более очарованный молодым человеком, предложил встретиться всем

вместе после уроков и устроить небольшой званый обед в каком-нибудь ресторане. Жюль с радостью согласился на это предложение, так как оно давало ему дополнительную возможность увидеться с Ноель, но затем прикусил губу. Он совершенно забыл, что обед в хорошем ресторане стоил немалых денег, которых у него не было и в помине. И вот тогда тогда-то, ему и пришла в голову идея устроить обед на свежем воздухе. Собственно говоря, в этой идее не было ничего нового, он со своими друзьями каждые выходные отправлялись за город и лёжа на траве скромно, но весело перекусывали. Однако, в то время это считалось уделом бедняков и месье Морель, справедлив полагая что он таковым не является, предпочитал ходить в рестораны. Но Жюль знал, как всё преподнести...

– Знаете, – беспечно спросил он. – А почему бы нам вместо тесного ресторана, не отправиться за город и не поесть на свежем воздухе?

Лицо месье Мореля окаменело, а Матильда едва не подавилась курицей.

– Простите, – растеряно спросил месье Морель, – я не уверен, что правильно вас понял, мистер Пик Ник. Вы предлагаете нам, отправиться на природу и есть на траве?..

– Ну да, – ответил Жюль. – А что в этом странного? Вся английская аристократия совершает такие прогулки по воскресеньям. В рестораны в хорошую погоду ходят только беднота и рабочие...

– Не может быть, – изумился месье Морель. – Вы удивитесь, но у нас всё совершенно наоборот. Только простые работники позволяют себе преспокойно валяться на траве, и есть дешёвый сыр с хлебом.

– И уверяю вас, месье Морель, они получают от этого не меньше удовольствия, чем от скучного сидения за столиком, в ожидании официантов, которые вечно что-нибудь путают. К тому же, наша аристократия умеет считать деньги и не любит бросать их на ветер. Право, месье Морель, вам стоит попробовать эту чудесную английскую традицию. Я готов организовать всё в точности, как это делают у меня на родине. Вам потребуется лишь взять собой пледы, еду и хорошее настроение. И раз уж н то пошло, я даже сыграю вам несколько популярных английских мелодий.

– Как чудесно, – захлопала в ладоши Ноель. – Я очень хочу попробовать.

Месье Морель и Матильда с сомнением переглянулись, немного подумали и согласились.

– Вот и славно, – с облегчением сказал Жюль. – Послезавтра, мы устроим чудесную прогулку и поверьте моему слову, она вам очень понравится.

И действительно, прогулка и лёгкий перекус на свежем воздухе жутко понравился месье Морелю и старушке Матильде. Глава семейства вспоминал молодость, с аппетитом уминая сыр, колбасу, ржаной хлеб и запивая всё это компотом. Он раскраснелся и много смеялся, и даже расстегнул

свой жилет, что позволял себе делать только дома. Матильда тоже была довольна. Простой крестьянский сыр пришёлся ей по вкусу, и вскоре она тоже раздумянулась и улыбалась. Когда же Жюль сыграл собравшимся несколько весёлых мелодий на своей губной гармошке, то восторгу собравшихся и вовсе не было предела. Жюль объяснил, что его очень интересует народное творчество, и он использует его мотивы в своей опере, и поэтому, специально брал уроки игры на губной гармонии. Веселье удалось на славу, а когда они возвращались домой, Жюль улучил момент и поцеловал девушку, так что у обоих перехватило дыхание.

Вызывающая прогулка месье Мореля и завтрак на траве немедленно оказались в центре городских сплетен. Некоторым показалось, что завтрак на траве является неподобающим поведением для почтенного отца семейства и тем более для его молодой дочери. Кое-кто даже перестал с ним здороваться, бурча, что он-то никогда не опустится до того, чтобы валяться на земле точно нищий. Однако, большая часть горожан рассудило иначе. Немаловажную роль в это сыграло то, что в завтраке принял участие элегантный англичанин, который утверждал, что так поступает едва ли не сама королева...

«Ах, как это разумно всё устроено в старой доброй Англии, – говорили они. – И вправду же, отчего это не пройтись по лесу в хорошую погоду, а после, нагуляв аппетит, не перекусить просто и сытно? Нам стоит сделать тоже самое...»

Так, с лёгкой руки Жюль, идея пеших прогулок и приёма пищи на лоне природы перекочевала в высшее общество и получила название по имени и фамилии иностранца, которые вскоре превратились в одно слово – пикник. Однако, всё это случилось значительно позже, когда Жюль уже разбогател и... Впрочем, я опять опережаю события.

Пикники прижились в семье Морелей, но, не успел Жюль перевести дух и приступить к следующей части его плана, как судьба вновь смешала ему все карты и приготовила новое испытание.

Одним тихим солнечным субботним утром, в город въехал невероятно экстравагантный и баснословно богатый герцог Эмменталь, чья карета была запряжена шестью настоящими гепардами, а слуги были одеты точно воины африканского племени. Герцог держал свой путь в марсельский порт, чтобы отправиться на Мадагаскар, но, от слишком быстрого бега его «лошадей», у кареты отлетели колёса и он решил ненадолго задержаться в понравившемся ему городе. Разбив лагерь в городском парке, герцог, в окружение своей пышной и причудливо одетой свиты, отправился на прогулку, разглядывая прохожих в подзорную трубу, и любуясь облаками через увеличительное стекло. Его появления вызвало живейший интерес горожан и вскоре, практически весь город высыпал на улицы, желая лично увидеть чудака, о котором ходило так много слухов. И надо же было такому случиться, что герцог, проходя мимо дома Ноель, навёл на одно из его

окон свою подзорную труду и увидел в нём девушку, к которой немедленно воспылал к ней самой нежной страстью, на которую только был способен.

«Какая дивная красавица, – подумал он, подкручивая свои облезлые усы. – Я непременно должен покорить её сердце и взять себе в жёны. Это будет чудесный трофей...»

Надо сказать, что, несмотря на свои шестьдесят с лишним лет, Эмменталь всё ещё был холост и теперь, немедленно решил исправить это упущение. Он быстро навёл справки о семье девушки и принялся давать распоряжения своим слугам, которые со всех ног бросились исполнять его указания, предвкушая потеху.

На следующий день, когда Жюль, в образе мистера Пик Ника подошёл на следующее утро к дому своей возлюбленной, то он не поверил своим глазам и решил, что свернул не туда. Вся улица по обе стороны от особняка Морелей была засыпана песком, изображавшим, в воображении герцога, пустыню. В центре проезжей части, под взорами десятков разинувших рот зевак, стоял старик Эмменталь, облачённый в высокие сапоги из кожи крокодила и львиную шкуру, одетую прямо на голое тело. В его руках был золочёный рог антилопы, в который герцог внезапно дунул что есть силы, оглашая окрестности пронзительным звуком, от которой в окнах задрожали стёкла и по всей округе завывали собаки.

Удостоверившись, что его прибытие не осталось незамеченным для жильцов, герцог величественно передал рог сво-

им темнокожим слугам и прошествовал в дом. Предчувствуя проблемы, мистер Пик Ник бросился за ним, но ему пришлось ждать, так как вслед за герцогом, в дом внесли сорок корзин фруктов, колбас, сыров и различных восточных сладостей, которые должны были послужить завтраком. Бледный и растерянный месье Морель не знал как себя вести с могущественным герцогом, который вёл себя точно вождь туземного племени и помимо огромного количества еда, привёз в гости собственные ковры, расстилаемые его слугами перед ним, прямо поверх хозяйских.

К тому моменту, когда Жюль наконец-то попал в гостиную, до отказа набитую корзинами с провиантом, перепуганные месье Морель и его дочь выслушивали витиеватую речь герцога, в которой он желал их дому благополучия и процветания, бросая при этом на девушку такие взгляды, что ей одновременно было и смешно и страшно. Вид голых, старческих ляжек герцога, торчащих из под облезлой шкуры, мог бы рассмешить и Жюля, но молодому человеку определённо было не до смеха. Единственным человеком в доме, кто сохранил какие-то остатки самообладания, была Матильда, но и она невольно подпрыгнула, когда Эмменталь закончил свою речь очередным пронзительным гудком своего рога, оглушившего всех на несколько минут. Чрезвычайно довольный произведённым эффектом, герцог уселся за стол и величественно пригласил хозяев присоединиться к нему, намереваясь немного подкрепиться, прежде чем просить ру-

ки и сердца своей избранницы. Он уже представлял себе, как карета с гепардами умчит их к берегу моря и от сладкого предвкушения нового трофея, герцог блаженно жмурился и поглаживал свой волосатый живот.

В этот тревожный момент, месье Морель вцепился в руку Жюля точно в спасательный круг и горячо зашептал ему на ухо:

– Вы должны помочь мне, мистер Пик Ник! Вы один бывали при дворе и знаете, как обращаться с подобной публикой. Прошу вас, сделайте что-нибудь, потому что если герцог ещё раз дунет в свой рог, моя голова лопнет!

Но Жюль и сам понимал, что нужно действовать, а потому, он мужественно сел за стол рядом с герцогом и вежливо поздоровался. Жюль, конечно же, понятия не имел о чём можно говорить с таким блистательным вельможей, оглядывающий стол из раскрытой львиной пасти, но, он знал одно верное средство, с помощью которого можно разговорить любого собеседника. Пользуясь паузой в разговоре, Жюль попросил герцога поведать присутствующим какой-нибудь интересный случай из его жизни и в течение двух часов старик Эмменталь непрерывно болтал о своих путешествиях по Индии и Африке, вымышленных и настоящих. Жюлю оставалось только кивать головой с умным видом и спрашивать, что же было дальше и увлечённый своими воспоминаниями, герцог совершенно позабыл, зачем он пожаловал в гости и покинул дом Ноель в прекрасном расположении духа, думая

о том, что даже среди англичан попадаются хорошие люди...

Герцог опомнился только у себя в лагере, и хотел было немедленно вернуться, но от того, что он переел за завтраком слив, у него ужасно разболелся живот и он решил перенести свой визит на вечер.

– Она без ума от меня, – бормотал герцог, тщеславно оглядывая себя в зеркало. – Она глаз с меня не сводила! А как она посмотрела на мои мощные ноги? Определённо, мне не составит труда взять её в жёны.

Тем временем, в доме Морелей царили совершенно другие настроения. Всем было ясно, что на этом визиты импозантного герцога не закончатся и едва Эмменталь и его свита покинула дом, глава семейства отозвал в сторону Жюля, поблагодарил его за поддержку и поделился с ними своими тревогами.

– Мистер Пик Ник, – сказал он, – я просто ума не приложу, что мне делать. Я слышал, что герцог Эмменталь настолько экстравагантен, что его боятся даже сами парижане, но то, что я увидел, превзошло все мои ожидания. Я совершенно не представляю, что мне делать.

– Но что вас так беспокоит, – с невинным видом спросил Жюль. Который на самом деле кипел от гнева. – Герцог чудесный рассказчик и он весьма щедр. Вы только посмотрите, сколько он принёс еды! Ещё пара пять, шесть подобных завтраков, и у вас не будет нужды в продуктах на целый год вперёд!

– Ах, мистер Пик Ник, – сказал отец, – вам легко шутить. Вы бывали в высшем свете, и знаете эту публику, но для меня, это сущий кошмар. Появляться на людях в таком костюме, это же верх неприличия! А его рог? Я думал, мы все оглохнем! Нет, я не переживу ещё один такой завтрак, помните моё слово.

Отец огляделся и, убедившись, что его дочери нет поблизости, продолжил.

– Но главное, меня беспокоит, как этот старикан смотрел на Ноель... Вы обратили на это внимание? Мне кажется, что герцог готов был посвататься к моей дочери и, признаться, я просто не представляю, как мне поступить.

– Что же вас смущает, – спросил его Жюль, принимая безразличный вид. – Герцог очень богат и знатен, он сможет позаботиться о Ноель. Я слышал, у него замок во Франции и огромные поместья в Марокко, где вместо сторожевых собак по замку разгуливают пантеры. Он мог бы стать чудесным мужем...

– Господи – закричал отец, хватаясь за голову. – Не говорите так! Об этом не может быть и речи! Что бы я отдал свою дочь за этого старого папуаса в звериной шкуре! Никогда! Это невыносимо!

У Жюля отлегло от сердца, и он невольно улыбнулся.

– Так в чём же дело, – сказал он. – Откажите ему. Пусть герцог узнает, что не всё в этом мире продаётся.

– Именно так я и собираюсь поступить, если до этого дой-

дѣт дело, – заверил молодого человека отец, – но у этого авантюриста большое влияние и мне даже страшно представить, что ему может взбрести в голову! Что если он от ярости запустит в наш дом своих гепардов или прикажет слугам поджечь его? Или попросту украдѣт невесту как дикарь? Всего можно ожидать от человека, который дует в бараний рог!

– Да, – кивнул головой Жюль, и в его глазах блеснули хитрые искорки, – боюсь, вы правы... От такого человека можно ожидать всего... Мне как раз вспомнился жуткий случай, который по понятным причинам не предали широкой огласке, но о котором отлично известно каждому, кто бывал при дворе.

– И что же это за случай, – насторожился отец.

– Несколько лет назад, проезжая по Бордо, герцог увидел чудесный виноградник на холме. Он так приглянулся ему, что он немедленно возжелал его купить, но хозяин не хотел расставаться с землёй своих предков, ни за какие деньги.

– И что же произошло, – спросил глава семейства.

– Герцог в пал в страшную ярость и пообещал отомстить – ответил Жюль. – На обдумывание плана мести и его подготовку, у герцога ушло почти 6 месяцев, а затем, в одну безлунную ночью, целая армия его слуг двинулась на виноградник неуступчивого хозяина, вырыла тысячу ям и посадила в них тысячу большущих дубов! Это стоило герцогу целого состояния, но он сделал это. Представляете?

– Не может быть?! – ужаснулся отец.

– Клянусь вам! Когда хозяин виноградника вернулся домой, то увидел вместо своих зелёных полей, густой лес, выкорчевать который было не под силу целой армии. С тех пор бедняга вместо сладкого винограда продаёт жёлуди, и каждый день клянёт себя за несговорчивость, а герцог, каждое Рождество присылает ему корзину отборного винограда с самыми тёплыми пожеланиями.

Глава семьи снова схватился за голову, а Жюль, который, конечно же, сам только что придумал историю про дубы и виноград, снова улыбнулся.

«Кажется, – думал он, – удача благоволит мне. Этот сумасбродный герцог сослужит мне отличную службу, но мне нужно спешить...»

– Послушайте, – сказал Жюль перепуганному отцу, – не всё так уж плохо. Я кое-что смыслю в подобных историях и с радостью помогу вам избавиться от этого кавалера. Ноль действительно заслуживает всего самого лучшего в этом мире и я даю вам своё честное, благородное слово, что старик Эмменталь не получит её руки, даже если мне придётся драться с ним на дуэли.

– Боже, какое благородство, – воскликнул отец, заключая Жюля в свои объятия. – Вы мой спаситель! Кто бы мог подумать, что учитель музыки окажется таким решительным человеком!

– Итак, – сказал Жюль, – я немедленно отправляюсь к гер-

цогу и попробую выяснить, что у него на уме. С вашей же стороны, прошу вас полностью мне довериться, ничему не удивляться и делать в точности всё, что я вам скажу.

– Конечно, конечно, – заверил его отец. – Я на всё согласен, лишь бы моя дочь не угодила в лапы этого дикаря...

Спешно покинув дом Ноель, Жюль направился к городскому парку. Он ещё толком не знал, что именно он скажет герцогу, но, не сомневался в своём успехе и как всегда решил действовать по обстоятельствам, полагаясь на собственную смекалку и находчивость. К тому же, одна идея у него всё-таки была и, прежде чем посетить Эмменталя, он быстро заскочил к своим друзьям и о чём-то с ними договорился, вызвав у них взрыв хохота.

Походная резиденция герцога представляла собой большой шатёр, в миниатюре воспроизводящий его родовой замок в Бургундии. Герцог мог даже подниматься по специальной лесенке на смотровую башню и осматривать свои владения, а именно, гигантский лагерь его слуг, живущих в палатках поменьше. Надо сказать, что при всей своей экстравагантности и напускной грубости, в глубине души, герцог был милейшим человеком и никому не желал зла. О нём действительно ходило немало жутких историй, но большинство из них было неправдой. Под маской бесстрашного покорителя Африки и сумасбродного тирана, скрывался робкий и застенчивый старичок, очень любивший путешествия и книги о пиратах. В детстве он сам мечтал стать морским разбой-

ником, но мать запретила ему даже думать об этом и вместо деревянной сабли подарила канареек. С той поры, Эмменталь всем старался доказать какой он ужасный сорвиголова и имел в своём доме такое количество оружия, что мог бы вооружить целую армию. Он сам придумывал свои приключения и распространял их при помощи им же нанятых агентов, которые на каждом углу рассказывали о его победах.

Узнав, что его аудиенции просит какой-то иностранец, Эмменталь мигом нарядился в тигровую шкуру, индийский тюрбан и повесил на пояс самую большую саблю, какую только смог найти. Однако, увидев уже знакомого ему мистера Пик Ника, отважный путешественник немного смягчился. Он вспомнил, как внимательно его слушал этот приятный молодой человек этим утром и потому отнёсся к нему с почти отеческой заботой.

– Прошу вас, мистер Пик Ник, – сказал он. – Садитесь в это кресло, которое было с боем захвачено на пиратском судне. О, я помню, это был жаркий денёк, когда наш фрегат столкнулся в открытом море с целой флотилией пиратских кораблей и после многочасового боя обратил их в бегство! Я лично зарубил вот этой вот саблей 47 разбойников и если бы наше судно не дал течь, мы бы разгромили всех врагов без остатка!

Герцог схватился за рукоятку сабли, желая вытащить её, и показать Жюлю, как именно он рубил врагов, но ножны слегка заржавели и сколько герцог не тужился, клинок так и

не увидел свет. Жюль сделал вид, что ничего не заметил и поинтересовался, где герцог убил такого великолепного тигра, чья шкура в данный момент красовалась на его плечах.

– Это было в Индии, – важно заявил Эмменталь, оставив попытки вытащить саблю. – Я проткнул его своим счастливым копьём, которое привёз из Африки. Им же я убил того льва, что служил мне одеянием сегодня утром. А ещё, я заколол им носорога, буйвола, крокодила и трёх слонов!

– Подумать только, целых трёх – уважительно присвистнул Жюль. – Должно быть это было очень трудно.

– Да, – расхвастался Эмменталь. – Когда я женюсь на Ноель и сделаю её герцогиней, мы отправимся в свадебное путешествие в Северную Африку, и я покажу ей на что способен!

Старик снова схватился за рукоятку сабли и, покраснев от натуги, вытащи её на несколько сантиметров, после чего тяжело дыша, рухнул на стул.

– Мы объеден с ней весь мир, – прохрипел он. – Весь! А когда вернёмся, будем жить в моём замке. Я буду рассказывать моей несравненной жене истории о своих приключениях, а она будет вязать мне шерстяные носки и следить за канарейками, а то, от моего ревматизма, мне что-то стало трудно согнуться...

– Что ж, – сказал Жюль, – в таком случае всё отлично. Я просто хотел ещё раз убедиться в вашей легендарной храбрости, потому что, сами понимаете, иметь жену-ведьму осме-

литься не каждый. Рад был нашей встрече, герцог. Goodbye!

Жюль церемониально поклонился разинувшему рот герцогу и двинулся к выходу.

– Пойдите! – заверещал герцог. – Пойдите... Как это, ведьма?.. Что вы такое говорите? Как вы смеете?!

– Прошу прощения, ваша светлость, – смущённо ответил Жюль, виновато склоняя голову. – Я думал, вы знаете... Мне и в голову не приходило обидеть Вас... С недавних пор все в городе знаю, что Ноель колдунья... А вас, ваша светлость, разве не насторожило, что такая прекрасная девушка до сих пор не замужем и даже не помолвлена?..

– Не может этого быть! – закричал герцог. – Это ложь!

Жюль грустно пожал плечами.

– Попросите своих слуг привести с улицы первых встречных жителей города, и ручаюсь вам, они подтвердят мои слова.

Герцог немедленно послал слуг на улицы и те мигом привели в его шатёр нескольких человек, которыми были, как вы уже, наверное, догадались, друзья Жюля. Они наперебой заверили герцога, что Ноель колдунья и ведьма, и весь город боится спать в полнолуние, когда она летает на своей метле вокруг городской ратуши или заставляет маршировать по улицам огородные пугала с окрестных полей.

– Видите, ваша светлость, – сказал Жюль, когда его друзья удалились, – я говорю чистую правду.

– Вы должны немедленно рассказать мне всё, что вы зна-

ете, – потребовал герцог, утирая холодный пот.

– Охотно, ваша светлость, – с лёгким поклоном ответил Жюль. – Но сначала, я бы хотел кое-что рассказать вам о самом себе. Видите ли, я не тот за кого себя выдаю...

– Боже, – пролепетал герцог. – Кто же вы?

– Меня зовут Исаак Балтимор, – сказа Жюль. – Я являюсь членом тайного ордена Покорителя Ведьм и Хранителя Приведений.

– Какой ужас, – прошептал герцог. – Признайтесь, вы нарочно меня пугаете...

– Ни в коем случае, – ответил Жюль. – Я лишь хочу, что бы ваша светлость понимала всю серьёзность ситуации. Впрочем, вам, отважному воину и охотнику, не привыкать быть на волоске от гибели...

– Гибели, – прохрипел герцог. – Боже, не говорите так!

– Пока Ноель была девочкой, – продолжал Жюль, не замечая стонов напуганного старика, – всё происходящее с ней держалось в тайне, но после того случая с мясником, её отец просто вынужден был обратиться за моими услугами. Он пригласил меня в свой дом под видом учителя музыки, чтобы я мог обуздать его дочь, если в этом будет необходимость, но, признаюсь, думаю мне это едва ли по силам...

– А что это за история с мясником... – спросил Эмменталь, стуча зубами. – Что то серьёзное?..

– Не то слово... – понизил голос Жюль. – Одним утром, соседский мясник по рассеянности передал в их дом свиные

сардельки вместо обещанных телячьих. Пустяк, скажете вы, Ноель была не в духе и так разозлилась, что той же ночью сожгла лавку бедняги, наслав на него заклинания, а сам он окосел на оба глаза и вдобавок у него вырос предлинный нос с тремя бородавками на конце. Даже родная мать не желала узнавать его, а его верный пес принял его за вора и искусал. Бедолага теперь нищенствует, выступая в бродячем цирке за миску похлёбки и считает, что он ещё легко отделался.

Лицо герцога так вытянулось, что Жюль едва не расхохотался, но продолжил в том же духе.

– Но Ноель не остановилась на этом. В день своего девятнадцатилетия, на городской площади, ей показалось, что продавец фиалок невежливо посмотрел в её сторону, хотя у парня просто зачесался нос и он хотел чихнуть. И что же вы думаете? Тем же вечером его так искусали неизвестно откуда взявшиеся дикие пчёлы, что он едва не умер! К счастью, он не стал дожидаться продолжения, за бесценок распродал своё имущество и бежал из города по добру по здорову и, надеюсь, теперь находится в безопасности.

Глаза герцога полезли на лоб, и он принялся грызть ногти.

– Теперь вы понимаете, ваша светлость, почему горожане были так поражены вашим смелым поступком этим утром. Все здесь уже привыкли жить в страхе, но теперь, когда в городе есть такой человек как вы, у людей снова появилась надежда. Признаюсь честно, я и сам не подозревал, насколько серьёзно обстоят дела и уже подумывал посылать за под-

могой. Но...

Жюль широко улыбнулся и положил руку на поникшее плечо герцога:

– Всё это в прошлом. Сейчас, когда рядом со мной будет человек, который лично зарубил 47 пиратов и проткнул копьём льва, тигра, бизона, крокодила и трёх слонов, мы одолеем любую ведьму, даже такую опасную как Ноель. К тому же, свадьба, наверняка смягчит её характер. Кстати, герцог, могу я полюбопытствовать, когда состоится помолвка? Я бы очень хотел на ней присутствовать...

Окончательно потерявший самообладание герцог вскочил со стула и стал носиться по комнате, дергая себя за волосы и что-то бормоча. Жюль не мешал ему и терпеливо ждал. Наконец, старик выдохся и вновь рухнул на стул. Его губы тряслись.

– Мистер Балтимор, голубчик, помогите мне, – жалобно простонал он. – Я понял, что не хочу жениться на Ноель!

– Что вы хотите этим сказать, – притворно изумился Жюль. – Вы не уверены в своих чувствах к ней?

– Нет! То есть да! То есть... Я не знаю!..

– Но я не понимаю вас, герцог, – продолжал недоумевать Жюль. – Как же так? Если бы я не знал что вы за человек, я бы подумал, что вы испугались...

– Вообще нет! – пискнул герцог. – Я ничуть не испугался! Если хотите знать, то я сам лично, вот этими вот руками поймал и посадил в темницу ужасного колдуна из Дамаска. Трёх

колдунов! Нет, я нисколько не напуган, просто понимаете, мне кажется, мне ещё рано жениться...

– Ах вот оно что, – задумчиво пробормотал Жюль. – Это другое дело...

– Вот видите, – облегчённо выдохнул герцог и даже попытался улыбнуться. – Мне всего шестьдесят семь и я полон сил. Меня ждут новые приключения и схватки, а семейная жизнь, уж поверьте, совершенно не располагает к путешествиям. Нет, теперь я вижу совершенно ясно, – я определённо ещё не готов к узам брака.

Герцог просиял и хлопнул в ладоши.

– И потом, – продолжил он, – я ведь ещё не сделал официального предложения и, полагаю, могу не считать себя чем-то обязанным, верно?..

– Увы, ваша светлость, – решительно прервал герцога Жюль. – Слишком поздно. Ноэль полюбила вас с первого взгляда и уже готовится к свадьбе. Если кто-то сейчас скажет ей, что вы передумали, советую вам немедленно вооружиться, потому что её гнев будет ужасен.

– Что?! – подпрыгнул герцог. – Как? Но... Но... Но что она может мне сделать? Я... я... я силен и... храбр... и у меня полно слуг! Я могу вооружить их, и к вечеру у меня будет целая армия!

– Вы, ваша светлость, видимо, плохо знаете французских колдуний, – грустно усмехнулся Жюль. – Ваши слуги не помогут вам, потому что она может легко усыпить их или са-

мой, принять образ одного из ваших приближённых и проникнуть в ваши покои. Она даже может оживить ваши шкуры и те снова набросятся на вас и вам предстоит ещё одна ужасающая схватка. Конечно, я абсолютно уверен, что вы вновь выйдете из неё победителем, но право, ваша милость, стоит ли так рисковать...

– Как же так... – пробормотал бледный герцог. – Она показалась мне такой милой сегодня утром, такой растерянной... Даже слегка напуганной...

– Это всё ведьминские уловки, герцог, – усмехнулся Жюль. – Колдуньи отлично умеют притворятся невинными девушками. Как-то раз я тоже попался на такой трюк, и это едва не стоило мне жизни. Поверьте, как только вы ушли, её глаза загорелись точно раскалённые угли, и она пустилась в такой сумасшедший пляс, что вся мебель в доме заходила ходуном. Нет, герцог, не обольщайтесь, своим появлением вы разбудили вулкан, который вот-вот начнёт извергать пламя.

Точно громом поражённый, бедный герцог поник на своём стуле и его плечи затряслись.

– Вы должны мне помочь, мистер Балтимор! – захныкал он. – В конце концов, вас ведь для этого и пригласили, чтобы держать эту ведьму в узде, верно?! Это неслыханно, когда среди белого дня, на людей бросаются колдуньи! Это безобразие! Я... я... я пожалуюсь королю!

– Я сделаю всё, что в моих силах, – ответил Жюль, – но ва-

ша светлость, сигнал вашего изумительного рога и весь ваш потрясающий вид настолько поразил сердце Ноель, что теперь я право не знаю, как с ней совладать. Может, вы всё-таки женитесь, а?..

– Ни за что, – категорически взвизгнул Эмменталь, разбрызгивая слюну. – Никогда! У меня полно дел! Мне некогда возиться с вашими колдуньями! Конечно, я могу пригрозить ей, что если она будет шалить, то я запру её в башне, но я не желаю тратить своё драгоценное время на подобные чудачества. Помогите мне, мистер Балтимор и я не останусь в долгу, обещаю вам. Я очень богат, очень! Усмирите эту колдунью и сделайте так, чтобы она забыла меня. Я уверен, для этого есть какой-нибудь способ.

Жюль задумался и стал расхаживать из угла в угол, стараясь унять радостную дрожь. Удача сама шла к нему в руки, и ему нельзя было упускать такой шанс.

– Не молчите, молодой человек, – кричал герцог. – Я с ума сойду от этого ожидания! Скажите, есть ли надежда? Хоть небольшая? Хоть самая крохотная? Ну?!

– Думаю да... – тихо произнёс Жюль, сосредоточенно хмуря брови. – Думаю мы можем попытаться...

– Хвала небесам! – захолопал в ладоши герцог. – Говорите, умоляю вас, говорите скорей, что я должен делать?

– Во-первых, любезнейший герцог, – сказал Жюль, – вы должны сохранить наш разговор в строжайшей тайне. Уверю, это в ваших же интересах. Колдунью всюду имеют гла-

за и уши, и одно случайно обороненное слово может стоять вам жизни. Если же вам вдруг кажется, что происходит нечто подозрительное, – птицы странно смотрят на вас или кошки идут следом, или ветви дерева колышутся, в то время как вокруг нет никакого ветра, – немедленно сморкайтесь, это отпугивает нечистую силу. Только сморкайтесь как можно громче, не щадите себя, а заодно и кашляйте что есть силы.

– Хорошо, – кивнул герцог. – Я буду сморкаться громче простудившегося кашалота, и кашлять точно рассерженный гиппопотам.

– Отлично, – похвалил герцога молодой человек. – Я не могу ручаться, что мой план сработает, но даю вам слово, что буду биться за вас до самого конца.

– Благодарю, – пролепетал герцог. – Но каков ваш план?

– Он очень прост, – ответил Жюль. – Вы должны предстать перед Ноель в самом невыгодном свете и заставить её разлюбить вас.

– А это возможно? – жалобно спросил Эмменталь.

– Вполне, – ответил юноша, – хотя, ваша светлость должна понимать, что вы сами виновник своих бед. Ваш рог был великолепен, герцог! Просто великолепен!

– Да провались он пропадом, – затопал ногами старик. – И зачем я только всё это устроил? Ах, если бы я только знал, что меня ждёт!

– Вас ждёт приключение, ваша светлость, – подбодрил старика Жюль. – Когда на старости лет вы будете писать свои

мемуары, вы сможете смело сказать, что это было величайшее испытание, которое вы прошли с честью, достойной истинного рыцаря.

– Вы так думаете, – неуверенно поинтересовался герцог. – Думаете, я смогу?

– Вне всякого сомнения, если будете беспрекословно следовать моим указаниям, – заверил его молодой человек. – Не забывайте, я член тайного ордена. 11 поколений моих предков бились с чёрной магией и колдовством и их опыт в наших руках.

– А могу я просто уехать, – осторожно поинтересовался герцог.

– Вы хотите сказать, сбежать? – вежливо уточнил Жюль.

– Нет, что вы... – закрутил головой герцог. – Просто уехать... Одному... Без свиты... Ночью...

– Риск слишком велик, ваша светлость, – покачал головой Жюль. – Даже ваши гепарды не могут бежать быстрее, чем летит метла ведьмы. Ноэль настигнет вас во тьме, вытащит из кареты и сотворит с вами такое, что я даже боюсь произносить вслух. Нет, милейший герцог, мы должны действовать по-другому. Завтра же, вы снова появитесь под окнами её дома...

– Нет! – закричал старик. – Ни за что! И не уговаривайте!

– *Завтра же снова появитесь под окнами её дома*, – отчеканил Жюль, – но на этот раз, вы всё сделаете иначе.

– Но...

– Никаких «но», ваша светлость, – повысил голос Жюль. – В противном случае, я снимаю с себя всю ответственность за вашу дальнейшую судьбу.

– О господи, – простонал герцог. – Я согласен. Я на всё согласен. Говорите...

Жюль сел рядом с Эмменталем и изложил ему свой план. Поначалу, герцог пытался сопротивляться, но Жюль вновь пригрозил ему ужасающим гневом ведьмы и, в конце концов, старик смирился и пообещал выполнить всё, что молодой человек ему приказал.

– Что ж, – сказал Жюль, вставая. – Увидимся завтра, ваша светлость. Будьте отважны и помните, я буду рядом и лично прослежу за реакцией Ноель. Когда всё закончится, я сразу же приду к вам и расскажу всё самым подробнейшим образом. И кстати, мне понадобятся деньги, чтобы пополнить свой арсенал защитных средств. Будет очень досадно, если ведьма разорвёт нас обоих на мелкие клочки, из-за нехватки какой-нибудь малости, вроде жира альпийского медведя или хвоста ехидны...

– Конечно-конечно, – спохватился герцог. – Вот, возьмите это кошелёк. Тут сто золотых. Этого хватит на первое время?

– Должно хватить, – ответил Жюль, взвешивая в руке кошель и думая о том, что сто золотых монет он не зарабатывал даже за целый год работы.

– Избавьте меня от этой колдуньи, мистер Балтимор и я дам вам в тысячу раз больше, – заголосил герцог. – Я озолочу

вас!

– В этом нет нужды, – великодушно ответил Жюль. – Я просто стараюсь делать свою работу хорошо и вовсе не гонюсь за наживой. Have a nice day!

Молодой человек поклонился герцогу и выбежал на улицу.

«Кажется, мой план срабатывает, – думал он, радостно вышагивая к себе домой. – И кстати, куда это я иду? У меня же полно денег. Почему бы мне действительно не поселиться в отеле, где я живу? Я не должен вызывать никаких подозрений...»

Ту ночь Жюль провёл как настоящий богач и, выйдя утром из отеля, сам удивился переменам в себе. Его походка стала более уверенной, взгляд настойчив и теперь никто уже не мог заподозрить в нём вчерашнего работника с Огородной улицы. Излучая уверенность и находясь в прекрасном расположении духа, Жюль отправился к Ноель. До начала урока было ещё полчаса, и он провёл их, посвящая домочадцев в некоторые детали своего плана. Затем, они все прошествовал в гостиную, где Жюль провёл урок для Ноель, который, как и прежде, заключался в том, что девушка играла одну вещь за другой, а молодой человек прохаживался вокруг, делая время от времени какие-то важные замечания. В конце занятия он похвалил девушку и, глядя на часы, начавшие бить полдень, сказал:

– Приготовьтесь! Герцог скоро появиться. Мадемуазель

Ноель, умоляю, не забудьте про вашу чернику...

Тут, до их ушей долетел гул и смех толпы, а следом, непереносимая какофония, словно кто-то тянул за хвост кота. Все бросились к окнам и выглянули наружу.

Со стороны городского парка, к дому Морелей, медленно приближалась толпа людей. Они свистели и хохотали, и тыкали пальцами на нечто впереди себя. Издали было трудно разобрать, кто возглавлял шествие, но по мере приближения процессии, рты у всех открывались всё шире и шире. Во главе колонны смеющихся зевак, верхом на огромной чёрной свинье, ехал герцог Эмменталь. В этот раз на нём красовалась козлиная шкура, на ногах, грубые деревянные башмаки, а на голове – шутовской колпак. В руках несчастный сжимал старую скрипку и сломанный смычок, при помощи которого, он извлекал из музыкального инструмента пронзительные звуки. По бокам всадника шли его слуги с корзинами желудей, которые они неустанно бросали перед свиньёй, заставляя животное двигаться в нужную сторону.

Поравнявшись с домом Ноель, герцог натянул импровизированные поводья и его «лошадь», недовольно хрюкнув, замерла на месте. Увидев в окне девушку, герцог побледнел, но заметив рядом Жюля, делавшего ему ободряющие знаки, снял шляпу и низко поклонился.

– Мадемуазель, – громко крикнул он, – я приветствую вас этим чудесным полднем и хотел бы сыграть в вашу честь небольшую мелодию, которую мне подсказало моё сердце.

Герцог взмахнул смычком и огласил улицу новым потоком скрипичных стонов и завываний, от чего все заткнули уши. Закончив концерт, Эмменталь вновь поклонился Ноель. В эту минуту, девушка, совершенно неожиданно, хитро подмигнула герцогу и показала совершенно чёрный язык! Старик подпрыгнул от ужаса, и, выхватив огромный носовой платок, принялся сморкаться в него с такой силой, что свинья испугалась и бросилась бежать, унося на своей спине незадачливого наездника. Толпа с улюлюканьем бросилась вслед и вскоре улица опустела.

– Что это было, – воскликнула Матильда, всё ещё не веря, тому, что она увидела. – Герцог окончательно спятил!

– Боюсь что так, мадам, – ответил Жюль. – Такое случается, если долго носить шкуры...

Ноель ничего не спрашивала. Она просто упала в кресло и хохотала до слёз, так что Матильде пришлось сбегать и принести ей воды.

Пока её не было, Жюль снова сжал руку девушки.

– Ничему не удивляйтесь, моя дорогая Ноель, – горячо прошептал он, глядя в глаза. – Очень скоро, я смогу войти в ваш дом под своим собственным именем и просить вашей руки у вашего отца! Я люблю вас! А сейчас, мне срочно нужно удалиться. До свидания, Ноель!

– До свидания, Жюль, – прошептала девушка. – Я буду ждать вас...

Жюль выскочил на улицу и направился к герцогу.

– Мистер Балтимор, слава богу – закричал Эмменталь, заключая Жюля в свои объятия. – Ну как всё прошло? Говорите скорей! От такого зрелища она должно быть полностью во мне разочаровалась. Да что там, я едва сам в себе разочаровался, когда эта противная свинья сбросила меня на повороте прямо в канаву...

– Увы, ваша светлость, – сухо ответил Жюль. – У меня скверные новости. Она была в восторге.

– Как?! – изумился герцог. – Ей понравилось?!

– Вы не знаете ведьм, ваша светлость – грустно покачал головой Жюль – И я, как видно, тоже... Кстати, она не делала вам какие-либо знаки? Может быть она подмигивала вам и ли послала воздушный поцелуй?

– Она подмигнула мне, – ответил несчастный герцог, толком не успевший стереть с себя грязь. – А ещё, она показала мне язык, и он был совершенно чёрным!

– Вы уверены, – нахмурился Жюль. – Может он был зелёным или оранжевым?

– Нет, нет, – замотал головой герцог. – Он был иссиня-чёрным, будто бы она наелась черники.

– Ведьмы не едят чернику, ваша светлость, – печально вздохнул Жюль.

– Но тогда что же это было?

– Боюсь, это было приглашением на свидание, – ответил Жюль.

– Свидание?! – разинул рот герцог.

– Без всякого сомнения, – кивнул Жюль. – И на вашем месте, я бы начал готовиться уже сейчас, потому что если вы откажетесь, то уже никакие силы не смогут защитить вас от ведьм.

– Ведьм? Вы сказали ведьм?

– Именно так я и сказал, – снова кивнул Жюль. – Отказаться от такого приглашения, означает оскорбить всех существующих ведьм. После этого, даже если вам и удастся ускользнуть от Ноель, на вас будет устроена настоящая охота. Небо над вашим замком почернеет от тысяч колдуний на метлах и вам придётся туго.

– Боже, боже, – завопил герцог. – Что же делать? Как мне спастись? Мистер Балтимор, скажите, что мне делать?

– Готовиться к свиданию, – ответил Жюль, – и на это раз, ваша светлость, вам понадобится всё ваше мужество и отвага.

– Но где и когда оно состоится?

– Ровно через 36 часов после того, как ведьма покажет вам язык, говорит учебник, – сказал Жюль. – То есть завтра в полночь.

– В полночь?! – затрясся герцог.

– Да, – гробовым голосом произнёс Жюль. – И вы должны быть один.

– Один?! – охнул Эмменталь. – Даже без слуг?

– И без оружия, ваша светлость, – ответил молодой человек.

– Но где?

– Ведьма найдёт способ оповестить вас, герцог, – сказал Жюль., – но скорее всего, это будет какой-нибудь заброшенный дом на окраине города или кладбище.

Герцог в отчаянье закрыл лицо руками, а Жюль, пользуясь удобным моментом, быстро вложил листок бумаги в пасть львиной шкуры.

– Будьте настороже, герцог. Письмо должно скоро прийти к вам, как только вы его получите, немедленно сообщите мне. От этого зависит ваша жизнь...

– Но я не могу! – вдруг завопил герцог. – Она же меня съест! Или сотрёт в порошок! Или превратит в подкову, как только поймёт, что я не собираюсь на ней жениться!

– Не волнуйтесь, ваша светлость, – постарался успокоить его Жюль. – Объяснения в любом случае не избежать, поэтому не стоит затягивать. Но мы примем все меры, чтобы обезопасить вас.

– Правда? – спросил герцог.

– Да. Во-первых, вы будете не совсем один. Я буду прятаться поблизости, готовый прийти на помощь.

– О-о-о, – простонал Эмменталь.

– Во-вторых, на случай если всё произойдёт внезапно, у вас будет надёжное укрытие.

– Какое?

– Специальное, бронированное, запатентованное укрытие от ведьм, колдуний и прочей нечисти, которое мы иногда ис-

пользуем в своей работе.

– Но что это?

– По виду, оно напоминает большую бочку с крышкой, которая запирается изнутри, – объяснил Жюль. – Если вы почувствуете, что колдунья собирается напасть на вас, немедленно ныряйте в укрытие и запирайтесь изнутри.

– И там я буду в безопасности?.. – робко спросил герцог.

– Абсолютно, – успокоил его Жюль. – Ни одна ведьма не в состоянии проникнуть внутрь, сколько бы она не царапала его своими когтями и не стачала своей метлой. К тому же, как я уже сказал, я буду поблизости и прибегу на помощь по первому же сигналу.

– А какой же будет сигнал, – спросил бледный герцог.

– Ваш ужасающий крик, ваша светлость – ответил Жюль. – Как только я услышу его, я поспешу к вам со своей шпагой и связкой чеснока.

– Что-то мне уже дурно, – сказал герцог, ложась на софу. – Это просто какой-то дурной сон. Но что я должен буду ей сказать?

– Правду, любезный герцог. Всю горькую правду. Вы скажете ей, что вы от неё без ума, но вы дали обет безбрачия, и не можете нарушить его ни при каких обстоятельствах. На некоторых ведьм это действует.

– Но если это не подействует? – дрожащим голосом спросил герцог. – Что тогда?

– Тогда немедленно прыгайте в бочку, и сидите там тихо

как мышь, пока я не прогоню колдунью. Именно поэтому, мне очень важно заранее знать, где состоится ваша встреча. Поэтому, умоляю вас, герцог, как только вы получите письмо, немедленно дайте мне знать.

– Но как я узнаю, что он пришло?

– Просто как следует обыщите свою комнату через несколько часов и вы найдёте его в своих вещах. Обычно это простой клочок бумаги, на котором углём или кровью написано место встречи.

– О боже!

– Мужайтесь, герцог. Это будет славная битва! И дайте мне ещё золота, чтобы я мог оплатить доставку укрытия...

Обговорив ещё кое-какие детали, Жюль оставил трясущегося герцога в его шатре и поспешил к старой мельнице, где с самого утра трудились его друзья, устанавливая железную бочку и прочие приспособления. Затем, он навестил месье Мореля и сказал ему, что герцог окончательно спятил, и во что бы то ни стало, хочет жениться на его дочери, и увести её в дикие страны. Он уговорил главу семейства отпустить Ноэль (вместе с Матильдой, само собой разумеется), на ночное «свидание», где она должна была предстать в облике ведьмы и окончательно напугать старого упрянца.

– Этот герцог твёрдый орешек, – сказал Жюль месье Морелю. – Истории что я ему поведал, ни сколько не напугали его, но на старой мельнице я уверен, мы нагоним на него страху и он откажется от своих планов.

– Вы полагаете, ваш план сработает? – с сомнением спросил месье Морель.

– Разумеется, – улыбнулся молодой человек. – Это старый английский способ спроваживать неугодных женихов. Моя бабушка пользовалась им в своё время дважды и после каждого, женихов и след простывал. Уверяю вас, этой ночью герцог навсегда покинет наши края и никогда больше не вернётся к вам. Я заеду за мадемуазель около 9 вечера, чтобы устроить её на мельнице и успеть к герцогу. Проследите, пожалуйста, чтобы к этому времени она сделала необходимую причёску и наложила грим.

После этого, Жюль помчался в отель и успел как раз вовремя. Насмерть перепуганный герцог дожидался его внизу, держа в руке клочок бумаги.

– Представляете, – шептал герцог. – Я нашёл её в пасти льва! Как она могла попасть туда?

– Обычное колдовство, – пожал плечами Жюль. – что там написано?

– Старая мельница, – ответил герцог.

– Превосходно, – засмеялся Жюль. – Я так и предполагал! Это заброшенная мельница в четверти часа езды от города. Я уже осмотрел её и сделал кое-какие приготовления. Я немедленно займусь доставкой туда вашего убежища, а вы пока идите и отдохните. Вас ждёт трудная ночь. Я заведу за вами в 11 и помните, никакого оружия!

В девять часов, экипаж, нанятый Жюлем, остановился у

дома Ноель. Через минуту, две тени выскользнули из парадного и забралась в карету. Экипаж тронулся и поспешил к мельнице. По дороге, Жюль ещё раз объяснил девушке, что ей нужно делать и говорить.

– Но как вам мой наряд, – спросила Ноель. – Я похожа на ведьму? Я целых два часа ставила волосы дыбом, мазала лицо белилами и искала подходящее платье.

– Вы выглядите изумительно, – ответил Жюль. – Может вы и вправду колдунья?..

– Что касается вас, дорогая мадам Матильда, – продолжил молодой человек, – то вы останетесь снаружи, чтобы герцог ничего не заподозрил. После всего спектакля, вы отвезёте Ноель домой, а я останусь с Эмменталем, чтобы закончить кое-какие дела.

Устроив девушку на мельнице и спрятав Матильду в сарае неподалёку, Жюль развернул карету и погнал лошадей к дому герцога, где дал ему последние напутствия.

– Ничего не бойтесь, ваша светлость, – говорил он, дрожащему Эмменталю. – Помните, как только вам покажется, что ведьма вышла из себя, прыгайте в бочку и закрывайтесь.

– Но вы же будете рядом, правда? – ныл герцог. – Вы же не бросите меня одного?

– Не волнуйтесь, я вас не оставляю, – увещевал его Жюль. – Но будьте готовы ко всему...

Он практически насильно усадил Эмменталя в карету, и они тронулись в путь. Глядя на тёмные улицы и большую

луну в небе, герцог клацал зубами и при каждом подозрительном звуке отчаянно сморкался. Вид мрачной мельницы окончательно сломил его дух, и его ноги подкосились.

– Вперёд, ваша светлость, – приговаривал Жюль, неся беднягу к дверям. – Покажите этой ведьме, на что вы способны! Удачи.

– Я не могу... – жаловался герцог. – Я вовсе не бился с пиратами... Я...

– Не разыгрывайте меня, ваша светлость, – усмехнулся Жюль. – Мы все знаем, какой вы отчаянный человек. Я буду в двух шагах от вас и немедленно приду на помощь. Скорее, заходите внутрь, скоро полночь. Вы должны занять хорошую позицию недалеко от укрытия.

– Но можно я возьму с собой хотя бы саблю? – умолял герцог.

– Исключено, – категорически сказал Жюль, который опасался, что от страха герцог может ранить Ноель. – Вы должны быть совершенно безоружным. Ваше сила – в вашей храбрости, герцог. Вперёд и да поможет вам Бог!

Жюль втолкнул графа внутрь и запер снаружи дверь.

– Что вы делаете, – завопил герцог. – Не закрывайте меня тут! Я боюсь темноты!

– Тише, тише, – зашипел Жюль. – Это для вашей безопасности. Так ведьма не сможет призвать на помощь волков и медведей. Сама она прилетит на метле, так что следите за чердаком.

– Но...

– Тихо! Слышите, на ратуше часы начали бить полночь! Ждите её, ваша светлость! Ждите...

Жюль обежал мельницу и подал сигнал своим друзьям. Двое из них схватились за верёвки, привязанные к крыльям мельницы, заставляя их вращаться с жутким скрипом. Двое других, поднимали и опускали большие кузнечные меха, подсунутые под заднюю стенку мельницы, так что казалось, что внутри дует ветер.

Старик Эмменталь заметался в потёмках, несколько раз споткнулся и, наконец, на четвереньках прополз в дальний угол мельницы и спрятался за металлической бочкой. Его зубы стучали так громко, что Ноэль, притаившаяся на чердаке, едва не расхохоталась.

Когда «ветер» утих, под потолком мельницы неожиданно загорелось несколько свечей и в их призрачном свете, герцог увидел, как с чердака спускается женская фигура, сидящая верхом на метле.

Но перед этим, давась от смеха, девушка высыпала на голову герцогу целое ведро жаб и те с кваканьем разбежались по мельнице. В полумраке, до смерти перепуганный Эмменталь, не видел верёвок, привязанные к обоим концам метлы и не слышал тихого скрипа лебёдки, которой управляли товарищи Жюля. Соскочив на землю, девушка стала крутиться во все стороны, громко принюхиваясь.

– Ну, где же ты мой ненаглядный, – говорила она хрип-

лым голосом. – Покажись же скорей! дай мне обнять тебя, любимый!

Герцог заткнул рукой рот, чтобы не закричать и забился ещё дальше за бочку. Он увидел смертельно бледное лицо колдунье, её всклокоченные волосы, платье, похожее на саван и обведённые чёрной тушью глаза. Он совершенно не горел желанием, чтобы ведьма обняла его, и позабыл всё, чему его учил Жюль. Молодой человек предвидел такое развитие событий и предупредил Ноель, что если герцог не покажется, её нужно брать инициативу в свои руки.

Покрутившись ещё немного, ведьма снова шмыгнула носом и засмеялась.

– Да ты решил поиграть со мной в прятки, шалун? Что ж, давай поиграем!..

Ноель стала ходить по мельнице, принимаясь и подбираясь всё ближе к тому месту, где ни живой, ни мёртвый сидел герцог, мечтавший только об одном, поскорее очутиться на Мадагаскаре или, ещё лучше, на Луне.

Оказавшись у бочки, девушка постучала по ней своими длинными накладными ногтями и тихонечко позвала:

– Вот я и нашла вас, мой славный воин, выходите!..

Герцог заёрзал как мышь и высунул трясущуюся голову из-за бочки.

– 3-3-здрасьте!.. – выдавил он.

– О, полно вам дурачиться, выходите и обнимите свою невесту, – усмехнулась колдунья. – Ну что же вы медлите?!

– Я-я-я, – заблеял герцог. – Я не могу...

– Что? – нахмурилась ведьма. – Так, довольно, я устала от ваших игр. Где ваш рог? Где ваша шкура? Что с вами, мой победитель? Вы больны? Так я излечу вас...

– Нет, – отчаянно воскликнул герцог. – Я... я... Я без ума от вас...

– Отлично, – рассмеялась ведьма. – Это то, что я так давно желала услышать!

– ... но это не всё! Я... Я не могу жениться! Я дал обет безбрачия! Всё кончено!

– Что-о-о?! – зарычала ведьма и потянулась своими когтями к горлу старика. – Как это не можете? Какой обет? Что значит, кончено?!

– Это значит конец, – визжал герцог бегая от разгневанной колдунью вокруг бочки. – Всё! Помогите, мистер Балтимор! А-а-а-а!

– Так ты не один! – завопила ведьма. – Ты обманул меня! Ну я тебе сейчас покажу!

Она подхватила с пола метлу и стала колотить ей кричащего Эмменталя, который забыв про своё убежище, стал носиться в поисках выхода по всей мельнице, визжа как поросёнок. Девушка носилась следом и колотила его по спине, приговаривая, что сейчас разорвёт его на тысячу кусочков. Наконец, герцог юркнул в бочку и заперся изнутри.

– А ну вылезай! – зашипела Ноель. – Немедленно вылезай оттуда, а иначе будет хуже!

– Нет, – вопил герцог. – Не вылезу! Мистер Балтимор, ну где же вы?

– Я здесь, ваша светлость, – кричал в ответ Жюль, барабанив в двери. – Я не могу войти, она заколдовала дверь! Держитесь! В бочке вы в безопасности!

– Так вы это всё нарочно подстроили, – страшно завывала ведьма. – Как же я зла!

Пока раздавались эти крики, двое друзей Жюля, которое помогли Ноель спуститься на метле, слезли вниз и стали колотить по бочке, один кувалдой, а другой, граблями. От адского шума несчастный герцог едва не оглох, а Ноель, тем временем, бегала вокруг и кричала, приговаривая, что сейчас разобьёт эту бочку своей метлой и раздерёт когтями.

Поколотив минут десять, друзья сложили своё оружие и всучили в руки Ноель пылающий факел.

– Моя метла не берёт эту бочку и мои когти только царапают её, но что ты скажешь, если я пошлю на тебя заклятие огня?!

Ведьма расхохоталась и стала подносить факел то у одному боку бочки, то к другому, так что герцог вертелся внутри как уж на сковородке.

– Ну что, ещё не передумал?! – шипела девушка, которой очень понравилось играть рассерженную ведьму. – Будешь жениться или нет?

– Нет! – завопил герцог. – Ни за что! А-а-а-а!

– Тогда пеняй на себя, – сказала ведьма, гася и пряча фа-

кел. – Пусть я и не могу вытащить тебя из этой бочки, но я унесу тебя вместе с ней и утоплю на дне моря!

– Ой, ой! – завопил герцог. – Спасите!

– Не слушайте её, ваша светлость, – кричал Жюль. – Не...

Но его слова заглушил скрип колёс мельницы и поднимающийся ветер. Друзья Жюля накинули на бочку верёвки и немного приподняли её над полом, словно ведьма уже уносила герцога.

– Стойте, стойте! – завопил Эмменталь. – я не умею плавать! Я согласен! Я на всё согласен!!!

Верёвки тут же ослабли, и бочка стукнулась о землю.

– Повтори, что ты сказал, – жутким голосом потребовала ведьма.

– Я на всё согласен, только не убивайте меня! – кричал герцог, не помня себя от страха. – я буду хорошим мужем!

– Тогда поклянись! – сказала Ноель.

– Клянусь! – пискнул герцог.

– Нет, этого мало, – захохотала ведьма. – Повторяй за мной. Я, герцог Бургундский, перед лицом тьмы и лунного света, клянусь, что до следующей полуночи, возьму в жёны Ноель, ведьму и колдунью, а если я изменю своему слову, то мне не будет пощады!

Заикаясь от страха, герцог покорно повторил слова ведьмы.

– Хорошо, – захохотала Ноель. – Посмотрим, как ты выдержишь своё обещание.

В этот момент. дверь в мельницу рухнула под напором Жюля и тот ворвался внутрь размахивая шпагой.

– прочь, ведьма. Прочь! – кричал он, ударяя по пустом ведру и колотя по стенам.

Ноель в ответ стала визжать и бросаться в другую стену мельницы деревянные поленья. Друзья ещё быстрее задули в меха и закрутили колёса. Так что вся мельница заходила ходуном, и герцог решил, что наступает конец света. Но затем, шум стих, и через некоторое время он услышал взволнованный голос Жюля.

– Ваша светлость, вы живы?

– это вы, Балтимор, – слабо отозвался герцог.

– Да, это я. на этот раз мне удалось прогнать ведьму. Вылезайте...

– А она не вернётся?

– Нет, ручаюсь вам. Скоро начнёт светать...

Герцог с трудом откинул крышку и высунулся наружу. Жюль стоял перед ним с обломком шпаги. В разорванной одежде и весь перепачканный красной краской.

– Боже, вы едва живы! – сказал Эмменталь.

– Да, это был трудный поединок, но вы молодец, что держались и ничего не пообещали ведьме. Вы ведь не пообещали, нет?

– Ну... – протянул герцог.

– Ваша светлость, вы меня пугаете! – воскликнул Жюль. – Неужели вы дали ей какое-то обещание?!

Герцог грустно кивнул.

– Но зачем, зачем, – застонал Жюль. – Вы же были в безопасности! Смотрите, её когти только поцарапали стенки, а удары метлой оставили лишь вмятины.

Жюль показал герцогу следы от граблей и кувалды на боках бочки, от которых его светлости сделалось дурно.

– Но она сказала, что унесёт меня в море и утопит, – промямлил он. – Этого вы не учли.

– Всё было учтено, герцог, – сказал Жюль, показывая на большую цепь, которая была присыпана землёй. Один её конец намертво прикручен к днищу бочки, а другой, обмотан вокруг мельничного жернова.

– Видите, она ни за что на свете не смогла бы унести вас! Для этого, ей нужно было бы поднять в воздух целую мельницу, а это не под силу никакой ведьме!

– Но я не знал... – забормотал Эмменталь. – Я испугался...

– Что вы её пообещали? – прервал его Жюль. – Говорите!

– Я поклялся жениться на ней...

– О господи, – выдохнул Жюль и сел на пол. – Это конец... Теперь ничего нельзя сделать. Клятва, данная ведьме во время свидания, имеет страшную силу. Что же вы наделали, герцог?!

– Но... но... – бормотал Эмменталь, всё ещё не решаясь вылезти из бочки. – Но я могу сказать, что пошутил... Или...

– Бесплезно, – покачал головой Жюль. – Мой вам со-

вет, наберитесь мужества и готовьтесь к колдовской свадьбе на Чёрных болотах Ваалии. Её подругами буду ведьмы, а прислуживать на пиру станут упыри. Затем, когда откроют гроб...

– Замолчите, – закричал герцог. – Замолчите! Я никогда не женюсь на этом чудовище! Вы видели её глаза? А когти? Нет, лучше я сам брошусь в море!

В эту минуту, молодой человек неожиданно встал.

– Пойдите, герцог, – проговорил он, точно поражённой какой-то мыслью. – Повторите ещё раз то, что вы пообещали. Слово в слово!

Опечаленный герцог в точности повторил слова клятвы и увидел, как на лице Жюля появляется улыбка.

– Вы уверены, что сказали именно это, герцог, – спросил он, схватив Эмменталя за плечи и тряся как грушу. – Вы *абсолютно* уверены?

– Да, но что это меняет?.. Мне конец...

– Это всё меняет, ваша светлость! Всё!

Жюль засмеялся и пустился в радостный пляс вокруг бочки.

– Вы ещё можете быть спасены, ваша светлость, – заявил он.

– Но как, – удивился герцог, – вы же сами сказали. Что эта клятва нерушима и...

– Но вы и не нарушите её, – торжествующе объявил Жюль. – Впопыхах, ведьма допустила ошибку, оставив нам

лазейку, и вы можете её воспользоваться.

– Что за лазейка, – приободрился герцог.

– Всё дело в том, что вы дали клятву не от своего имени, а от имени герцога Бургундского, – радостно сказал Жюль. – Понимаете?

– Но я и есть герцог Бургундский, – ответил растерянный Эмменталь. – У меня замок в Бургундии, это моё родовое имение. Я там родился.

– Верно, ваша светлость, – ответил молодой человек, – а это значит, что любой, кто получит эти земли и станет герцогом Бургундским, и должен будет жениться на ведьме!

– Но разве так можно? – недоверчиво спросил герцог, у которого вновь появилась надежда.

– Конечно, ваша светлость. Конечно, ведьма может быть недовольна, но даже она не может изменить эту клятву и будет обязана подчиниться ей. Таковы ведьминские законы. Единственным условием является то, что человек, решивший занять ваше место, должен сделать это добровольно, зная все условия сделки. В противном случае, если он решит, что его обманули и скажет об этом ведьме, её месть будет страшна. Одним словом, герцог, скорее найдите кого-нибудь, кто согласится добровольно жениться на этом исчадии ада, подарите ему свои земли и замок, и бегите на Мадагаскар или в Марокко.

Лицо герцога порозовело.

– Вы возвращаете меня к жизни! – сказал он Жюлю.

– Очень надеюсь на это, – ответил молодой человек. – Но вам нельзя терять ни минуты. Срочно мчитесь в город и ищите человека, готового на этот шаг.

– В этом нет нужды, – заявил герцог. – Я уже нашёл его.

– Как это предусмотрительно с вашей стороны, ваша светлость, – ответил Жюль. – Вы сама мудрость... Я обязательно упомяну в своём отчёте об этой битве, как вы были храбры. Так кто-же это?

– Это вы, мистер Балтимор, – ухмыльнулся герцог. – Вы и не вздумайте отказаться! В том что произошло есть и ваша вина! Если бы вы вовремя меня предупредили о цепи, я бы ничего не сказал. И к тому же. это ваша работа! Одиннадцать поколений ваших предков боролись с колдунами и ведьмами, так что никто лучше вас не справится с такой задачей. Я немедленно оформлю дарственную на ваше имя и отныне, вы более не мистер Исаак Балтимор, а герцог Бургундский, владелец богатых земель, замка и всего золота, что хранится в его подвалах.

Жюль поднял руки и попятился, словно пытаясь защититься от слов герцога, но тот проворно выскочил из бочки и схватил молодого человека за рукав.

– Вы приехали сюда, чтобы удержать это чудовище в узде, но вы не справились с этой задачей. Теперь, вы должны ответить за это. Мы немедленно едем к городскому нотариусу, а после, я покидаю этот кошмарный город. Идёмте, *герцог*, не заставляйте применять меня силу!..

Эмменталь отвел «ошеломлённого» Жюля в карету и повёз его в город. Всё было улажено в течение двух часов, после чего, карета Эмменталя, помчалась по дороге, поднимая густое облако пыли, а за ней, потянулся длинный караван слуг. Гепарды герцога летели как пули и уже следующим вечером, корабль Эмменталя отплыл в море. Никогда больше его нога не ступала на землю Франции, впрочем, старик не скучал и вскоре начал писать книги о своих вымышленных похождениях. Он прожил ещё много лет и те редкие путешественники, чьи пути иногда пересекались с ним, говорили что он ничуть не изменился, за исключением того, что приобрёл отвратительную привычку ужасно громко сморкаться и кашлять, точно целое стадо гиппопотамов. Но самое забавное, что куда бы ни направлялся наш отважный старик, за ним всегда си везде следовала повозка с большой железной бочкой, в которой Эмменталь имел обыкновение спать...

Что до Жюля, то сразу же после отъезда старика, он отправился в дом Ноель и имел долгий разговор с её отцом. Ему пришлось признаться в своём первоначальном обмане, но он объяснил его своей невыносимой любовью к Ноель и искренне попросил прощения, пообещав, что такого больше не повторится. Отдавая должное месье Морелю, хочу сказать, что он от души посмеялся на этой историей и над собственной глупостью, и от всего сердца благословил двух влюблённых. Через неделю, они покинули город, отправившись в свой замок, но перед этим, Жюль распорядился об

устройстве в городе большой больницы и школы для бедняков, за что и получил титул почётного жителя города. Своих друзей он тоже не забыл и подарил их семьям большие наделы земли у самых стен замка, чтобы им было сподручнее устраивать пикники. Да, кстати...

– Кстати, скоро потемнеет, – прервала папу мама. – Нам пора собираться.

– Ой, и правда, – удивлённо оглянулись ребята. – Мы и не заметили!

– Но я не закончил, – возмутился папа. – В подземельях замка было много интересного и Жюль вместе с Ноель...

– Расскажешь нам в другой раз, дорогой, – сказала мама. – Мы же не хотим ночевать в лесу, верно?

Пыль

День был дождливый и вместо долгожданного пикника, к которому всё уже было собрано, ребята сидели дома и грустно смотрели в окна. В довершение всех бед, мама решила устроить уборку, и им было поручено пропылесосить все комнаты и протереть пыль.

– Какой смысл пылесосить каждые выходные, если пыль всё равно остаётся, – бурчал Серёжа, соединяя шланги и трубки. – Каждый раз одно и тоже...

– Мама говорит, что если не убираться, то тогда пыли будет ещё больше, и мы будем ей дышать, а это вредно, – важно

разъяснила Варя, хотя сама недоумевала, почему пыль появлялась снова и снова, ведь они с мамой постоянно её убирали.

– Вот бы сделать магнит для пыли, – сказал Серёжа, включая пылесос в розетку. – Просто поставил его посреди комнаты, нажал на кнопку и можно идти гулять, а он всё сделает сам.

– Да, – согласилась Варя, – это было бы здорово.

Они принялись наводить порядок, следя за тем, чтобы Степашка не перегрыз шнур пылесоса, потому что этот шумный, завывающий зверь был его давнишним врагом. По правде говоря, Стёпа с детства побаивался пылесоса, но признаваться в этом отказывался.

«Просто он дует мне в уши и мне щекотно, – говорил он себе. – Я нисколько не боюсь этого дурацкого ящик на колёсиках и в любой момент могу с ним расправиться, просто не хочу...»

Вот и теперь маленький скотч-терьер настороженно следил за красным монстром, которого Серёжа возил по ковру, раздумывая, как бы ему лучше вцепиться в хвост этого вредного зверя...

– Как тут у вас дела, – спросил папа, заглянув в комнату через четверть часа. -

– Почти закончили, – отрапортовали ребята.

– Отлично, – кивнул папа. – Я тоже скоро закончу у себя наверху, а потом, я полагаю, что нам нужно будет выпить по

чашечке горячего шоколада. Вы участвуете?

– Да! – ответили ребята.

– Славно, – сказал папа. – Тогда, через полчаса у меня в кабинете. Стёпа, отойди от провода!

– Папочка, а откуда пыль берётся? – спросила Варя, выжимая тряпку. – И почему она постоянно возвращается?

– Вот это мы и обсудим, – улыбнулся папа. – Жду всех через полчаса.

– Кажется, у папы есть ещё одна история, – хихикнул Серёжа.

– Да, – согласилась Варя. – У него их целая куча...

И они с удвоенной силой принялись за уборку, спеша всё закончить к сроку.

****

– Нет ничего лучше чашечки горячего шоколада в дождливый день, – разглагольствовал папа, когда все расселись за журнальным столиком на втором этаже дома. – Это просто чудесно! И так вкусно...

Он макнул печенье в шоколад, откусил кусочек и блаженно зажмурился.

– Ты каждый раз это говоришь, – отозвалась мама, на всякий случай отодвигая от него молочник. – Иногда мне кажется, что ты специально вызываешь дождь этим своим Магическим куполом или как ты его называешь, только лишь за тем, чтобы полакомиться сладеньким.

– Магический купол, к твоему сведению, – со всей серьёз-

ностью пустился в объяснения папа, – служит для защиты от дождя, а не наоборот. Вызывать дождь, это особое искусство, которому нужно долго обучаться в академии Ветров и Осадков в Брюсселе, иметь специальную лицензию и каждый раз заполнять уйму бумаг, даже если ты хочешь всего-навсего вызвать крохотный дождик. В общем, это не шутка, уметь повелевать стихиями.

– Подумать только, – притворно изумилась мама. – А что, иначе никак нельзя?..

– Всё остальное, – отчеканил папа, – дилетантство и черная магия, а они, как известно, никогда ни к чему хорошему не приводят. Только наука, с добавлением щепотки волшебства, горсти веры и изрядной толикой настойчивости способна отворить любые двери! Только так, друзья мои, только так.

Папа воодушевлённо обмакнул в какао свои очки, вместо печенья и замер, опасливо глядя на маму.

– Тебе бы стоило пройти курс обучения правилам поведения за столом, – сказала мама, подавая папе салфетку. – Хорошо ещё, что ты их не съел...

– Я всё могу объяснить, – ответил папа, протирая очки и пряча их в карман.

– Ты обещал рассказать, откуда берётся пыль, – напомнила Варя. – И почему её убираешь-убираешь, а она снова появляется... Это нечестно.

– О, – воскликнул папа, – пыль это столь древнее прокля-

тье человечества, что его знали ещё первобытные люди. Даже им время от времени приходилось делать уборку в своих пещерах и вытряхивать шкуры. Находились мечтатели, которые всерьёз предполагали, что когда-нибудь, будут созданы специальные устройства, которые будут помогать в уборке больших помещений. Таких людей не слушали, а иногда и поколачивали, но энтузиастов это не останавливало. Кстати, несколько лет назад, группа британских учёных обнаружила наскальные рисунки с изображением пылесоса. Это сообщение буквально взорвало весь научный мир и вызвало бурю эмоций по обе стороны экватора. Правда, впоследствии, оказалось, что это был вовсе не пылесос, а новорождённый детёныш бегемота, но это не помешало учёным выдвинуть ряд блистательных умозаключений и всемирно прославиться. Что же касается пыли, то она состоит из самых разных вещей, начиная с крупинки песка и заканчивая звёздной пылью, что прилетает к нам из космоса. Представляете, в нашем пылесосе есть пылинки, которые миллионы лет путешествовали во Вселенной, пока не встретились с нашей планетой. Поразительно, просто поразительно!

Папа отпил глоток какао и захрустел печеньем.

– И это всё, – разочарованно спросил Серёжа. – Эта вся история про пыль?

– Не совсем, – улыбнулся папа. – Помимо прочего, существует теория, что пыль – это не сборище хаотично блуждающих мельчайших частичек, а разумный организм, столетия

весьма успешно сосуществующий рядом с человеком. Нечто вроде огромного муравейника, где по отдельности каждый муравей мало что может, но собравшись вместе и действуя слаженно, представляют большую силу. Возьмём песчаные бури к примеру. Они способны уносить целые дома. А густой смог? Он способен парализовать целый крупный город. Бытует мнение, что в конечном итоге, пыль победит людей и захватит всю землю, но пока, она ведёт себя мирно и тихонько лежит себе на книжных полках, дожидаясь своего часа. Говорят, древние египтяне были мастерами приручения пыли и использовали своё умение повелевать ею, чтобы строить пирамиды и покорять соседние царства. Как раз одну из таких историй я и хотел поведать вам.

Папа с сожалением посмотрел в свою пустую чашку, отставил её в сторону и начал свою историю.

– Люди давно подметили удивительную способность пыли проникать всюду, куда бы она только не захотела попасть, но только в древнем Египте, всерьёз задумались над возможностью повелевать ею и использовать её поразительные возможности при строительстве и завоеваниях. Долгие годы величайшие египетские учёные и мудрецы бились над разгадкой силы пыли, пытаясь овладеть тайной её могущества, но всё было тщетно. Пыль точно издевалась над ними, покрывая их седые головы и страницы папирусов. Самые великие маги того времени трижды объединяли свои усилия, чтобы покорить непослушную субстанцию, но пыльные бури заню-

сили их караваны и засыпали им рот песком. Пыль варили, сушили, жарили, толкли и даже секли её кнутом, но и это не помогало. Казалось, что так будет всегда и никому в целом мире не удастся справиться с этой задачей, пока один сообразительный фараон, не пошёл на хитрость. Он объявил во всеуслышание, что схватка с пылью проиграна, и он покоряется ей, ибо нет на свете ничего более сильного и непреодолимого чем она. В подтверждение своих слов, он велел рабам построить огромный храм, в котором пыль запрещалось убирать, а тот, кто делал это, живьём закапывался в горячий песок пустыни. Конечно же, все были крайне удивлены таким решением, но не смели перечить словам фараона и очень скоро прекрасный храм с белоснежными колоннами был вырублен в скале и украшен золотом внутри и снаружи. Во всех помещениях храма было сделано огромное количество полочек и уступов, покрытых лучшим шёлком и бархатом, общим числом не менее 68536 штук, на которых пыль могла бы спокойно копиться и лежать никем не потревоженная. Все двери и окна в храме были открыты день и ночь, как бы приглашая пыль в гости, и сам фараон целыми днями бродил по комнатам в мягкой обуви, проверяя удобно ли пыли пылиться, и не смахивает ли её какой-нибудь нерадивый раб.

Пыль с радостью приняла приглашение фараона и с первого же дня поселилась в новом храме, полюбив его больше всех остальных, за те удобства и покой, что предостав-

лял ей древний властитель. Очень скоро, пыль покрыла все полки и уступы, стены и потолки, пол и светильники и храм утратил свой блеск и красоту, но фараон не позволял сдуть ни малейшей пылинки и неустанно повторял, что пыль самая сильная и непреодолимая сила на земле и бороться с ней бесполезно. Пыль охотно слушала льстивые слова фараона и продолжала процветать, засыпая всё вокруг. Подражаю своему властителю, многие люди в его царстве также прекратили убирать пыль, и всё вокруг стало серым и тоскливым.

Так продолжалось более 10 лет, за которые храм настолько занесло песком, что в него было трудно попасть и великому фараону приходилось в буквальном смысле кланяться пыли, чтобы попасть в её святилище. Приближённые фараона давно смирились, решив, что фараон сошёл с ума, но это было не так... Фараон был мудрее всех мудрецов, что окружали его, и терпеливее самого песка, у которого в запасе была целая вечность. Все эти годы, бесшумно обходя огромный пыльный храм, он внимательно прислушивался к тому, о чём шепчется пыль. Да, да, вы не ослышались, – он каждый день и час прислушивался к тому тихому шёпоту, что издавала лежавшая вокруг него пыль, потому что давно понял, – пыль, это живое существо. Когда пыли мало, её голос почти не слышен, но когда её набирается достаточное количество, чуткое ухо может уловить её шёпот и выведать все тайны. Фараон догадывался, что у пыли есть секреты и собирался выведать их.

Нам не одолеть пыль, потому что мы постоянно боремся с ней и гоняем с места на место, – решил он. – Я дам пыли возможность спокойно отдохнуть и расслабиться. Я скажу ей, что она победила, и сам лично буду прислуживать ей и однажды, она проговорится... Пусть на это уйдут годы – тайна пыли стоит того. Овладев ею, я стану величайшим фараоном и сделаю Египет несокрушимой империей, которой будут поклоняться все народы мира...»

Фараон строго следовал своему плану и за годы хождений развил настолько чуткий слух, что мог слышать, как крохотный скорпион бежит по песку в сотне метров от храма, или как переговариваются рыбы в Ниле, или как стонут от жары камни на раскалённом солнце. Он уже слышал голос пыли, но та всё время болтала о пустяках, вроде того, как ей удобно лежать на 68536 полочек и уступов, и как хорошо, что ветер не сдувает её вниз. От таких разговоров действительно можно было сойти с ума и, иногда, фараону казалось, что это с ним происходит, но он был очень настойчив и однажды, под вечер, пыль проговорила...

Никто не знает, что именно услышал фараон, но достоверно известно, что с этого дня Египет стал совершенно другой страной. Одним щелчком пальцев фараон приказал пыли убираться из храма и тот полыхнул золотом в лучах закатного солнца, и все пали ниц перед своим повелителем, поверив, что он и вправду посланник бога.

Фараону потребовалось ещё несколько месяцев, чтобы

окончательно овладеть искусством управления пылью, а когда он научился не только изгонять пыль, но и направлять её в нужное место, он велел созвать свою армию и объявил о Великом походе. Надо сказать, что в тот момент армия фараона была не самой сильной и многочисленной, и когда он направился на Восток, вдоль течения Нила, никто из его соседей не встревожился. Их армии ничуть не уступали его войску ни числом колесниц, ни количеством лучников, ни силой конницы. К тому же, они были у себя дома, а потому, спокойно ждали его приближения, рассчитывая одержать лёгкую победу. Слухи о безумии фараона запершегося в пыльном храме давно будоражили умы и теперь, все видели в его наступлении счастливый шанс, для расширения собственных владений. Однако, всё сложилось иначе...

Когда две армии выстроились друг против друга, противники фараона, видя, что их силы значительно превосходят египтян, бросили в атаку свои колесницы и тяжёлую конницу. От топота закованных в броню лошадей задрожала земля и в рядах войск фараона началось замешательство. Кое-то даже пытался бежать, но в этот момент, словно гром среди ясного неба, началась ужасающей силы песчаная буря, которая, по странному стечению обстоятельств, обрушилась на противника, ослепив лошадей и смешав их ряды. Пользуясь суматохой и неразберихой, фараон повел свои войска вперёд и одержал блистательную победу, наголову разгромив соседей и покрыв себя славой. Эта победа позволила объединить

царства Верхнего и Нижнего Нила, и стало началом возникновения огромной империи, равной которой не было во всём мире.

Пользуясь силой пыли, и передавая этот секрет по наследству от фараона к фараону, египтяне покорили многие народы и создали удивительные строения – Пирамиды. Они не поднимали многотонные камни, при помощи рычагов, как думают многие, нет. Они поднимали пыльную бурю, которая создавала песчаную гору и по этой горе, строители, подложив под камни деревянные валики, закатывали исполинские глыбы и ставили их на нужное место. Чем выше становилась пирамида, тем большую гору образовывала пыль, так что рабочим оставалось лишь подкатить нужный камень в нужное место. Так были построены невероятные сооружения, которые даже сейчас, в век небоскрёбов, поражают людей своим величием и мощью. Фараоны, обладавшие секретом пыли, почитались народом наравне с богами, и их власть действительно была поразительной. Империя росла и богатела, и вместе с ней росли новые пирамиды, становясь всё более и более высокими и величественными. Ничто и никто не мог сопротивляться силе пыли и тому, кто умел повелевать ею и, казалось, что так будет длиться вечно, но... После столетий побед и триумфа, случилось то, что всегда случается с теми, кто ослеплён своей властью и величием. Новый фараон, одержав очередную громкую победу над большим и богатым городом, чьи стены не могла одолеть любая армия ми-

ра, но которые были бессильны против пыли, уверовал, что он бог и ему не нужен никакой секрет. Умирая, он не передал его своему наследнику, будучи абсолютно уверенный, что после смерти он снова возродится, и будет продолжать править своей страной. Никто из его свиты не посмел перечить ему, поскольку все, кто не верил, что фараон бог, давно были изгнаны и его окружали только льстецы и неучи. Тело фараона облачили в роскошные одежды и отнесли в пирамиду, и стали ждать чуда, но его, как вы можете догадаться, не произошло. Фараон был обычным человеком и, ослеплённый собственной гордыней, он унёс секрет пыли с собой, в царство теней, откуда нет возврата, и когда люди поняли это, они отказывались верить, что их могуществу пришёл конец. Новый фараон вновь собрал армию и двинулся на Север, к богатым землям, рассчитывая на былую славу империи, но проиграл. Его войска попросту разучились сражаться. Все ждали, что буря поглотит вражеских солдат, едва те появляться на горизонте, а когда этого не случилось, армия пустилась в бегство и была уничтожена. Весть об этом поражении настолько ошеломила народ, что тех, кто принёс эту новость, объявили предателями и немедленно казнили. Никто не верил, что огромная империя разрушается, но дурные вести поступали со всех сторон. То одна, то другая страна, которую некогда покорил Египет, отказывалась повиноваться и прекращала платить дань золотом, шелками и пряностями. Караваны верблюдов более не спешили в Египет несконча-

емым потоком, и только пыль, помнившая все свои обиды, неслась к пирамидам со всей пустыни и вскоре, невероятные сооружения исчезли с людских глаз и были погребены под слоем песка на долгие столетия. Так пыль отомстила фараону, за то, что он, когда то давно, выведал её тайну и заставлял делать всё что пожелает. Древний Египет потерял свою силу и власть. На какое-то время люди даже забыли, что пирамиды существовали, воспринимая рассказы о них как сказку. Только счастливый случай помог им вновь найти утраченные сокровища и очистить их песка, но уже без магии, а своим трудом. Отныне каждый может увидеть эти чудеса света и поразиться былой мощи одной из древнейших цивилизаций, главным секретом которой была обычная пыль.

С тех пор пыль и человек стали недолюбливать друг друга ещё больше. Пыль стала осторожнее в своих разговорах и больше не выбалтывает своих тайн, а человек придумывает всё новые и новые средства, чтобы не допустить её в дом. Изобретение пылесоса, как будто бы, не оставило пыли ни малейших шансов, но, даже самым лучшим оружием должен кто-то управлять и, покуда на земле остаются лодыри и бездельники, человечеству никогда не победить в этой схватке. Пыль снова и снова наносит свои удары, мечтая превратить всю землю в подобие того древнего храма, где все бы ей поклонялись и «сдували с неё пылинки», а человек, снова и снова отражает их, отважно орудуя мокрой тряпкой и пылесосом.

– А нельзя опять как-то узнать секрет пыли? – спросил Серёжа.

– Учёные пылологи уже бьются над этой задачей, – улыбнулся папа, – но, повторяюсь, пыль стала осторожней. Она больше не верит в человеческие обещания и всегда готова «пустить пыль в глаза» учёным и всем тем, кто хочет вновь овладеть её тайной. Быть может однажды, люди снова разгадают эту загадку, но лично я считаю, что в этом нет нужды. Я почему-то уверен, что люди вновь начнут использовать секрет не по назначению и у всех будут большие проблемы. Нет, друзья мои, пусть лучше всё остаётся так как есть. Чтобы убраться в доме, нужно совсем немного времени, зато потом, ты совершенно свободен и никакой фараон не посмеет повелевать тобой, говоря, что он бог.

Муравьи

Варя, Серёжа и Степашка сидели на газоне под сосной и что-то увлечённо разглядывали в траве. Там, среди густых зелёных джунглей, разворачивалась нешуточная схватка между рыжими и чёрными муравьями, не поделившими гусеницу. Сражение было настолько захватывающим и драматическим, что нервы маленького скотч-терьера временами не выдерживали, и он пытался принять участие в битве, но Варя удерживала его за ошейник, и Стёпа снова садился, тихо поскуливая от волнения. Наконец, черные муравьи бро-

сили свою добычу и отступили. Рыжие гиганты подхватили гусеницу и потащили её к сосне. Степашка некоторое время преследовал их, но когда один из муравьев укусил его за нос, он обиженно чихнул и убежал рыть яму за баней. «Подумаешь... – размышлял он, выискивая подходящее место. – Если бы я только захотел, я бы им показал, но я добрый пёс и не обижаю маленьких, даже таких рыжих и нахальных...»

Степа принялся сосредоточенно разбрасывать землю, а ребята побежали искать папу, чтобы спросить его, почему рыжие и черные муравьи так не любят друг друга. Они нашли папу в сарае. Он бодро пилил что-то, напоминающее резной куб, размером с небольшую обувную коробку. Его волосы и стёкла очков покрывала густая древесная пыль.

– Папочка, – начала Варя, с любопытством разглядывая заготовку, над которой трудился папа, – а что ты такое делаешь?

– Изготавливаю сигнальный фонарь, – ответил папа, силясь что-нибудь разглядеть сквозь припорошённые мелкой стружкой очки.

– И кому он будет подавать сигналы, – поинтересовался Серёжа.

– Всём, – сказал папа. – Все кому нужен сигнал, будут его получать. Я собираюсь повесить его на сосне и зажигать в тёмные ненастные ночи.

– Ой, это будет как новогодняя ёлочка, – обрадовалась девочка.

– Скорее как маяк, – улыбнулся папа.

– Но кому нужен этот сигнал, – не понимал Серёжа.

– Я не знаю, – признался папа. – Может он поможет птицам, что сбились с пути, , может, летучим мышам, так как он привлечёт насекомых, а может и инопланетянам, на случай если они захотят совершить аварийную посадку. Сами посудите, как всем будет обидно, если бедные инопланетяне терпящие бедствие, упадут в болото. После такого приёма, они чего доброго решат, что мы неразумная раса и с нами нечего иметь дело. А теперь представьте, что вместо крошечной тьмы, они вдруг увидят яркий сигнальный фонарь на верхушке большого дерева, а под ним, уютную лужайку со стриженным газоном и аккуратными клумбами. Они спокойно сядут, мы познакомимся, мы согреем самовар и выпьем чаю с баранками и сливовым вареньем. Это будет чудесно и тогда уже никто во всей вселенной не скажет про нас, что мы вечно думаем только о себе...

Разболтавшись, папа увлёкся и незаметно для себя лихо распилил свой фонарь надвое.

– Упс... – сказал он, задумчиво разглядывая две половинки своей работы. – Кажется, этой ночью инопланетянам лучше не залетать к нам в гости... Впрочем...

Папа рассмеялся и отбросил остатки фонаря на верстак.

– В любом случае он мне не очень нравился, – заявил он, протирая очки. – Он вышел слишком маленьким. Я сделаю новый, в два раза больше. Нет, в три! Нет! Я, пожалуй, сде-

лаю сразу несколько больших фонарей по всем углам участка! А ещё...

– Смотри, как бы сосна не рухнула от твоих фонарей, – раздался мамин голос. – Я вам кричу-кричу, что обед готов, а вы не идёте... Что у вас тут, опять какой-то заговор, а?..

Папа напустил на себя таинственный вид и важно заметил.

– Это очень серьёзная тайна, таинственная незнакомка и мы не вправе тебя в неё посвятить... Даже и не проси...

– Даже если таинственная незнакомка предложит взамен вашу любимую творожную запеканку? – хитро прищурилась мама.

– Запеканка, – воскликнул папа, молниеносно водружая очки на нос. – Что же ты раньше не сказал?! Тому, кто владеет секретом творожной запеканки, открыты все тайные знания...

Перебрасываясь шуточками, они прошли на кухню и отдали должное хорошему обеду, а после, устроились на веранде.

– Пап, – вспомнил Серёжа. – А почему черные и рыжие муравьи постоянно сорятся?

– Из-за реки, – деловито ответил папа. – Это все знают.

– Какой реки, – удивилась Варя. – Нашей, что течёт за участками?

– Нет, – усмехнулся папа. – Той реки давно уже нет, но память о ней всё ещё жива в сердцах муравьёв и поэтому они вечно сорятся.

– А что случилось на той реке? – спросил Серёжа.

– Небольшое недоразумение, которое стоило жизни многим муравьям с той поры, – сказал папа. – Хотите послушать, как всё это началось?

– Конечно!

– Что ж, – начал папа. – Эта история началась в те далёкие времена, когда земля ещё сотрясалась от тяжёлых шагов исполинских динозавров, и на свете существовал всего два суперконтинента Лавразия и Гондвана, разделённые океаном Тетис. Наш мир был юн и прекрасен, хотя современному человеку он вряд ли бы показался уютным и безопасным местом.

На территории Лавразии, которая впоследствии разделилась на Евразию и Северную Америку, протекала большая река и на одном из её бесчисленных притоков, совсем небольшом, не шире нашей канавы, жила колония ос. Да, да, друзья мои, ос, потому что именно осы являются прародителями муравьёв. Так получилось, что на этой плодородной земле, осам не нужны были крылья. Им было гораздо удобнее рыть норы в земле и добывать пищу, бегая по ней, чем летать. К тому же, в норах крылья вечно пачкались, и их потом приходило долго чистить, так что спустя какое-то время, крылья у этих насекомых отвалились. Они появлялись потом только у некоторых особей, которые улетали чтобы образовать новые муравейники, потому что с той поры, осы прекратили быть осами и стали всё больше и больше походить

на своевременных муравьёв. Жизнь без крыльев оказалась весьма удобной, в особенности после того, как осы разделили обязанности и одни занимались охраной, другие строительством, а третьи нянчили малышей и ухаживали за их королевой. Колония, к слову говоря расположенная, на правом берегу ручья, быстро росла и процветала, становясь всё больше и больше, и в прекрасный один день, часть её жителей, перебралась по упавшему во время бури дереву на другой берег и стали строить новый город. Поначалу, всё шло хорошо. Никому и в голову не могло прийти, что существует два города, а не один большой. Колонии соединялись мостом из дерева и жили одной жизнью, с общим распорядком и едиными правилами. Конечно, между собой, они говорили «те, с левого берега» или «они, с правого», но в этих словах не было никакого скрытого смысла, кроме обозначения местоположения. Все муравьи жили одной дружной семьёй и не давали друг друга в обиду. Когда на левый берег напали бродячие осы, муравьи с правого берега немедленно поспешили на помощь своим братьям, в то время как во время наводнения, когда правый берег затопило, левобережные муравьи спасали тонущих и кормили их, и обходились с ними как с родными. Так длилось долго, но в какой-то момент, дерево, соединяющее два берега, окончательно сгнило и рухнуло в воду. Некоторое время муравьи ещё могли перебираться с берега на берег по обломкам, но во время паводка остатки ствола унесло потоком воды и колонии оказались разде-

лены. Большой опасности в этом не было, так как каждая колония к тому времени была огромной и могла спокойно существовать отдельно друг от друга, но муравьи привыкли быть вместе и обе стороны были потрясены случившимся. Они могли видеть друг друга, а в тихую погоду даже переговариваться, но встретиться и по-братски обняться у них уже не получалось. Конечно, существовал ещё один путь – в ста метрах ниже по течению существовал ещё один мост-дерево, но каждый раз ходить так далеко было затруднительно и небезопасно. В лучшем случае, муравьи-разведчики могли обмениваться информацией о том, что творится на их берегу и передавать приветы, а раз в год, большие группы родственников ходили в гости и вспоминали былые времена. Словом, так или иначе, но колонии зажили совершенно отдельной и самостоятельной жизнью и довольно скоро, связи между ними ослабли, а следом, пришла надменность. Кстати, я совсем забыл упомянуть, что правый берег ручья, который, конечно же, казался муравьям огромной рекой, вроде Нила, Амазонки или Волги, был глинистым, и глина эта имела красно-рыжий оттенок. Муравью живущие на правом берегу вечно пачкались в ней и были красноватого оттенка, хотя отмывшись, были такими же чёрными, как и их собратья на левом берегу. Покуда колонии были единой семьёй, и муравьи ежедневно бегали с берега на берег по своим муравьиным делам, они все имели одинаковый рыже-бурый окрас и не обращали на него внимания. Теперь же, левобережные

муравьи, у которых не было глины, стали абсолютно чёрными и с удивлением взирали на своих рыжих собратьев. Уже мало кто помнил те времена, когда они жили вместе и, само собой разумеется, на левом берегу очень скоро нашлись отдельные особи, которые заявили, что существует два вида муравьёв – черные и рыжие, и эти виды совершенно различны. Было много споров и домыслов, и даже потасовок между муравьями учёными, но факт оставался фактом, любой чёрный муравей мог забраться на травинку и, взглянув на противоположный берег сквозь капельку росы, которая использовалась ими в качестве телескопа, видел, что муравьи соседи абсолютно рыжие, хотя и очень похожи.

Схожая ситуация происходила и на другом берегу. Там, видя что соседние муравьи отличаются от них цветом, тоже решили, что это другой вид муравьёв и даже вывели специальную теорию, исходя из которой, именно рыжие муравьи являются истинными потомками ос, которые когда-то давно организовали тут свою первую колонию. В доказательство своей правоты, они приводили тот факт, что осы имеют жёлтые полосы, которые похожи на рыжий цвет. Забавно, но на другом берегу тоже вспомнили про ос-основателей, и также заявили, что именно они, чёрные муравьи являются потомками ос, так как у ос существуют чёрные полосы... И тем и другим муравьям очень нравилось чувствовать себя особенными и теперь, при каждом удобном случае, они отзывались о своих бывших братьях весьма презрительно называя

их в зависимости от стороны берега либо «рыжими клопами», либо «чёрными тараканами».

Подобные настроения быстро распространялись в обоих муравьиных сообществах, пока однажды, у Старого моста, между ними не произошёл настоящий пограничный конфликт. Толстая гусеница лениво переползала ручей через дерево и как раз достигла середины, когда с обоих берегов к ней подбежали рыжие и чёрные муравьи и, вцепившись в бедняжку с обеих сторон, не начали тащить каждый в свою сторону. Силы были примерно равны, и ничья сторона никак не могла взять верх. В конце концов, гусеница свалилась в воду и досталась рыбам, а разгневанные муравьи стали обвинять друг друга в том, что произошло.

– Рыжие недотёпы, – кричали одни. – Это из-за вас мы потеряли такую замечательную гусеницу! От вас одни беды!

– – Чёрные лентяи, – орали другие. – Если бы вы не путались у нас под ногами, мы бы живо с ней разделались! С вами каши не сварить!

Они даже немного помутузили друг друга и разбрелись по своим колониям, где всё рассказали на свой лад, приукрасив свои подвиги, и во всём обвиним противников. Обе колонии были ужасно возмущены и немедленно решили провести на старом мосту границу, чтобы чужаки не бегали по их берегу и не воровали их гусениц.

Так они и поступили, и эта граница, как вы можете догадаться, окончательно испортила их отношения. Никто боль-

ше не слушал робкие голоса некоторых муравьёв, которые говорили, что, в сущности, они совершенно одинаковы, и когда-то давно были одной дружной семьёй, которая случайно была разлучена Великим потопом. Некоторые даже предлагали построить новый мост и вновь объединиться, чтобы стать самой большой и сильной колонией в мире, но над их словами смеялись.

– Что? – кричали и те и другие. – Чтобы мы, *настоящие* потомки Великих ос объединились с этими лодырями и прохвостами? Никогда!

Назревала большая война, которая разразилась во время сильной грозы, когда вода в ручье вновь поднялась и притащила с собой несколько сучьев, которые на некоторое время соединили оба берега как раз напротив колоний. Едва дождь стих, но молния ещё сверкала в небе, первые рыжие муравьи отправились на разведку и столкнулись с чёрными, которые тоже желали разведать обстановку. Слеплённые вспышками и давно сдерживаемой яростью, они набросились друг на друга, и завязалась первая, братоубийственная битва между черными и рыжими муравьями. С обеих сторон прибывали всё новые и новые силы, и скоро всё вокруг кишело разозлёнными насекомыми, свирепо атакующими тех, кто как-то отличался от них.

Сражение длилось целые сутки и, в конце концов, рыжие муравьи взяли верх, так как они, по большей части жили охотой, а чёрные муравьи растили в своих норах крохотные гри-

бы и собирали зёрна, и только изредка ловили жуков и гусениц.

К счастью, на второй день, ветхий мост рухнул обратно в воду, чем спас чёрных муравьёв от полного истребления. После такого ужасного побоища ни у кого уже больше не оставалось сомнений, что чёрные и рыжие муравьи не братья, поэтому, черные муравьи решили уйти и создать новую колонию, подальше от воды и коварных «рыжих бандитов». Они разослали во все стороны своих разведчиков и те вскоре нашли отличное место на опушке леса, где было сухо, спокойно и полно семян. Чёрные муравьи построились в большую колонну и двинулись в путь, неся с собой яйца с детёнышами и грибницу, что создать новые огороды в своих норах. Памятуя скорбный опыт войны с рыжими муравьями, на новом месте они вырыли глубокие и запутанные норы, чтобы, если возникнет необходимость, защищать их от захватчиков. Они развели новые огороды, собрали запасы семян и зажили своей жизнью, строго охраняя свои границы, никого не подпуская к своим владениям.

Глядя на исход «чёрных трусов», рыжие муравьи праздновали победу, но когда они подсчитали своих погибших, то поняли, что война того не стоит. Почти четверть колонии пала в тот день, и рыжие муравьи также решили уйти в другое, более безопасное место. Они тоже послали разведчиков и, через неделю после ухода их чёрных собратьев, сами переехали в соседний сосновый лес. Там они построили боль-

шие муравейники и стали жить охотой, не менее строго охраняя свою территорию от любого посягательства.

Обе колонии росли и давали всё новые и новые поселения, постепенно распространяясь по всей земле, и всё более и более отличаясь друг от друга, и по-прежнему считая себя лучше других муравьёв. Именно поэтому, когда рыжий муравей встречает чёрного, они редко расходятся мирно, даже если им обоим хватает места. Они будто вновь вспоминают ту роковую грозу и ужасную схватку на раскачивающемся над водой мосту, и оба бросаются в бой, не желая видеть, насколько они похожи. Вот такая история!

– И они никогда не помирятся? – печально спросила Варя.

– Ну, – задумчиво почесал нос папа, – есть одна гипотеза, которая говорит, что такая возможность существует, хотя это будет ещё очень не скоро. Дело в том, что в далёком-далёком будущем, все материки на нашей планете вновь соберутся в один континент, который уже получил имя Пангея Ультима. Тогда всё живое будет вновь жить в едином мире и учёные не исключают, что в этот момент муравьи очнутся и вспомнят что они единая раса, которая может отлично сосуществовать мирно.

– А кошки с собаками тогда тоже помирятся, да? – спросил Серёжа.

– Этот вопрос тебе лучше адресовать Степашке, – засмеялся папа. – За пару сосисок, он поведаст тебе любые секреты!

Великий лавочник

– Ну что, кажется, всё готово? – пробормотал папа, оглядывая проделанную работу. – Как вы считаете, нормально?

Варя с важным видом обошла вокруг новой скамейки и кивнула:

– Кажется да...

– Порядок, – поддержал сестру Серёжа. – Только вот...

– Что такое? – беспокойно подпрыгнул папа. – Что-то криво? Где? Что?

– Да нет, – засмеялась Варя, – просто ты все брюки в краске перепачкал.

– Опять тебе от мамы влетит, – сказал Серёжа. – А ещё, ты оставил кисточку без присмотра и Степашка её стащил и тоже весь перемазался...

– Но вы же меня не выдадите? – спросил папа.

– Нет, – покачали головами ребята, – но уже поздно... Вон мама идёт.

Папа быстро огляделся и проворно нырнул за поленницу дров, доходившую ему до пояса, скрывая тем самым грязные брюки.

– Ну, как тут у вас дела? – спросила мама. – Закончили?

– Принимай работу, – приветствовал её папа, делая вид, что перекладывает дрова. – Только пока не садись, краска ещё не высохла.

– Чудесная лавочка, – сказала мама. – Вы молодцы. А что случилось со Стёпой? Он весь в краске...

– Э-э-э... – потёр нос папа. – Несчастный случай...

– Ну да, конечно, – кивнула мама. – Как я сразу не догадалась. Хорошо ещё, что вы догадались покрасить его в цвет скамейки, а то пришлось бы перекрашивать...

– Ну хорошо, хорошо... – опустил голову папа. – Признаю, это моя вина. Я отложил кисть всего на одну секунду, а он выскочил из кустов, схватил её и убежал. Где он кстати?

– Вон, из-за бани выглядывает, – усмехнулась мама, указывая на маленького чёрного скотч-терьера, чьи борода, брови и передние лапы были насыщенного оранжевого цвета.

Видя, что ругать его не будут, Стёпа подбежал к маме и завилял оранжево-чёрным хвостом.

– Ну как его теперь отмыть? – всплеснула руками мама. – Это просто наказание какое-то!

– А что, мне нравится, – сказал папа. – Немного подкрасить левую бровь, для симметрии, провести полосы по бокам и получится настоящий шотландский бородатый тигр. Мы прославимся!

– Скажи лучше, что это будет керосин-терьер, после того, как я его отчищу, – ответила мама. – Такого не каждый захочет завести...

– Ничего, – успокоил её папа. – Мы его потом шампунем вымоем, и будет как новенький!

При слове «вымоем», Стёпа сразу куда-то заторопился и исчез среди кустов смородины.

«И чего им вечно не терпеться меня вымыть? – размышлял он, разглядывая хозяев с безопасного расстояния. – Мало того что сами вечно моются, так ещё и меня заставляют. Безобразие... Нет бы, лучше поваляться со мной в грязи. Эх, люди, люди, вечно с ними какие-то хлопоты...»

Стёпа горестно вздохнул, тщательно вытер свою оранжевую бороду о землю, фыркнул и улёгся спать.

– А почему у неё шесть ножек? – поинтересовалась мама, внимательно рассмотрев лавочку. – Это какая-то новая мода?..

– Всё новое, это хорошо забытое старое, – торжественно провозгласил папа. – Такие лавочки делали ещё в Средние века, после того как Иржи Тесаж, известный также как Великий лавочник, ввёл на них моду, после того, как вернулся из царства великанов. Преинтересная история, скажу я вам. И главное, совершенно правдивая...

Папа в тридцатый раз переложил несколько поленьев и умолк, задумчиво разглядывая ветви сосны.

– Может, ты уже перестанешь прятать свои грязные штаны за дровами, выйдешь к нам и расскажешь свою «совершенно правдивую» историю?.. – сказала мама.

Папа смущённо вышел из-за своего укрытия.

– Понимаешь, я немного увлёкся... – начал оправдываться он.

– Молчи уже, – махнула на него рукой мама. – Страшно даже представить, что будет, когда придёт время красить баню.

– Я подготовлюсь, – приободрился папа. – Я надену всё самое ненужное!

– Да ты даже в скафандре ухитришься перепачкать руки и волосы, – ответила мама. – Ну, рассказывай нам про своего Великого лавочника, и пойдём обедать.

– Охотно, – обрадовался папа. – Как вы уже, наверное, поняли, Иржи был столяром и с юности мастерил людям различную мебель. Он делал столы, стулья, шкафы и буфеты, но подлинной его страстью всегда оставались лавочки. Он вкладывал в них всю свою душу и готов был работать над ними совершенно бесплатно, что, само собой разумеется, не очень-то радовало его жену, Квету. Завидев его любовно выстругивающим доски для новой лавочки, которые мало кто покупал, она неизменно расстраивалась и кричала на него:

– Да что же это за наказание! У всех мужья как мужья, делают столы и стулья, которые всем нужны, а мой, только и думает, как возиться со своими лавочками, провалились они все на этом месте!

Надо сказать, что в те времена лавочки действительно редко встречались на городских улицах, так как у людей было слишком мало свободного времени, чтобы празднично сидеть на одном месте. Лавочки были уделом богачей и украшали обширные парки и тенистые сады, разбитые вокруг их зам-

ков. Только один мастер на всю округу делал такие заказы, а Иржи был обычным столяром, и, несмотря на то, что его лавочки могли бы сделать честь самой королевской резиденции, богачи не спешили к нему, так как его мастерская находилась на маленькой узкой улочке за овощным рынком, где селилась одна беднота.

– Ну что ты молчишь?! – продолжала шуметь Квета. – Ты что, оглох? Прекрати немедленно и займись делом! Мясник не будет ждать свой стол!

– Я закончил его стол ещё вчера, – с улыбкой отвечал Иржи, давно привыкший к нападкам жены.

– А стулья для бакалейщика? – не унималась Квета. – Ты починил их?

– Закончил утром, – мурлыкал в ответ Иржи, проводя ладонью по тёплому гладкому дереву. – И дверцу в шкафу зеленщика я тоже поправил, если тебе интересно...

– Тогда почему бы тебе не заняться новым гарнитуром, который наверняка кто-нибудь бы охотно купил? – не сдавалась жена. – Почему ты вечно делаешь эти свои дурацкие лавочки?! Они же никому не нужны!

– Потому что я люблю их делать, – отзывался Иржи. – И потому, что они у меня лучше всего получаются...

– О, горе мне горе! – воздевала руки к небу Квета. – Лучше бы я вышла замуж за кузнеца!

После чего уходила готовить обед, оглушительно хлопнув дверью.

Иржи вновь улыбался и продолжал свою работу, ибо ничто не могло опечалить его, когда он трудился над новой лавочкой.

Как-то раз, в мае, Иржи собрался навестить своих родственников, живущих в другом городе. Поссорившись на дороге с женой, он сел в свою маленькую тележку, на которой развозил свой товар, причмокнул губами, и его старая лошадка сама побрела нужной дорогой, низко понутив голову и останавливаясь, время от времени, чтобы пощипать травку. Иржи не торопил её, так как знал, что эта поездка единственное время, когда он может побыть один и немного помечтать. Обычно дорога занимала несколько дней, но в этот раз, то ли лошадка шла медленнее обычного, то ли она сбилась с пути, по причине плохого зрения, но в какой-то момент, Иржи вдруг понял, что давно должен был бы быть на месте, а кругом по-прежнему был один только лес, и конца и краю ему не было видно.

«Что ж, – рассудил Иржи, – лишние пару дней отдыха мне не повредят. В конце концов, эта дорога куда-нибудь меня да выведет, а там посмотрим...»

Он устроился поудобнее и продолжил свой неспешный путь и через три дня, выехал на поле, на котором возвышался огромный замок, выше всех, что Иржи когда-либо видел.

– Вот это да, – присвистнул от удивления Иржи. – Не иначе это замок какого-то великана. Пойду ка спрошу у него дорогу, и чего-нибудь поесть...

Иржи бесстрашно направил свою повозку к замку и спокойно въехал в распахнутые ворота.

– Прошу прощения за беспокойство, – крикнул он, видя, что кругом никого нет. – Кажется, я немного заблудился... Вы не подскажете мне дорогу? А если вы меня ещё и немного накормите и нальёте кружку пива, то я с удовольствием почию ваши стулья, столы или лавочки...

– Лавочки?! – послышался громоподобный бас, от которого задрожали стены. – Кто это тут осмеливается произносить это слово?!

Большая дверь в башне распахнулась, и на её пороге показался пятиметровый великан, гневно озирающийся по сторонам. Увидев Иржи, он зловеще улыбнулся и стал засучивать рукава:

– Вот ты и попался, мошенник, – закричал он. – Сейчас ты у меня попляшешь!

Но Иржи, привыкший к крикам своей жены, и бровью не повёл.

– Простите, любезный великан, но вы определённо меня с кем-то путаете, – сказал он. – Я Иржи Тесаж, столяр из Тршебича, еду к своим родным...

– Так ты признаёшься, что ты столяр, – радостно воскликнул великан, хватая Иржи за шиворот и поднимая в воздух. – Смелчак! Но тебя это всё равно не спасёт. Я тебя повешу.

– Ну ладно... – ответил Иржи, пожимая плечами. – Но нельзя ли мне всё же сначала узнать, что я такого натворил?

– Ну ты и нахал, – восхищённо пробасил великан, вертя Иржи точно рождественскую игрушку. – Даже жалко тебя вешать, да делать нечего, уж больно я не люблю столяров.

– И чем же они вам так не угодили? – спросил Иржи. – По-моему они все очень милые люди.

– Милые? – захохотал великан. – Да ты посмотри, что они натворили!

Великан сунул Иржи подмышку и отнёс в свой парк.

– Вот, полюбуйся, – сказал он, опуская Иржи на песчаную дорожку. – Видишь?

Иржи огляделся и увидел что вдоль длинной широкой аллеи, обрамлённой чудесным садом, стоит несколько дюжин лавок, самых различных форм и окрасов, и все они, без исключения, сломаны.

– Теперь ты понимаешь, за что я вас так ненавижу? – прорычал великан. – Я двадцать с лишним лет прошу вас сделать мне хотя бы одну единственную малюсенькую лавочку в свой парк, плачу вам большие деньги, кормлю вас как королей и пою своим самым лучшим лимонадом, а что получаю взамен? Брак! Все ваши лавочки, как только я сажусь на них, ломаются! Всё до единой! Это преступление!

– Да, – покачал головой Иржи. – Так жить нельзя.

– Вот и я о том же, – буркнул великан. – Последний столяр сумел от меня убежать, притворившись овцой, так что мне придётся повесить вместо него тебя. Извини...

– Да ничего страшного, – ответил Иржи, – но можно я

сперва тоже попробую сделать вам лавочку?..

– Ты? – с сомнением покосился на него великан. – А ты умеешь?

– Умею, – ответил Иржи. – И в этот раз вы ничем не рискуете. Денег я не прошу, ем мало, да и бежать мне особо некуда: дома жена...

– Сочувствую, – сказал великан. – Я и сам был женат. Трижды. Ладно, даю тебе неделю. Но смотри, старайся на совесть!

– Само собой, разумеется, – ответил Иржи и принялся за работу.

Первым делом, он осмотрел все сломанные лавочки, чтобы понять, в чём была ошибка его предшественников, и понял, что четырёх ножек для такого гиганта было явно недостаточно, а потому решил сделать лавочку с шестью ножками. Ему давно хотелось сделать по-настоящему необычную лавочку, и теперь его час пробил. Он трудился четверо суток, почти ничего не ел и спал ночами не более двух часов, но когда великан увидел его лавочку, он едва не захлопал в ладоши от восторга.

– Она чудесная, просто чудесная! – говорил он, бегая вокруг. – Мне даже жаль на неё садиться. Пожалуй, я лучше отнесу её в гостиную и буду ей любоваться. Изумительно!

Но тут возмутился Иржи:

– Что такое, – закричал он на великана. – У нас был договор! Садись немедленно или я её распилю!

Оробевший от неожиданности великан осторожно присел на краешек лавочки и зажмурился, готовясь упасть, но ничего не произошло. Он немного поёрзал, потом сел нормально, затем откинулся на спинку и наконец, слегка подпрыгнул – лавочка не скрипнула.

– Ура, – закричал великан. – Наконец-то у меня есть лавочка! Какое счастье!

– Вам точно понравилось? – уточнил Иржи. – Просто я хотел бы сделать ещё несколько штук и должен быть уверен, что вы довольны.

– Доволен?! – прорычал великан. – Да я в восторге! Сделай мне ещё десяток таких лавочек, и ты получишь столько золота, сколько они весят.

Они ударили по рукам, и Иржи приступил к работе. В короткий срок он сделал десяток новых лавок, одна лучше другой и раскрасил их в яркие цвета, так что великан даже прослезился:

– Точь в точь как у моей бабушки, когда я ещё был маленьким великаном... Просто поразительное сходство... Спасибо...

Он заплатил Иржи всё, что тому причиталось, а затем предложил:

– Послушай, дружище, у меня есть кузен, у которого тоже есть сад, но нет ни одной лавочки. Не можешь ли ты заглянуть сначала к нему, прежде чем продолжить свой путь? Он примет тебя со всей любезностью и почётом.

– Хорошо, – ответил Иржи. – Я люблю делать лавочки.

– Вот спасибо! – обрадовался великан. – Только я ему напишу, а то у него вспыльчивый характер. Не то, что у меня...

С письмом и тележкой золота на тележке, запряжённой новой лошастью, Иржи двинулся к кузену великана и попал в Чёрный замок, такой мрачный и унылый, что даже днём в его дворе носились летучие мыши, и повсюду висела паутина.

Кузен и вправду оказался вспыльчивым малым, так что если бы не вовремя показанное письмо, Иржи угодил бы напрямиком в кипящий котёл, который постоянно булькал во дворе замка, так что немало слуг великана закончили в нём свои дни. Из-за этого, кузен теперь жил в полном одиночестве и чувствовал себя ещё хуже, чем прежде.

– Сделай мне 7 чёрных лавок и убирайся, – прорычал он Иржи. – Если они мне понравятся, я дам тебе мешок золотых монет, а если нет, отправлю тебя в котёл. У тебя месяц. Принимайся за дело, да смотри не путайся у меня под ногами...

Иржи без лишних слов кивнул и начал строгать доски. Ему потребовалось 15 дней, чтобы сделать 7 лавочек, но он не стал говорить об этом великану, а принялся мастерить новые, чтобы устроить тому сюрприз.

Ровно через месяц, Иржи позвал великана в сад, где росли только дубы и чёрные розы, и показал ему 7 великолепных шестиногих скамеек, выкрашенных чёрной краской. Великан недоверчиво осмотрел их, робко посидел на каждой и снисходительно буркнул:

– Превосходно... Мешок золота ждёт тебя у ворот... Спасибо и убирайся, пока я тебя не сварил...

– Это ещё не всё, – ответил Иржи. – Идёмте за мной.

Великан заскрежетал зубами, но послушно последовал за столяром и вскоре остановился в самом дальнем уголке своего парка, куда давно не заглядывал. Там, вокруг клумбы красных роз, стояло ещё семь ослепительно белых лавочек и таких хорошеньких, что великан трогательно шмыгнул носом:

– Совсем как у моей первой жены... Тогда мой замок ещё был салатного цвета, а в саду пели соловьи...

– Вам точно нравится? – осведомился Иржи. – Просто я хотел ещё сделать к ним небольшую белую беседку, прежде чем отправиться домой...

– Сделайте, пожалуйста, – вежливо попросил его великан, прижимая ладони к груди. – И простите, что я вас едва не сварил. Это всё от чёрного цвета. Он делает меня злым.

– Меня тоже, – дружелюбно ответил Иржи. – Поэтому я и стараюсь его не использовать без нужды.

Иржи задержался в чёрном замке ещё на неделю, пока не закончил беседку, а когда покидал его, то несколько маляров уже перекрашивали его в бирюзовый цвет, а десяток садовников сажали белые розы и акации. Великан щедро оплатил труд Иржи, а напоследок, слёзно попросил столяр заглянуть к его тётушке.

– Очень уж она любит сидеть на скамеечке у своего дома,

да вот беда, скамеечка такая старая, что давно, поди, рассыпалась, а новой достать негде... Помоги.

Иржи поехал к тётушке, которая, после того как получила чудесную лавочку лимонного цвета, отправила мастера к своей подруге. Та, послала его к своему племяннику, тот к крёстной, так что в конечном итоге, домой наш герой вернулся только через два с половиной года, и первое что он услышал на пороге своего дома, был крик его жены:

– Где тебя черти носят, подлец ты эдакий?! Думал меня со свету сжить?! Я тут бедная-несчастливая места себе не нахожу, а ты, лодырь проклятый, катаешься в своё удовольствие! Ну, рассказывай, где был, что делал? И куда ты дел нашу лошадь и повозку? Отвечай немедленно!

– Знаешь, Квета, – сказал Иржи, с добродушной улыбкой, – а не пора ли нам с тобой переехать с овощного рынка куда-нибудь в другое место? Например, поближе к ратуше? Я заработал немного денег, так что теперь мы можем себе это позволить.

– Хватит мне шутки шутить, – ещё больше распалилась Квета. – Принимайся за дело, да поживей. У пекаря из Кривого переулка сломался стол, а печнику из Угольного тупика нужен новый шкаф. Иди, а то кто-то другой займётся этим.

– Я больше не занимаюсь столами и шкафами, – усмехнулся Иржи. – Теперь, я делаю только лавочки. Но погоди кричать, лучше посмотри, что я привёз.

Иржи отвёл жену к новой тележке, одёрнул рогожу и по-

казал ей золото.

– Боже, – воскликнула Квета, бросаясь мужу на шею, – какое счастье, что я не вышла замуж за кузнеца!

С той поры Иржи жил в новом доме и работал в просторной мастерской, изготавливая различной формы лавочки для всех желающих, а таковых было немало, ибо слава его росла с каждым днём, так что сам король, однажды, попросил его сделать ему одну и остался весьма доволен работой. Правда, на него накричала Квета, за то, что Его Величество не вытерло ноги, и ей придётся перемывать пол, но король сделал вид, что ничего не расслышал, ибо каждый в Тршебиче знал, что Иржи дружит с великанами. Такая вот история.

Папа встал, и в который раз принялся изучать свои безнадежно испорченные брюки.

– Вот интересно, – подумала вслух мама, – что бы сказала Квета, увидев такие штаны на своём муже...

– Квета? – сделал удивлённое лицо папа. – Какая такая Квета? Кто-нибудь о ней слышали? Я нет. Идёмте те ка лучше обедать, а то я страсть как проголодался...

– Только переоденься, – вздохнула мама. – А потом так уж и быть, накормлю тебя борщом, Великий лавочник.

– Так-то лучше, – задрал нос папа. – А куда я дел шляпу?..

Макароны с вареньем

– А разве так можно? – спросила Варя, от удивления едва

не выронив вилку.

– Что? – безмятежно поинтересовался папа, густо поливая свои макароны клубничным вареньем.

– Пап, ты макароны вареньем поливаешь! – сказал Серёжа, подпрыгнув от изумления.

– Ну да, поливаю. А что тут особенного? – ответил папа. – Конечно, с абрикосовым было-бы вкусней, но и клубничное вполне подойдёт. Вам полить?..

Ребята дружно замотали головами:

– Нет!

Папа пожал плечами, подцепил вилкой порцию спагетти и отправил её в рот. Его лицо расплылось в довольной гримасе и он удовлетворительно прищёлкнул языком:

– Perfetto!

– Только никогда не говорить это итальянцам, – усмехнулась мама, с интересом наблюдавшая за папиными манипуляциями. – Они тебе этого не простят...

– Чепуха, – замахал руками папа. – Вы просто завидуете... Что же до итальянцев, то они просто обожают макароны с вареньем. Когда я был в Риме, то нашёл одно кафе, «для своих», где подавали изумительные кампанелле с апельсиновым джемом. Мамма мия! Это было просто великолепно! А лазанья с мёдом? Это же просто чудо!

– Дорогой, но ты никогда не был в Риме... – напомнила мама.

– Неважно, – нахмурился папа. – Это мог быть Неаполь

или Венеция. На худой конец Сардиния, суть не в этом. Итальянцы понимают толк в удовольствиях и не отказываются от них, только потому, что кому-то это может показаться странным...

Папа отправил в рот огромную порцию макарон и закатил глаза от удовольствия.

– Я просто хотела сказать, – проворковала мама, – что ты *вообще* никогда не был в Италии...

– И что с того?! – не сдавался папа. – Я чувствую... Нет, я знаю... Нет, я на 100% убеждён, что итальянцы обожают лакомиться макаронами с вареньем!

– И откуда же, позволь спросить, у тебя такие точные сведения? – поинтересовалась мама.

– От верблюда, – ответил папа, но завидя улыбки на лицах ребят, добавил. – Нет, правда, я слышал это от верблюда, который слышал это от циркового пони, который в свою очередь узнал это от старого льва, что прожил в Италии много-много лет.

– Ага... – кивнула мама. – От льва, значит...

– Ну, ладно, ладно, – примиряюще поднял в воздух руки папа. – Возможно, я немного преувеличил, и это был не лев...

– А кто же тогда?..

– Хорёк, – ответил папа. – Но это был *очень* умный и действительно много повидавший на своём веку хорёк.

Ребята захихикали и папа был вынужден немного повы-

силь голос:

– Он жил у одного замечательного художника, который рисовал одно только звёздное небо, и утверждал, что его хозяин, прежде чем отправиться в свою мастерскую на крыше их дома, неизменно ужинал огромной порцией спагетти с черешневым вареньем, запивая их чаем. Честное слово!

– Пап, ну хватит уже выдумывать, – захохотали ребята. – Так не бывает.

– Можете мне не верить, – надулся папа, – но я всё же продолжаю настаивать на своей правоте... Хорьки не из тех животных, что любят врать. И верблюды тоже. Пони, правда, бывают излишне болтливы, но только не цирковые. Те всегда превосходно воспитаны, можете мне поверить...

– Ну, хорошо, – сказала мама. – Допустим, что всё это правда. Но объясни мне тогда, пожалуйста, почему никто во всём мире до сих пор ничего не слышал об этом великолепном итальянском десерте, макаронах с вареньем?

– Да потому что Флорентийский орден Сладкой пасты ещё четыре столетия назад запретил итальянцам рассказывать об этом блюде любому иностранцу под страхом самого сурового наказания! – воскликнул папа. – И даже несмотря на то, что сей странный орден уже 100 лет как не существует, итальянцы всё ещё хранят о нём память и не разглашают свой маленький секрет...

– Кажется, нас ожидает очередная история, – улыбнулась мама. – Верно?

– Верно, – ответил папа. – Но при одном условии: то, что вы сейчас услышите, никогда не покинет стен этой кухни... Клянётесь?

– Но мы же не итальянцы, пап, – сказал Серёжа.

– Пока я ем спагетти, я – итальянец! – гордо вздёрнул нос папа. – Так клянётесь или нет?

– Клянёмся.

– Вы должны положить руку на макароны, когда говорите это, – строго предупредил папа.

– Клянёмся!

– Тогда начнём...

Папа сноровисто отправил в рот очередную порцию сладких макарон, прожевал, проглотил, прищёлкнул языком от удовольствия и сказал:

– Как вы понимаете, всё это случилось довольно давно. Один добродушный итальянец, готовил себе как-то раз ужин и, то ли по рассеянности, то ли от того, что мимо его окна прошли две хорошенькие девушки, вывалил в кастрюлю с макаронами банку вишнёвое варенье, спутав его с томатной пастой.

– Madonna! – схватился он за голову. – Что же мне теперь делать? А, была, не была, я такой голодный, что готов съесть всё что угодно, даже спагетти с вареньем...

Джованни, а его звали именно так, положил порцию спагетти себе на тарелку, вооружился вилкой и отважно зажмурившись, отведал своё блюдо, после чего воскликнул:

– Perfetto! – что означает превосходно.

В два счёта опустошив всю кастрюлю, Джованни отправился спать, решив теперь регулярно баловать себя подобным угощением.

– Это же просто изумительно, – бормотал он, укрываясь одеялом. – Как я раньше не догадался...

Пекарю так понравились сладкие макароны, что он начал есть их каждый день, без устали экспериментирую с различными видами варенья и мармелада, которым его снабжала его бабушка. Он даже отважился угостить свою девушку, Симону, сладкими букатини с лимонным вареньем, и та пришла в такой неопиcуемый восторг, что немедленно согласилась выйти за него замуж, что сделало Джованни счастливым во всех отношениях.

Надо заметить, что в те далёкие времена, Италия не была единым государством. Сразу несколько стран неустанно делили её между собой и, само собой разумеется, итальянцы не очень-то любили иностранцев, в особенности тех, кто пытался увести из их страны всё, что представляло хоть какую-то ценность. По счастью, самой прекрасной частью этой солнечной страны были населявшие её люди, и пока они жили на этой земле, Италия не переставала быть Италией, пусть и разрезанной на несколько частей.

Именно в те годы, сразу несколькими именитыми итальянцам пришла в голову идея сопротивления вражескому нашествию. Они долго спорили и решали, что им следует пред-

принять, и, в конце концов, пришли к выводу, что воевать с захватчиками весьма хлопотно, и довольно опасно, а потому, они должны противостоять им на свой лад, по-итальянски... Так возник малоизвестный во всём мире, но весьма популярный в Италии Флорентийский союз Борьбы, переименованный вскоре в орден Сладкой пасты или, как его называли недоброжелатели, союз ножа и вилки...

Влияние этого ордена быстро распространялось всю Италию и Сицилию, суть его требований сводилась к следующему: ни при каких обстоятельствах не выдавать коварным захватчикам тайны изумительных итальянских десертов! Следуя этому дерзкому плану, итальянцы, как и прежде, превосходно кормили всякого, кто их об этом просил, но стоило иностранцу или человеку похожему на него, заказать нечто запретное, например сладкую пасту, как внезапно оказывалось, что на кухне совершенно кончился сахар, или мука. В иных случаях, если владелец таверны был особенно патриотично настроен, иностранцу и вовсе предлагали зайти в другой раз, так как именно сегодня (о, ужас!), у повара жутко болели зубы...

Но вернёмся к Джованни. В его маленьком городке мало кто слышал об Ордене Сладкой пасты, а иностранцев видели и того реже. Оттого наш добродушный пекарь направо и налево угощал всех желающих своим новым блюдом, так что вскоре, стал весьма известной личностью. Он даже всерьёз начал подумывать о том, чтобы открыть небольшой ресто-

ранчик под названием «Дольче Вита», Сладкая жизнь, который будет предлагать своим посетителям, помимо тортов и пирожных, целых 173 вида сладкой пасты.

Но мечты Джованни не продлилась долго. Спустя месяц после его свадьбы, глубокой ночью, в дверь его постучали. Зевая и охая, Джованни спустился вниз, чтобы узнать в чём дело, где был схвачен четырьмя мужчина в шёлковых масках. Без лишних слов, они скрутили ему руки, нахлобучили на голову пыльный мешок, усадили в карету и помчались бешеным галопом в неизвестном направлении.

Само собой Джованни отважно защищался и даже пробовал петь, но его быстро укачало, и он уснул, решив дать должный отпор позже, а когда он открыл глаза, то забыл о своём обещании, так как сильно проголодался в пути. После бесконечной тряски, карета наконец-то остановилась и Джованни, всё ещё с мешком на голове, выбрался наружу. Чьи-то крепкие руки подхватили его с двух сторон и куда-то повели куда-то, сначала вверх, а затем, по ступеням, глубоко вниз. Когда, в конце концов, с его головы сняли мешок, то он обнаружил себя стоящим в мрачном подвале, освещённым факелами. Напротив него, за широким столом, восседало несколько мужчин в странных шляпах и карнавальных масках.

– Что тут происходит? – спросил Джованни. – Кем бы вы ни были, я отказываюсь разговаривать с вами, пока не позавтракаю!

– Говорить вам и не придётся, – мрачно сказала маска домино. – Ты должен слушать и запоминать...

– Прекрасно, – ответил Джованни. – Слушать я могу. А потом вы меня накормите? Я ужасно голоден! А ещё...

– Помолчи хоть немного, – прервала его маска лисы. – Мы следили за тобой, Джованни Скармозо, и всё про тебя тебе знаем. Отпираться бесполезно...

– Если вы про тот случай с эклерами, в которые я по ошибке положил горчицу, так я не виноват... – затараторил Джованни. – С каждым может случиться! Просто я как раз собирался...

– Тихо! – рявкнула маска тигра. – Мы говорим о секрете, который не подлежит разглашению...

– О каком таком секрете? – насупился Джованни. – Я понятия не имею, кто украл мешок муки у мельника... И вообще, этот мешок стоял у стены с таким видом, будто бы гулял сам по себе. Каждый бы мог подумать, что...

– Да нет же, болван, – крикнула маска обезьяны. – Мы имеем ввиду макароны с вареньем!

– Ах, вы про это... – облегчённо выдохнул Джованни. – А я то думал...

– Тебе не нужно думать, – сказала маска медведя. – Просто запомни – ни один иностранец не должен узнать этот секрет.

– Но почему? – изумился Джованни. – Это же так вкусно!

– Вот пусть сами и придумывают себе вкусности, а наши,

оставят в покое, – глухо ответила маска совы. – Тебе всё ясно? Ну, чего молчишь?

– А что, уже можно говорить? – на всякий случай уточнил Джованни.

– Да, болван, *теперь* уже можно, – едко заметила маска чумы.

– Тогда, да, ясно, – кивнул головой Джованни. – Пределъно. Вот только...

– Что? – спросила маска аиста.

– Я просто хотел обратить ваше внимание, что если на завтрак у вас омлет, то мне тройную порцию. Я им никогда не наедаюсь, уж поверьте...

– Idiota! – шумно выдохнула маска Пьеро и схватила за голову. – Отправьте его домой. Это невыносимо...

– Отличная мысль! – обрадовался Джованни. – Дома мне очень нравится...

– Раз так, то запомни хорошенько, – вновь подала голос маска домино. – Если ты ослушаешься нашего приказа, или расскажешь кому либо, о том, что ты здесь сегодня увидел и услышал, тебе несдобровать... Не для того члены нашего великого ордена рискуют своими жизнями, сохраняя в секрете итальянские традиции, чтобы какой-то олух вроде тебя передал их иностранцам, которые только и думают, как бы обокрасть всю нашу чудесную страну!

– Но позвольте, – пролепетал Джованни. – Этот рецепт я придумал сам и как мне кажется...

– Этот рецепт принадлежит Итальянской Республике! – громыхнула маска грифа.

– Но у нас нет Республики... – попытался возразить Джованни.

– Болван, – снова схватилась за голову маска Пьеро. – Мы имеем в виду нашу будущую Республику. Вы что, не патриот?

– Я, – замялся Джованни. – Ну, это зависит от того позавтракал я или ещё нет...

– Убирайся! – завопили все маски разом. – Presto, presto! Джованни опять подхватили под руки, надели мешок и сунули в карету. Спустя несколько часов быстрой езды, жутко голодный и ужасно сердитый, пекарь очутился на своей улице и, убедившись, что карета скрылась за углом, прокричал ей вслед:

– Только покажитесь тут снова, и я задам вам такую трёпку, что вас мама не узнает! Вы ещё не знаете, с кем связались!

Джованни был так возмущён, что ему потребовалось съесть целых семь больших пицц, прежде чем он немного успокоился и пришёл в себя.

– Что случилось? – спросила Симона. – Я ужасно испугалась? Кто были эти люди? Надеюсь, это не из-за того мешка муки, что ты якобы нашёл на улице?..

– Нет, нет, всё нормально, – успокоил её Джованни. – Они меня с кем-то перепутали.

Жизнь вновь потекла неспешно и размеренно в доме ита-

льянского пекаря. Скопив немного денег, он открыл с Симоной свой маленький ресторанчик и трудился не покладая рук, пока однажды, к нему за столик сел странный посетитель в кожаных перчатках и синих очках.

– Добрый день, – приветствовал он Джованни на безупречном итальянском.

– Добрый день, – ответил Джованни, оглядывая чудаковатого незнакомца. – Что вам угодно?

– Мне бы хотелось попробовать сладкую пасту, – сказал незнакомец. – Можно?..

– Конечно можно, – расплылся в улыбке Джованни. – У нас её целых 173 вида. Какую вам подать?

– Право я даже толком и не знаю, – смутился субъект в синих очках. – Что-нибудь на ваш вкус...

– В таком случае, я рекомендую вам наше коронное блюдо, спагетти с лимонным вареньем и миндальными орехами. Пальчики оближите!

– Отлично, – согласился незнакомец. – И принесите к ним чай...

– Чай? – изумился Джованни. – Вы хотели сказать кофе?

– Нет, я хочу чай, – настаивал незнакомец.

– Хорошо, – пожал плечами Джованни и поспешил на кухню.

– Кто этот иностранец за крайним столиком, – мимоходом спросила его жена, через четверть часа, когда блюдо было практически готово.

– Какой иностранец? – насторожился Джованни.

– Тот, что сидит в перчатках и очках, кто же ещё, – ответила жена. – Ты что, ослеп.

– Но он прекрасно говорит по-итальянски? – возразил Джованни, холодея.

– Попугай у моей тётушки Розалии тоже говорит по-итальянски, и что с того?! – сказала жена. – К тому же, он заказал чай. Точно иностранец.

У Джованни затряслись руки. Он мигом вспомнил подвал, свет факелов, маски зверей и понял, что едва не оплошал и не выдал секрет.

– Быстро прячь варенье с полок! – сдавленно крикнул он жене. – Быстро! И ничего не спрашивай, просто прячь!

– Но... – разинула рот Симона.

– Прячь! – захрипел Джованни и положил на тарелку спагетти для незнакомца кусок мяса, полил его густым томатным соусом, покрошил сверху сыр и вынес блюдо наружу.

– Ваш заказ, – сказал он, с улыбкой ставя тарелку перед незнакомцем. – А вот ваш чай...

– Что это? – возмутился незнакомец.

– Чай, – ещё шире улыбнулся Джованни.

– Это я вижу, – завопил незнакомец. – Я про спагетти. Где варенье?

– Варенье? – сделал удивлённое лицо Джованни. – В маронах?

– Разве у вас не написано в меню «173 вида сладкой пас-

ты»?

– Так вы про это, – рассмеялся Джованни. – Теперь мне всё ясно. Вы, наверное, иностранец?..

– С чего вы взяли? – нахмурился незнакомец. – Я родился и вырос в Милане.

– Так это в Милане спагетти запивают чаем?.. – спросил Джованни и под его взглядом незнакомец потупил взор.

– Ладно, дружище, извини, – сказал он примиряющим тоном. – Я действительно иностранец. Просто хорошо выучил итальянский. Но какое это имеет отношение к моим макаронам?

– Прямое, – ответил Джованни. – Дело в том, что сладкой пасты не существует...

– Как? – вскочил со своего стула иностранец. – Не может этого быть? У вас же написано...

– Это просто старинный итальянский розыгрыш, – миролюбиво объяснил Джованни. – Вроде Пизанской башни. Всем, кажется, что она падает, а она просто слегка наклонилась...

– Не может этого быть! – не унимался иностранец. – Я вам не верю! Вы что-то от меня скрываете!

– В таком случае, по-вашему, у меня на кухне должно было быть полным-полно варенья? – спросил Джованни.

– Так и есть, – заявил иностранец. – Я чувствую, что вы что-то прячете!

– Идёмте, я вам всё покажу, – сказал Джованни и повёл

иностранца на кухню, где стараниями его жены не осталось ни одной банки варенья.

– Видите, ничего нет, кроме томатов, сыра, зелени и приправ, – развёл руками Джованни.

– Вижу, – сказал иностранец и вдруг крепко обнял Джованни. – Вы просто молодчина, Джованни! Я горжусь вами! Вы настоящий патриот своей страны!

– Простите, мы разве знакомы, – удивился Джованни.

– Ну разумеется мы знакомы, – ответил незнакомец. – Неужели вы не помните? Ах, да, совсем забыл...

Иностранец порылся в кармане, вытащил оттуда маску домино и приложил её к лицу.

– Теперь узнаете?

– Так это вы? – оторопел Джованни. – Но зачем весь этот странный маскарад? Я ничего не понимаю!

– Мы должны были сначала испытать вас, Джованни, – ответил незнакомец. – Удостовериться, что вы надёжный человек и вы блистательно прошли это испытание. Теперь вы один из нас.

– Один из кого? – уточнил Джованни.

– Один из членов Орден Сладкой пасты, терпеливо объяснил незнакомец. – Маска Пьеро трагически погибла – на смерть объелась равиолями на карнавале, – так что нам срочно нужен новый председатель. Вы как никто подходите на эту роль.

– Но, помилуйте, я никогда не был председателем, – ска-

зал Джованни. – Я не справлюсь! Я опозорюсь!

– Это совсем нетрудно, – заверил его незнакомец. – Нужно только ругаться и топтать ногами, всё остальное мы сделаем сами. Вы согласны?

– Если так, то я согласен, – улыбнулся Джованни. – А кормить меня будут?..

Так, в один миг, обычный пекарь Джованни Скармозо стал председателем одного из влиятельнейших итальянских орденов своего времени. Он прослужил в нём под маской Пьеро более полувека, помогая хранить в тайне секрет потрясающего блюда, макарон с вареньем.

– Неужели это так вкусно, – недоверчиво покосилась на папу мама.

– Лучше один раз попробовать, чем сто раз спросить, как говорят в Италии, – ответил папа.

Мама осторожно полила вареньем свои макароны и попробовала.

– Ну, как? – спросил папа. – Вкусно ведь, правда?

– Неожиданно, – задумчиво ответила мама. – Странно... Неоднозначно... Пожалуй, я съем ещё немного!

– И я, и я, – закричали ребята. – Мы тоже хотим!

– Тише, тише, – приложил к губам палец папа. – Я тут недавно видел одного весьма подозрительного субъекта в кепке. Похоже, это был иностранец. Вы же не хотите, чтобы наш секрет попал к нему в руки?..

Всё к лучшему

– Ничего, ничего, – утешал папа всхлипывающую Варю, помогая ей собирать осколки вазы. – Всё к лучшему.

– Я просто хотела поставить в неё букет для мамы, – плакала девочка. – А теперь, вот... Мама расстроится, и будет ругаться...

– Ну, мы всегда можем сказать, что это сделал я, – предложил папа. – Ты же знаешь, у меня отлично получаются такие фокусы. Помнишь, как на прошлой неделе, я разбил маслёнку? То-то было шуму...

Варя с сомнением посмотрела на папу, потом на осколки вазы, а затем решительно покачала головой:

– Нет, я не буду обманывать маму. Пусть ругается... Поделом мне.

– А нельзя её склеить? – спросил Сережа. – Может, будет не сильно заметно, что она треснула?

– Нет, тут уж ничего не поделаешь, – сказал папа, осматривая остатки. – Разлетелась вдребезги. Только ручки целели.

Степашка, доселе прятавшийся под столом, выбрался наружу и ткнулся холодным носом заплаканное лицо Вари, но девочка только грустно вздохнула и продолжила собирать черепки.

– Говорю тебе, всё к лучшему, – снова сказал папа. – Мы купим новую вазу или, ещё лучше, сделаем её своими рука-

ми. А, как вам идея?

– Сами сделаем вазу, – подняла заплаканные глаза Варя. – А разве так можно?

– А почему нет? – воскликнул папа. – Глины у нас предостаточно. Краски есть. И печка есть. Мы вылепим чудесную новую вазу, обожжём её, а потом покрасим.

– В прошлый раз у нас ничего не получилось, – заметил Серёжа. – Да и мама с того раза строго настрого запретила нам делать опыты в доме...

– Хм-м-м... – нахмурился папа. – Я совсем забыл... Ну, хорошо, тогда мы сделаем вазу из дерева. Подберём подходящую корягу, очистим её, выдолбим середину, потом покроем её лаком. Да, так будет даже лучше!

– А долго её придётся делать? – спросила Варя. – К вечеру мы успеем?

– К вечеру... – задумался папа. – Нет, к вечеру, пожалуй, не успеем. По правде говоря, думаю, мы и за неделю не управимся... Это не так то просто.

Варя снова вздохнула и шмыгнула носом.

– Ну почему я такая неуклюжая!

– А давайте сделаем вазу из старой лампы, – вдруг сказал Серёжа. – Помните, ту, что пылиться без дела у нас на чердаке? Она как раз похожа на вазу.

– Гениально! – воскликнул папа. – Изумительно! Это будет фурор! Мы разберём её, вытащим всё лишнее, обрежем провода и вуаля, новая, модная ваза для цветов готова! Толь-

ко нужно будет приделать ей дно, но это я беру на себя. Мы даже можем приклеить к ней уцелевшие ручки!

– А можно будет украсить её бумажными бабочками? – с надеждой спросила Варя.

– Ну конечно, – заверил её папа. – Бабочки, кузнечики, стрекозы, мы наклеим всё, всё, всё. А потом соберём огромный букет полевых цветов, поставим их в неё и подарим всё это великолепию маме. Уверен, это её смягчит.

– Здорово, – сказал Серёжа.

– Да, – согласилась улыбающаяся Варя. – Спасибо, что помогаете мне.

– Не за что, – сказал папа. – Главное всегда нужно помнить слова мудрого Макото Кимура, который любил говаривать, что конец, это всегда лишь только начало.

– Правда? – спросила Варя, утирая слёзы.

– Истинная, правда, – подтвердил папа. – А ещё он часто говорил, что в каждой неприятности скрывается зерно успеха, и чем неприятность больше, тем крупней может быть и выигрыш.

– Как это? – удивилась Варя. – Я не понимаю.

– Раз так, – улыбнулся папа, – то тебе непременно следует выслушать одну историю, которая однажды случилась с Макото Кимура, когда он был уже достаточно пожилым и уважаемым человеком, хотя и не обладал ещё той известностью, которую получил впоследствии.

– И что же с ним приключилось, – спросил Серёжа.

– А приключилось с ним следующее, – сказа папа, откладывая веник и усаживаясь на табуретку. – Однажды зимой, Макото отправился к другу в гости. С собой он взял небольшую серебряную статуэтку, которая очень нравилась его другу, и которую он давно собирался ему подарить. По пути Макото внезапно вспомнил, что забыл свой меч дома, но так как ушёл он уже довольно далеко, то решил не возвращаться.

«Всё к лучшему, – подумал он и зашагал дальше. – Раз я забыл меч дома, так и должно быть...»

Погода была скверной. Холодный ветер дул Макото прямо в лицо и оттого шёл он, низко опустив голову и, как то совершенно незаметно для себя, сбился с пути и оказался в малознакомой местности. Легкий снежок припорошил его следы, и он никак не мог понять, в какую сторону ему следует двинуться.

– Что ж, – усмехнулся он, – всё к лучшему. Я никогда не был в этих местах прежде, а теперь у меня есть отличная возможность их посмотреть. Воспользуюсь ей.

Макото пошёл вперёд и вскоре подошёл к мосту через реку, за которым возвышался бамбуковый лес. Мудрец ступил на мост, но, залюбовавшись заснеженным бамбуком – несчастным зрелищем в тех местах – поскользнулся, упал, да так неудачно, что вывихнул ногу и набил шишку.

– Ну ты и мудрец, Макото! – воскликнул он, потирая разбитый лоб. – Мало того, что ты забыл дома меч, мало того

ты заблудился, мало того что упал с моста и вывихнул ногу, так ещё и ухитрился набить себе здоровенную шишку! Что-бы сказали твои ученики, увидев тебя в таком виде?

Макото рассмеялся, представив себя со стороны, затем встал на ноги, отряхнулся, приложил к шишке горсть снега и, прихрамывая, двинулся в лес.

«Всё к лучшему, – сказал он себе, ломая сухой стебель и сооружая себе бамбуковый костыль. – Обычно я хожу слишком быстро и не замечаю ничего вокруг, но сегодня у меня есть возможность никуда не спешить и насладиться изумительным видом заснеженного бамбукового леса. Это так прекрасно. В конце концов, я скоро обязательно набреду на чьё-нибудь жилище, согреюсь, выпью чаю, высушу свою одежду, и завтра буду вспоминать о своём приключении с улыбкой. Нет, Макото, тебе определённо не стоит вешать нос...»

Макото рассмеялся своим тихим смехом и углубился в лес. Он шёл медленно и неторопливо, стараясь не утруждать больную ногу, и забрался весьма далеко, когда внезапно, его окружили пятеро разбойников, и потребовали отдать им всё, что у него имелось.

Макото схватился за меч, но вспомнив, что забыл его дома, снова рассмеялся и спокойно протянул разбойникам статуэтку и свою новую тёплую накидку. Разбойников удивил смех мудреца, и они спросили, в чём причина его хорошего настроения.

– Оттого, что всё в этой жизни случается к лучшему, –

ответил Макото и поведал разбойникам свою историю.

– Что же тут хорошего?! – сказали они. – Ты заблудился, вывихнул ногу, набил шишку, а в довершение всех неприятностей тебя ещё и ограбили.

– А вот в чём, – ответил Макото. – Будь у меня меч, я бы непременно вытащил его и сразиться бы с вами, несмотря на вывихнутую ногу и наверняка бы погиб. Моя новая накидка мне совершенно не нравится. Мне её подарили, и я ношу её только из любезности. Теперь, когда вы её забрали, я со спокойной совестью могу купить себе другую, на свой вкус. Что же до статуэтки, что я нёс в подарок другу, то, сказать по правде, я понятия не имею, что хорошего в том, что она перекочевала в ваши руки, но я верю, что в будущем, и это сослужит мне добрую службу. Так что, спасибо вам, лесные разбойники.

Разбойники привыкли к другим словам в свой адрес. Посоветовавшись, они решили не убивать Макото и ушли, оставив улыбающегося мудреца одного на заснеженной дороге и бросив ему напоследок какие-то лохмотья, чтобы он не замёрз до смерти. Макото приложил новую порцию снега к шишке на голове, накинул лохмотья на плечи, опёрся на свой бамбуковый костыль и заковылял дальше, насвистывая весёлую мелодию.

В сумерках, усталый и продрогший, он наконец-то достиг небольшой деревни на опушке леса и постучался в один из домов. Хозяин впустил усталого путника, внимательно вы-

слушал его рассказ, горестно покачал головой, напоил мудреца зелёным чаем и уложил спать. Но когда он взялся за одежду Макото, чтобы развесить её у огня, то узнал в старых лохмотьях свою собственную накидку, отнятую у него разбойниками два года назад. Хозяину ещё раз вспомнил неряшливый вид своего гостя, странный костыль, свежую шишку на лбу и он решил, что весь рассказ Макото ложь.

«Скорее всего, он тоже один из лесных разбойников, – решил хозяин дома. – Наверняка он просто поссорился со своими товарищами, и теперь только и ждёт удобного момента, чтобы обокрасть меня. Ну, уж нет, во второй раз вам меня не удастся ограбить...»

Хозяин тихонько выскользнул наружу и бросился к соседям, а те в свою очередь подняли на ногу всю деревню. Вооружившись кто чем мог, крестьяне ворвались в дом где мирно спал мудрец, крепко его связали, и пообещали рано утром отдать о солдатам, чтобы те казнили его как грабителя. Они бросили Макото в холодный сарай, и ушли спать очень довольные собой, меж тем наш странник и тут не отчаялся.

– Всё к лучшему, – пробормотал он. – После ночи всегда наступает день, а после дождя вновь светит солнце. За сегодня со мной случилось столько неприятностей, что завтра наверняка улыбнётся удача. Нужно только не пропустить её. Радуйся, Макото, что-то хорошее входит в твою жизнь! Выспись хорошенько и будь готов к переменам...

Макото закатился в углу сарая, прижался к стенке и за-

дремал.

Утром его разбудил шум за стеной. Толпа селян собралась вокруг сарая и наперебой кричала приехавшим солдатам, что они поймали разбойника. Дверь отворилась, Мако-то грубо выволокли наружу и поставили перед командиром небольшого отряда.

– Отвечай, кто ты такой и откуда у тебя накидка этого человека? – спросил его солдат.

Мудрец подробно рассказал свою историю, но командир лишь рассмеялся ему в лицо:

– Мако-то Кимура мудрый и уважаемый всеми человек, – сказал он. – Он бы не забыл своё меч дома, не заблудился бы по пути к своему другу, не упал бы с моста, не подвернул бы ногу, не набил бы себе шишку, и не дал бы себя ограбить лесным разбойникам. Посмотри на себя, как можно тебе верить?

– Если солнце закрывает туча, никто не говорит, что солнце утратило свою силу, – возразил на это Мако-то. – Нужно лишь немного подождать и оно снова засияет во всей своей красе. Будьте и вы терпеливы...

– Мы не можем ждать, – отрезал солдат. – Сюда едет сам император и к его приезду дороги должны быть чисты от всех разбойников. Приготовься умереть.

Мако-то был не робкого десятка и не раз смотрел в лицо смерти, но всё же, такая гибель была ему не по вкусу, и потому он сказал:

– Если дело обстоит так, то я готов, но я хотел бы попросить вас об одной последней услуге.

– Какой такой услуге? – буркнул солдат.

– Перед смертью, я бы хотел увидеть проезжающего мимо нас императора, – ответил Макото.

– Хорошо, – подумав, кивнул солдат. – Мы казним тебя, как только император скроется за поворотом.

– Благодарю вас, – улыбнулся мудрец. – Кажется, всё и вправду к лучшему...

Солдат удивился странным словам осуждённого, но потом решил, что тот слегка помешался от страха и оставил его в покое, а Макото принялся беспечно разглядывать облака.

Император прибыл около полудня. Кавалькада всадников предшествовала его появлению, а затем, во главе своих советников и генералов появился и он. Все склонили головы, приветствуя его и Макото, который стоял в первых рядах, сделал то же самое, но перед этим, на секунду встретившись глазами с императором, он незаметно ему подмигнул...

Это была неслыханная дерзость со стороны простолюдина, на которого Макото в данный момент очень походил и император конечно же не мог такого вынести. По его требованию движение прекратилось, и наглец был немедленно доставлен к нему.

– Кто ты такой? – спросил император.

– Всё зависит от того, кому верить, – с улыбкой ответил Макото. – Если послушать крестьян, то я лесной разбойник,

промышляющий на дорогах, и потому заслуживающий смерти. Если же поверить мне, то я Макото Кимура, доблестно служивший вам в течение 30 лет, а сейчас, мирно живущий неподалёку.

– Что, – удивился император, – ты мудрец Макото Кимура? Быть того не может! Как ты очутился здесь в таком виде?

Макото поведал императору свою историю и тот не мог сдержать смеха, но потом вновь стал серьёзным.

– Ты всё время говоришь, «всё к лучшему», но посмотри, куда тебя привела твоя мудрость? – сказал император. – Ты на волоске от смерти. Разве может настоящий мудрец, попасть в такую ситуацию? Что ты на это скажешь?

Макото склонил голову и почтительно ответил:

– Я скажу лишь одно, что как белая лошадь остаётся белой даже во мраке ночи, так и настоящая мудрость остаётся мудростью, сколько бы бед не обрушивалось на её голову. Но ночь не длится вечно...

Император задумался, разглядывая странного старца, стоящего перед ним без тени смущения и страха, точно он и вправду знал нечто такое, что было недоступно остальным. В этот момент, послышался конский топот и на дороге показались всадники, среди которых был друг Макото, к которому мудрец шёл в гости. Увидев императора, друг немедленно соскочил с лошади, приблизился к властителю и почтительно склонился перед ним.

– Назови своё имя? – сказал император.

– Моё имя Мито Саяки, – ответил друг.

– Отчего ты так взволнован, Мито?

– Вчера я ждал в гости своего друга, Макото Кимура, но он не пришёл, – начал рассказывать Мито. – Зная мудрость своего друга, я не стал понапрасну волноваться, но вечером, мои слуги поймали шайку лесных грабителей и у одного из них нашли серебряную статуэтку, в которой я немедленно узнал ту, что хранилась дома у моего товарища. Я решил, что с Макото стряслась беда, и поскакал на его поиски. По счастью, в соседней деревне я узнал, что крестьяне поймали лесного разбойника и собираются казнить его. Я сразу догадался, кто этот разбойник и поскакал сюда и кажется, успел вовремя...

На этот раз император не улыбнулся, а посмотрел на Макото с уважением.

– Ты был прав, мудрец, – сказал он. – Всё, что случилось с тобой, было к лучшему. Ты не роптал на мелкие неприятности, ты с улыбкой принимал удары судьбы, ты не утратил достоинства перед лицом смерти и за это Макото Кимура, я назначаю тебя своим новым советником. Подайте ему лошадь и новую накидку!

Затем император поманил мудреца к себе и негромко добавил:

– И всё же, Макото, признайся, не подмигни ты мне тогда и тебе не миновать смерти...

– Признаю, государь, – ответил Макото. – Но с другой сто-

роны, не сделай я этого, вы могли бы совершить ужасную ошибку, позволив этим людям меня казнить, а я, как ваш будущий советник, никак не мог вам этого позволить...

Неизвестно что сказал в ответ на это император, но с той поры Макото всюду сопровождал его и служил ему верой и правдой ещё много, много славных лет.

– Так значит, – недоверчиво спросила Варя, – это к лучшему, что я разбила мамину любимую вазу?..

– Всё зависит от того, как ты на это посмотришь, – ответил папа. – В любом случае, если что-то нельзя склеить, то не стоит понапрасну лить слёзы. Нужно действовать.

– Тогда, все на чердак! – скомандовала Варя. – Мы сделаем такую вазу, что мама ахнет от удивления!

– От чего это я тут ахну? – сказала мама, появляясь на пороге кухни. – Что вы тут опять натворили, а, признавайтесь?

Папа и Серёжа сконфужено переглянулись и хотели что-то сказать, но Варя храбро выступила вперёд.

– Мамочка, прости меня, пожалуйста, но я разбила твою любимую вазу. Но это к лучшему!

– К лучшему, – удивилась мама.

– Да, – кивнула девочка. – Потому что мы сделаем тебе другую. Сегодня. Честное слово!

– Ну, раз к лучшему, тогда, конечно, ладно... – неуверенно пробормотала мама. – А нельзя ли как-нибудь, «к лучшему», вообще ничего не портить?..

Папа протёр очки и твёрдо ответил:

– Нет. Потому что всё в этой жизни должно идти своим чередом. За мной, друзья, у нас полно дел, а не то не сносить нам всем головы!

Terra de Sonrisas

– У нас какой-то праздник, – спросила мама, при виде торта.

– Ещё неизвестно, – ответил папа, ставя торт на стол и начиная резать его. – Очень трудно понять есть ли какой-нибудь праздник или нет, пока не купишь торт и не попробуешь его... Нам нужно провести научный эксперимент. Как вы считаете?

– Точно, – согласился Серёжа, жадно глядя на торт. – Пока не попробуешь ничего не понятно...

Варя ничего не ответила, но её горящие глаза говорил сами за себя. К тому же, пока мужчины болтали, она успела вооружиться тарелкой и чайной ложкой, и была полностью готова к исследованиям...

– Так, так, так... – произнёс папа, с важным видом откусывая первый кусок. – Шоколад, орехи, бисквит... Что бы это могло значить, коллеги, а?

Коллеги промычали что-то с набитыми ртами и продолжили стучать ложками. Даже мама, не смотря на свою диету, не выдержала и тоже погрузилась в научную работу. Один Степашка был в стороне и грустно смотрел на своих хозяев.

Сладкое ему не полагалось, но он каждый раз надеялся на чудо.

«А вдруг что-нибудь случится и всем куда-то уйдут, а торт бросят на пол? – думал он, облизываясь. – Можно даже на пол и не бросать, я со стула дотянусь, как в прошлый раз...»

Стёпа вспомнил, как он стащил папин омлет и как папа носился за ним по участку и усмехнулся.

«Да, – пусть они просто все уйдут по делам, а уж я присмотрю за тортом, чтобы он не сбежал... Я же караульная собака...»

– Кажется, я начинаю прозревать, – заявил папа, стирая салфеткой крем со своих очков. – Меня посетило необычайное вдохновение, и я готов выдвинуть свою гипотезу.

– Давай, – кивнула мама, с трудом отказывая себе во втором кусочке торта. – Какой сегодня праздник, по твоему мнению?

– Сегодня, – с профессорским видом сказал папа, – теперь я в этом абсолютно уверен, день Летнего Тортостояния.

Ребята горячо закивали головами, но вновь не вымолвили ни единого слова, так как такого рода научные эксперименты требуют собранности.

– Да, – продолжил папа. – Это был трудный путь, дорогие коллеги, но мы выстояли и победили! Мы не забыли нашего призвания! Мы всецело погрузились в науку и получили впечатляющий результат! Ура!

– Да уж, – сказала мама, протягивая Варе салфетку. – Один исследователь так глубоко погрузился в науку, что даже уши в ней испачкал. . .

– Наука не бывает без жертв, – прокомментировал её слова папа. – Но это того стоит! Кстати, раз уж мы коснулись науки, мне вспомнилась история про одного очень именитого учёного, который очень хотел выяснить, где живут вчерашние улыбки. Умберто Пио, так звали нашего героя, был абсолютно уверен, что улыбка каждого человека имеет свою собственную душу и после того, как человек прекращает улыбаться, она не пропадает, а переселяется в другой мир. Он назвал это место Terra de Sonrisas, Земля Улыбок, и выдвинул целую научную теорию, подкреплённую десятками внушительных томов и диаграмм. Умберто даже успел найти несколько последователей его идей, когда очередной научный конгресс разнёс его теорию в пух и прах, так что учёному во всех смыслах было не до улыбок. Он потратил на изучение Terra de Sonrisas более 25 лет жизни и теперь, когда все его труды были осмеяны, решил навсегда оставить науку, и сделался пекарем, открыв крошечную кондитерскую. Умберто отнёсся к своей новой работе со всей серьёзностью, и имел определённый успех, – его заварные пирожные и сдобные булочки были восхитительны, но учёный грустил, становясь всё более замкнутым и хмурым. В конечном итоге, он настолько погрузился в меланхолию, что у него часто стала болеть голова, мучить бессонница и совершенно пропал ап-

петит. Бедняга сильно сдал, пока один весёлый доктор, полагающий, что свежий воздух, неспешные прогулки и хорошее настроение лечат от большинства болезней, не посоветовал ему отправиться к морю.

– Вам просто необходимо отвлечься, голубчик, – говорил он, ощупывая и прослушивая несчастного Умберто. – Я прописываю вам морской воздух, длинные прогулки по пляжу, водные процедуры и компанию весёлых людей. Мне недавно попалась на глаза статья в одном медицинском журнале, где один мой коллега расписывал прелести небольшого острова в Тихом океане. По его словам, там живут самые улыбочивые и весёлые люди мира, а это как раз то, что вам нужно. Так что, бросайте всё и езжайте туда немедленно, и не возвращайтесь ранее, чем через один год! Я вам так и напишу в рецепте...

Умберто недолго колебался.

«В конце концов, – размышлял он, – меня тут давно ничего не держит. Мои работы никому не нужны, мои последователи разбежались, а печь булки и эклеры мне порядком надоело. Решено, я послушаюсь совета своего доктора и уеду на этот остров, а там будь что будет...»

Умберто даже не подозревал, какой подарок преподносит ему судьба, отправляя его за тридевять земель, на богом забытый остров, где в жизни не видели телевизоров и телефонов, а самым современным средством передвижения является старый велосипед, у которого нет шин.

Учёный продал что мог, в последний раз замесил тесто, чтобы устроить прощальный вечер, а на следующее утро покинул спящий город и отправился в порт. Путешествие по морю заняло у него около месяца и развеяло скуку. Умберто вновь почувствовал вкус к жизни и даже перечитал свои работы, которые бережно хранились в его дорожном сундучке. Он нашёл их весьма неглупыми, хотя и достаточно поверхностными, и решил заняться ими вновь, но уже не ради служения науке, а просто из удовольствия.

– Без исследований, я как рыбак без удочки, – говорил он себе. – Пусть я и не поймаю большую рыбу, но я не откажу себе в удовольствии встать пораньше и посидеть на берегу пруда, наблюдая за поплавком и проплывающими облаками. Такая жизнь по мне, а научные конгрессы меня больше не волнуют. Всё равно там никто ничего не смыслит в рыбалке...

Островок понравился Умберто. Туземцы называли его Радужный остров, потому что зимой там было много дождей, после которых в небе сияло сразу по несколько радуг. Местные жители верили, что радуга, это улыбка их Весёлого бога Туга-Пуга, который иногда встаёт на голову, чтобы подурочится и напомнить людям, что всё не так плохо.

Учёный поселился в старом доме, который когда-то принадлежал португальским колонистам, а теперь пустовал, потому что туземцы боялись жить за каменными стенами, полагая, что там живут злые духи, так как кирпичи обжигали

в печах. Умберто отлично устроился на первом этаже дома, так как на втором этаже крыша настолько прохудилась, что он мог наблюдать за звёздами, не выходя наружу.

Первое время туземцы относились к Умберто с опаской. Их пугало то, что на их взгляд он редко улыбался. В представлении местных жителей, нормальный человек должен смеяться каждые десять минут, а два раза в сутки, утром и вечером, хохотать до изнеможения. Что же касается улыбок, то тут и вовсе считалось, что их никогда не следует стирать с лица и даже во сне стараться негромко хихикать.

Умберто не знал всех этих тонкостей, но, постепенно, он сдружился с одним туземцем, по имени Оча-Оча, который поведал ему основы хорошего тона на Радужном острове. С этого момента взаимное недоверие растаяло точно утренний туман над лагуной, где местные жители ловили крабов, и жизнь на крохотной части суши потекла легко и беззаботно, как и прежде.

Чем больше Умберто, которого все здесь звали на местный лад Умо-Умо, узнавал нравы и обычаи островитян, тем больше он приходил от них в восторг и искренне изумлялся, отчего у него на родине люди не рассуждают столь же здраво и не живут так же весело. Местные жители смеялись буквально надо всем, и все болезни также лечили только смехом. Собственно, они так много смеялись для профилактики, что никогда и не болели за исключением одного дня, следующего за их главным праздником – днём рождения Ту-

га-Пуга, который совпадал с Новым годом. Первого января на острове было не до смеха, потому что накануне, все хотели до глубокой ночи и утром, от долгого смеха, у всех болели животы, и туземцы сильно мучились, лежа в своих гамаках и умоляя друг друга не смешить их, а то они лопнут. Сам Умберто, подхватив с непривычки океанский насморк, при первом же чихе был окружён толпой местных жителей, которые веселили его буквально до упаду в течение нескольких часов и к вечеру от его насморка не осталось и следа. Но смехом тут исцеляли не только болезни.

Как-то раз поутру, учёный отправился к своему другу Оча-Оча, чтобы взять у него займы несколько бананов для завтрака и немного посмеяться для аппетита. Проходя мимо лужайки в центре туземного посёлка, он увидел хохочущую толпу местных жителей и поспешил к ним. На его вопрос, что происходит, ему ответили, что идёт судебный процесс над очень важным делом, а именно, о споре двух братьев, кому из них двоих принадлежит курица, что досталась им в наследство.

– О, – воскликнул Умберто, – я давно хотел посмотреть, как у вас разрешаются подобные конфликты. Пожалуйста, объясните мне кто здесь судья, а кто адвокат и что говорит прокурор.

– Судья? Адвокат? Прокурор? – изумились туземцы. – Извини, мы не знаем таких богов. У нас всё решается очень просто. Каждый проситель будет рассказывать по анекдоту

до тех пор, пока его соперник не свалится от хохота на землю. Как только это произойдёт, тот, кто устоит на ногах, получит курицу и суд закончится. Однажды, судебное заседание растянулось на три недели и всё это время мы непрерывно слушали анекдоты и смеялись, так что потом нам было очень плохо. С тех пор, у нас есть строгое правило – не более одной тысячи анекдотов на дело, а иначе, предмет спора становится общим, как наш велосипед. А у вас разве всё не так устроено?

– Увы, – усмехнулся учёный, – хотя, по правде говоря, на приговоры нашего суда тоже не взглянешь без смеха...

В этот момент, один из братьев схватился за живот и рухнул на землю, а за ним повалилась и добрая дюжина зрителей. Задышающийся победитель, икая и утирая слёзы, прижал к груди курицу и побрёл домой, а Умберто ещё раз подивился тому, как хорошо налажена на Радужном острове судебная система и насколько разумны эти простые люди.

Одним словом, вся обстановка на острове как нельзя лучше способствовала продолжению исследований Умо-Умо, чем он и занялся спустя пару месяцев, поразив туземцев своей способностью читать толстые скучные книги, без единой весёлой картинки.

Под тропическим солнцем и вечным шумом прибоя, Умберто почувствовал, как его наполняют новые идеи и прозрения. Он старался трудиться ночами, так как днём ему было слишком весело, и его работа успешно продвигалась вперёд.

Он понял свои прежние ошибки и от души смеялся над теми глупыми промахами, что допускал прежде. Теперь он был абсолютно уверен, что он на верном пути, но единственное чего ему недоставало, это практики и научного подтверждения своей гипотезы, без которых, как он уже успел убедиться, его работа не стоила и ломаного гроша.

«Как же мне проследить, куда улетает улыбка, после того, как она покидает человека, – размышлял он, прохаживаясь под звёздным небом, вдоль пенящегося прибоя. – Что же мне сделать? Как проследить её путь?..»

Внезапно, учёного осенило.

– Ну конечно же, – закричал он, приплясывая на берегу. – Как же мне это раньше не пришло в голову? Мне просто нужно покрасить улыбку специальной краской, а затем, проследить её путь! Да, сделать такую краску будет непросто, но как только я заполучу её, мой труд будет иметь документальное подтверждение и никто больше не посмеет сказать мне, что я просто сумасшедший.

Учёный немедленно начал ставить эксперименты с различными составами, но все они не имели успеха. Казалось, он перепробовал всё, но улыбка по-прежнему оставалась невидимой и покидала своего хозяина под самым носом Умберто. Но наш герой не отчаивался и продолжал свои поиски, пока однажды, его вновь не осенило.

– А может, всё дело в том, что когда улыбка слетает, она едва видна и солнечный свет мешает её увидеть? Что если

попробовать увидеть её не днём, а ночью?

Умо-Умо стал раздумывать, чем же ему окрасить улыбку, чтобы она была видно в темноте, и спустя некоторое время, ему пришла в голову мысль, использовать светлячков, пляшущих по ночам в глубине леса. Дождавшись темноты, учёный поймал несколько сверкающих насекомых, добыл из них светящийся состав и помчался к Оча-Оча, так как краска получилась очень недолговечной и быстро угасала.

– Просыпайся, скорей, это очень важно! – закричал он, ворвавшись в хижину друга.

– Очень важно, – засмеялся Оча-Оча. – Отличная шутка, Умо-Умо! «Очень важно» в два часа ночи! Спасибо, я запомню её и рассмешу кого-нибудь завтра. А пока, спокойной ночи...

Он снова закрыл глаза, собираясь продолжить прерванный сон, но учёный не шутил.

– Я не шучу, – сказал он, тормоша Оча-Оча. – Это и вправду важно. Пойдём, я должен кое-что проверить, а для этого мне нужен помощник, чтобы никто потом не сказал, что мне это всё почудилось.

– Какие же вы всё-таки странные люди, – усмехнулся Оча-Оча. – Днём вы грустите, ночью волнуетесь... Как вы живёте?

Они вышли на берег океана, где было очень темно, и Умберто вкратце рассказал, что у него на уме. К его удивлению, Оча-Оча прекрасно его понял и согласился помочь.

Они быстро нанесли на губы туземцу светящуюся краску, и Умберто приказал ему улыбнуться, а затем, стать на минутку серьёзным. Оча-Оча послушно выполнил указания нашего героя, но, увы, улыбка не улетела, а продолжала сиять на губах его друга.

– Что же не так, – терялся в догадках Умберто. – Неужели я опять ошибся, и всё было напрасно?! Почему?!

Но в этот момент, улыбка вдруг встрепенулась, точно очнувшись ото сна, затрепетала и слетела с уст Оча-Оча, закружившись вокруг него в безмолвном танце. Умберто не верил своим глазам, боясь даже дышать, чтобы не вспугнуть душу улыбки, но та нисколько не боялась и кружила вокруг Очи-Очи, словно забавляясь. Постепенно, краска бледнела, и очертания улыбки гасли, пока не исчезли вовсе, но и тогда, учёному казалось, что он всё ещё чувствует её трепетанье.

– Мне нужно гораздо больше краски, – выдохнул он, наконец. – И она не должна так быстро бледнеть, чтобы я мог проследить, куда улетает улыбка.

– Так ты хочешь узнать, куда улетает улыбка, – засмеялся Оча-Оча, мало впечатлённый тем, что произошло. – Что же ты сразу мне не сказал?

– А ты знаешь, куда она улетает? – недоверчиво спросил Умберто.

– Ну конечно, – захохотал Оча-Оча. – У нас на острове это знает каждый малыш.

– И куда же, по-твоему, она улетает? – поинтересовался

учёный, немного обиженный тем пренебрежением, что проявил туземец к его многолетней работе.

– Улыбка возвращается туда, откуда она прилетает к нам, – ответил Оча-Оча.

– И где же это место, – настаивал Умберто. – Ты можешь мне его показать?

– Разумеется, – тихо ответил туземец, а затем, он протянул свою руку и показал на грудь учёного. – Она живёт там, в твоём сердце и чем чаще ты выпускаешь её на свободу, тем сильнее делаются её крылья...

В наступившей тишине, папа тихонько встал со стула и начал убирать остатки торта в холодильник.

– И что же было дальше? – не выдержала Варя. – Что сказал учёный?

– Не знаю, – беспечно улыбнулся папа, – но что-то мне подсказывает, что он был умным человеком, а потому просто промолчал.

– Но почему?! – воскликнул Серёжа.

– Потому что той ночью, Умберто узнал о себе нечто гораздо более важное, чем ему могла бы рассказать вся наука мира, – ответил папа. – Ему вдруг стало очень легко и спокойно на душе. Он долго бродил вдоль прибой, прислушиваясь к шелесту пальм и любуясь звёздами, а Оча-Оча молча шёл рядом, зная, что в такие минуты все слова излишни.

Зимние цветы

Два снежка одновременно просвистели над стеной ледяной крепостью и смачно впечатались в папу. Один попал ему в живот, а другой сбил с шапку.

– Ага! – закричал Серёжа. – Получил?! Сдавайся по-хорошему!

– Ни за что! – прокричал в ответ папа, силясь вырвать упавшую шапку из пасти невесть откуда взявшегося Степашки. – Отдай шапку, поросёнок! Отдай! Фу! Всё равно моя крепость никогда не падёт! Слышите, никогда!

В этот момент, новый снежок залетел папе прямо за шиворот. Папа ойкнул, разжал на мгновенье руки, и торжествующий скотч-терьер опрометью вылетел из крепости, крепко сжимая в зубах свой трофей. Ребята захохотали.

– Сдавайся, а не то мы сделаем из тебя снежное чучело! – крикнула разгорячённая боем Варя. – Выходи с поднятыми руками, и мы гарантируем тебе горячий чай и печенье!

– Нет! – донеслось из-за полуразрушенных стен. – Вам никогда меня не победить! Белая крепость никогда не сдастся врагу!

– Ну, держись! – хором воскликнули ребята и кинулись на решающий приступ. Снежки замелькали в воздухе с удвоенной силой. Оставшись без головного убора, папа, тем не менее, продолжал упорно отбиваться, но былого азарта у него уже не было, и ребята неуклонно приближались к стенам, прячась за деревьями и снеговиками. Наконец, по сигналу

Серёжи, они внезапно ворвались в крепость с двух сторон и повалили папу на спину.

– Пощады или натрём тебе уши снегом! – закричали они.

– Нет! То есть да! Пощады, пощады! – завопил папа, беспомощно дрыгая ногами. – Сдаюсь! Хватит! У меня снег за пазухой! И прошу вас, кто-нибудь, пожалуйста, отберите у Стёпы мою шапку! Она же новая!

– Это трофей, – важно сказала Варя, нехотя слезая с папиной груди. – Ну да ладно... Стёпа, ко мне! Отдай! Молодец, хороший пёс...

Стёпа нехотя выплюнул измятую шапку и жадно проглотил несколько комьев снега. Ему было жарко и весело.

«Отлично погуляли, – думал он, ложась на снег и тяжело вываливая язык. – А то всё на поводке, да на поводке... Так даже за кошками не побегаешь... То ли дело играть в снежки!.. Вот бы ещё сейчас сосисок покушать...»

– А пойдём те ка домой, – сказала мама, которая не участвовала в схватке, боясь испортить своё новое модное пальто. – Нам давно пора обедать, да и темнеть уже начинается.

– Давайте ещё разочек сыграем, – загудели ребята. – Пожалуйста...

– Если не устали, то хоть папу пожалейте, – сказала мама. – Он уже и так на снеговика похож.

Папа грустно развёл руками:

– Боюсь, мама права, пора домой. Тот снежок, что вы коварно бросили мне за шиворот, растаял и теперь я весь мок-

рый... А ещё, Степашка прокусил мне шапку! Это против правил! В 87 пункте Кодексе снежного боя чётко прописано, что никаких собак в ледяной крепости быть не должно! Если бы не он, я бы точно победил, так и знайте.

Однако, завидев, что ребята вновь потянулись за снежками, папа сменил тон:

– Впрочем, я припоминаю, что 112 пункт Великой Снежной Хартии допускает использование в перестрелке снежками «зайцев, лис, барсуков и прочих мелких животных с их полного согласия...»

Папа подошёл к Степашке и присел напротив:

– Степан, ответь мне, только честно, ты добровольно принимал участие в этой схватке?

Стёпа наклонил голову, озорно посмотрел на притихших ребят, а затем звонко тьякнул.

– Ура, мы победили! – обрадовались дети.

– Увы, да, – сокрушённо покачал головой папа. – Но я надеюсь гарантии горячего чая и печенья всё ещё в силе?

– Только, после того как вы все съедите суп, – сказала мама и внушительно добавила, глядя на папу. – Я уверена, что в правилах упоминается горячий суп...

– Конечно, конечно, – рассеянно согласился папа, всё ещё исследуя свою шапку. – Там так и сказано – «...вне зависимости от выявленного победителя, обе стороны поединка обязаны совместно вкушать большую порцию супа или иного горячего блюда. В противном случае, победа не засчитывается».

вается, и участники дисквалифицируются сроком на одну зиму...» 34 пункт Хартии, часть вторая, пункт Б... Дорогая, как ты думаешь, а эти дырки можно будет как-то заштопать?..

Спустя час, после сытного обеда, все собрались в большой комнате. Уставший больше всех Степашка спал без задних лап на кресле, мама вязала Варю новый свитер, а ребята обступили папу, требуя рассказать им новую историю.

– Мы уже вторую неделю не слышали ничего новенького, – шумели они. – Раньше ты нам каждый день что-нибудь рассказывал.

– Я был очень занят, – безуспешно пытался оправдываться папа. – Вы же знаете, моя новая книга только что вышла, и меня почти не было дома. К тому же...

– Мы всё знаем, папочка, – взмолилась Варя, – но пожалуйста, расскажи нам новую историю...

Папа умолк, потом поёрзал на диване, затем снял свои очки и начал усиленно их протирать. Ребята переглянулись – это был хороший знак.

– Как я уже сказал, – прервал через минуту своё молчание папа, – я был ужасно занят, но, как раз сегодня, мне, совершенно внезапно, вспомнилась одна восхитительная история. Правда, сразу после этого, прямо мне в ухо попал чей-то снежок, и история мигом вылетела в другое... Так что мне очень жаль, я всё забыл...

Папа деланно зевнул и прикрыл глаза, делая вид что дрем-

лет.

– Наверняка она так и лежит там, где упала, – заметила мама, продолжая вязать. – Может вам стоит одеться и сходить посмотреть... А заодно можете ещё раз сыграть в снежки... Пожалуй, в этот раз я бы тоже поучаствовала... Втроём мы бы быстро взяли крепость... Думаю и Степашка не прочь ещё немного порезвиться...

– Так, стоп, на сегодня никаких больше снежков, – подпрыгнул на диване папа. – У нас перемирие, забыли? К тому же, я, кажется, что-то припоминаю... Точно, точно... Да, вспомнил! Всё-таки у меня исключительная писательская память...

Папа снова прикрыл глаза, мечтательно пошевелил губами и начал своё повествование:

– В одной далёкой стране, где вечно царил зима, и никто из её жителей никогда не видел зелёной травы и не слышал пения соловья, в небольшом городке, жил часовщик по имени Николас Блум. Он был настоящим мастером своего дела. Николас находил поломки в больших и малых часах с такой легкостью, что казалось, они сами говорили ему, в чём причина их остановки. Порой ему хватало всего одного взгляда на замерший перед ним механизм, или лёгкого щелчка пальцами по крышке часов, чтобы понять, что с ними случилось.

Это походило на магию, и некоторые жители города были уверены, что Бум чародей, каким был его прапрапрадедушка, но никакого чуда тут не было. Николас просто любил

свою работу и проводил долгие часы, разбирая и вновь собирая различные механизмы, чтобы понять, как они устроены, так что в конечном итоге даже самое сложное сплетение шестерёнок и пружин давно не могло сбить его с толка, и он мгновенно находил причину поломки.

Однако, мало кто в заснеженном городе знал, что у старого часовщика Николаса Блума была ещё одна страсть, которую он держал в строжайшей тайне. Его второй любовью были... цветы. Да, да, вы не ослышались, цветы, но не обычные, а те, что могли цвести прямо посреди снежных равнин, наперекор ледяному ветру и неуёмной выюге, собирая лишь крохи тепла от низкого солнца и стылых звёзд. Николас знал, что если он расскажет о своих мечтах обычным людям, те, в лучшем случае поднимут его на смех, а быть может и вообще решат, что он сумасшедший, и больше не будут отдавать ему в починку свои часы. Поэтому, он разделил свой секрет лишь с двумя живыми существами на этой земле: своей дочерью Ильгой, которой в тот год исполнилось 13 и ленивым котом Василиском, что вечно дремал у окна на старой подушке, сонно разглядывая сквозь полуопущенные веки, пролетающие мимо снежинки.

Когда на город опускалась ночь, и огни в домах один за другим угасали, Николас варил себе крепкий кофе, желал дочери спокойной ночи и спускался в подвал, где в призрачном свете нескольких свечей погружался в чтение старинных фолиантов, которые ему регулярно присылал его друг

из столицы. Часовщик силился понять, как можно вырастить цветы на снегу и тщательным образом выискивал в старых книгах любое упоминание о цветах, способных цвести в мороз. Нередко он засиживался так долго, что проснувшаяся поутру Ильга пускалась к нему, чтобы напомнить ему, что настал новый день.

– Ну, как, – спрашивала она, – нашёл что-нибудь новенькое?

– Да, – радостно кивал головой Николас. – Я нашёл рассказ о редчайших северных розах, которые цветут так долго, что их нередко накрывает снег, однако они не вянут, а продолжают алеть сквозь него, точно закатное солнце и пахнуть летом. А в другом месте, я вычитал, как один хитрый китаец много лет закалял ледяной водой семена лилий, так что, в конце концов, те совершенно перестали бояться холода и цвели даже в стужу. Одна беда, и северные розы и китайские лилии вырастали летом и успевали окрепнуть до наступления холодов. Но никому ещё не удавалось вырастить цветы прямо на снегу, под полярным сиянием, когда даже человеческое дыхание застывает в воздухе и превращается в лёд... Никому... Ах, Ильга, Ильга, порой мне кажется, что я никогда уже не увижу цветущих в снегах цветов... Никогда...

– Не отчаивайся, папочка, – утешала его дочь. – Я знаю, у тебя всё получится. Вспомни, как ты разбил свои первые часы, что принес тебе в ремонт мясник? Они разлетелись в дребезги, и тебе пришлось отдать ему свои собственные, ко-

торами ты так дорожил, но теперь, посмотри, каждый человек в городе знает, что ты лучший часовой мастер, а мясник стал твоим лучшим другом!

– Что правда, то правда, – засмеялся Николас. – Хорошо помню, как у меня затряслись руки, когда он отдал мне те мои первые часы. Немудрено, что я уронил их! Но это послужило мне хорошим уроком. С той поры, ни одна даже самая малюсенькая шестерёнка больше не выскользнула из моих ладоней, хотя через мои руки прошли тысячи часов.

– Я знаю, папочка, – сказала Ильга. – И с цветами у тебя тоже всё получится. Просто нужно ещё немного постараться. Кстати, как поживают те странные семена, что ты посадил на прошлой неделе, они взошли?

– Увы, Ильга, они замёрзли, – вздохнул Николас. – А ведь из них вырастают цветы, что живут высоко-высоко в горах, где частенько бывает очень холодно.

– Но не так как у нас, – улыбнулась Ильга.

– Да, – согласился часовщик. – Холоднее чем у нас бывает только на Северном полюсе.

Часовщик снова вздыхал, задувал ставшие ненужными свечи, и поднимался наверх, чтобы позавтракать и открыть свою мастерскую.

Вы можете спросить, откуда у старого часового мастера, всю жизнь прожившего среди бескрайних снегов и ледяных глыб, взялись такие странные мечты? Я вам отвечу. Однажды, когда Николас был ещё молод, а мать Ильги жива, к

ним на постой попросился путник. Денег у него не было, но зато были кисти и краски, и он пообещал хозяевам расписать им гостиную в обмен на их гостеприимство. Николас всегда был добрым человеком и согласился, хотя его жена с неодобрением отнеслась к предложению нежданного гостя.

– Где это видано, что бы взрослые люди вместо того, чтобы работать, бродили точно нищие с полной сумкой красок и кистей, – бормотала она. – Не понимаю я таких людей.

– Но послушай, Хельва, мы же не можем оставить его на улице, в такой жуткий мороз, – отвечал Николас. – К тому же, я давно хотел, чтобы нашу гостиную украшали яркие картины. Я даже хотел попросить Трога Петерсена разрисовать её, но всё что он умеет это делать вывески с окороками и бубликами для лавочников, да и те выходят такими кривыми, что все смеются.

– Конечно же, мы его накормим и обогреем, – продолжала ворчать жена. – Не хватает ещё, чтобы люди стали судачить, что мы не уважаем северных традиций и прогоняем странников со своего порога, когда за окном бушует вьюга. Но я просто не понимаю...

Она ещё долго обсуждали гостя, который, тем временем, уютно устроился у очага с тарелкой горячей похлёбки и жмурился на огонь как заправский кот. Он просидел так до глубокой ночи, почти не проронив слова, жадно впитывая в себя жар огня, а потом уснул.

– Надеюсь, он хотя бы одну стену покрасит, а не сбежит

спозаранку, – сказала Хельва, засыпая. – Впрочем, так будет даже лучше... Не понимаю я таких людей...

Но художник не сбежал. Он встал чуть свет и начал трудиться и не выпускал кисти из рук до самой темноты. Под его рукой тёмные стены дома оживали. На них зеленела трава, синели озёра, порхали птицы и играли странного вида звери, но больше всего там было цветов, всех размеров и оттенков, столь прекрасных и волшебных, что Хельва украдкой смахнула слезу.

Следующим утром художник покинул их дом, нарисовав на прощанье ещё один цветок, который не понравился Хельве, но заставил онеметь от восторга Николаса. Это был крупный, ярко синий цветок, похожий на лотос, растущий прямо на снегу, и сияющий сквозь метель точно огромный сапфир.

– Чепуха какая-то, – буркнула Хельва. – Цветы не могут расти на снегу, это каждый знает. Ну что ему стоило просто нарисовать букет фиалок на берегу ручья? Нет, что не говори, а художники очень ненадёжные люди. Пойду ка я, пересчитаю наши серебряные ложки...

Но Николас не слушал жену. Он всматривался в картину снова и снова, ловя каждую деталь, каждый лёгкий штрих, каждую мелочь. Потом он схватил пальто, шапку и опрометью выскочил за дверь, оставив её открытой. Он догнал художника на другом конце города, по дороге к гавани.

– Пойдите, пойдите... – закричал задыхающийся Николас. – Пойдите...

Художник повернулся и вытащил изо рта свою трубку.

– Пойдите, – повторил часовщик, никак не в силах отдышаться. – Цвет–к... Тот цветок, что вы нарисовали последним... Ярко синий... Он... он существует?.. Вы его видели?..

Художник усмехнулся, и его голубые глаза засветились озорным огоньком.

– Он вам понравился?

– Я в восторге! – выдохнул Николас. – Но разве это возможно, чтобы такие чудесные цветы росли и цвели прямо посреди снега и льда? Они же замёрзнут!

– Это зимний цветок, – ответил художник. – Очень редкий. Единственный в своём роде.

– И вы видели его? Правда, видели?

– Да, – ответил художник. – Я его видел. Я никогда не пишу того, чего не существует, хотя некоторые люди меня часто в этом обвиняют.

– Давно вы его видели? И где? Где растут такие дивные цветы?

– Я видел его недавно, но не помню точно в каком месте, – ответил художник. – Вам стоит хорошенько потрудиться, чтобы найти его. Но мой вам совет, лучше всего самому вырастите зимний цветок. Так будет проще. Вам даже не придётся покидать стен своего родного дома. А теперь прошу меня простить, мне никак нельзя опоздать на этот корабль.

Художник приподнял свою шапку и удалился, а Николас

побрёл домой и с того дня не переставал думать о зимних цветах, видя их и во сне и наяву, когда разглядывал потемневший от времени рисунок странствующего художника. Чего он только не предпринял, чтобы вырастить волшебные зимние цветы, однако, несмотря на упорный труд, все его усилия были тщетны. Всё чаще часовщику приходило на ум, что художник просто посмеялся над ним, и чудесный синий цветок, что он нарисовал, был лишь плодом его воображения. В такие минуты Николасу становилось очень грустно, и он брал Василиска к себе на колени и гладил его, изливая ему свою скорбь. Василиск слушал внимательно, щуря жёлтые глаза, и мурлыкал в такт движению руки хозяина.

У кота тоже были свои тайны, но он предпочитал держать их в секрете. К примеру, Василиск знал, что раз в году, за три недели до Пасхи, на чердаке дома ночуют южные феи, которые держат свой путь к своим кузинам, феям севера, чтобы вместе отметить наступление нового года, который, по старинному обычаю, празднуется у всех древних существ весной. В ледяных пещерах Кольтуруса – вечного города, надёжно укрытого от человеческих глаз холодным морем и высокими, скалами. Там, феи могут от души повеселиться, дружно спеть свои странные песни, сплясать причудливые танцы и вспомнить те далёкие времена, когда им не нужно было прятаться среди снегов от вездесущих людей.

«Часовщик всегда был добр ко мне, – подумал Василиск как-то раз. – Он никогда не ругал меня и не бил, и вдоволь

кормил сметаной, если она была... Пожалуй, настало время отплатить ему за его заботу... До Пасхи осталось как раз три недели, а это значит, что сегодня ночью, когда все уснут, маленькие феи вновь спрячутся под нашей крышей, чтобы переждать холодную и тёмную ночь... Что ж, встречу ка я их и потолкую немного... Феи знают много разных чудес, быть может, они помогут и моему другу ...»

Сказано – сделано. Под вечер, Василиск прокрался на чердак и спрятался среди стропил. Ждать пришлось недолго. Когда город погрузился во тьму, он услышал легкий шелест крыльев, точно стая стрекоз закружилась неподалёку, а потом разглядел в темноте несколько маленьких фигурок. Феи негромко хихикали, отряхиваясь от снега, и устраивались на ночлег. Василиск выждал, пока они не утихомирились, а затем, бесшумно подобравшись к ним, схватил крайнюю фею, так что она не успела даже пискнуть, и уволок её на кухню.

– Ну, здравствуй, моя дорогая... – сказал он, усаживаясь под столом и держа фею в лапах. – Что-то я нынче проголодался... Не перекусить ли мне?..

Василиск облизнулся и неспешно обнюхал зажмурившуюся от ужаса фею.

– Пахнет аппетитно... – промурлыкал кот, трогая фею своими усами. – Интересно, а как феи на вкус?..

– Не ешь меня! – запищала фея. – Это неправильно!

– Неправильно?! – расхохотался кот. – А по-моему, неправильно тайком пробираться в чужие дома среди ночи...

– Мы же никому не мешаем и ведём себя тихо, как мышки, – сказала фея. – Утром мы улетим!

– Как мышки... – усмехнулся Василиск. – Знаешь, мышки ужасно мне досаждают, а ты как раз похожа на одну из них, только с крылышками...

– Отпусти меня, прошу, – заплакала фея.

– А что будет, если я тебя отпущу?.. – промурлыкал кот, рассматривая фею в упор своими огромными, жёлтыми глазами.

– Я буду тебе очень благодарна!

– Благодарна?.. – рассеянно зевнул кот. – Хм... Это скучно... Нам, котам, одной благодарности мало... Что ещё ты можешь предложить?

– Ну, я не знаю, – растерялась фея. – А что ты хочешь?

– Я хочу, что бы ты помогла моему другу, старому часовщику, в доме которого вы ночуете уже много лет. Думаю, это будет справедливой платой за крышу над головой, не так ли?..

– Конечно, конечно, – закивала головой фея. – Что хочет твой друг? Найти клад? Многие люди хотят найти клад, а я знаю где лежит один. Рассказать?

– Может быть позже... – промурлыкал кот. – Сейчас, я хочу, чтобы ты помогла моему другу вырастить зимние цветы... Такие, что способны цвести в самую лютую стужу, прямо на снегу...

Фея осторожно хихикнула:

– Зимние цветы? Что за невидаль! Я не знаю где их достать!

– Жаль... – грустно сказал кот, в очередной раз облизываясь. – Ну, что ж, рад был поболтать, но мне пора ужинать...

– Эй, эй, постой, – закричала фея, видя, что кот и вправду собирается её съесть. – Я кое-что вспомнила...

– Как странно... – усмехнулся Василиск. – И что же?.. Только не вздумай меня обманывать... Коты этого не прощают...

– Вот ещё, обманывать, – обиженно фыркнула фея. – Да будет тебе известно, что феи никогда не врут!

– Я наслышан об этом, – примиряюще промурлыкал кот. – Прошу меня простить... Так что же ты вспомнила, моя хорошая?..

– На пиру в честь Нового года, куда мы с подружками держим путь, во всех вазах стоят странные ярко-синие цветы. Они точно сделаны из тончайшего льда. Но однажды я случайно уронила один из них, и он не разбился, и тогда я поняла, что он живой!

– Очень интересно... – сказал кот. – А не могла бы ты принести мне такой цветок?..

– Нет, – замотала головой фея. – Для меня он слишком большой, к тому же, феям запрещено уносить что либо из Кольтуруса в мир людей. Это очень древнее правило и нам ни в коем случае нельзя его нарушать.

– Подумать только... – покачал головой Василиск. – Вот

незадача... А ведь всего один маленький цветочек, мог бы очень помочь моему другу и одной маленькой фее... Как же нам быть?..

– Я что-нибудь придумаю, – сказала фея, немного подумав. – Но ты должен отпустить меня. Скоро рассвет, никто не должен знать, что меня похитил, а не то подружки могут что-то заподозрить.

– А ты даёшь мне слово, что вернёшься, и вернёшься не с пустыми руками? – хитро прищурился кот.

– Даю! – сказала фея. – Честное и нерушимое слово южной феи.

– Этого мне вполне достаточно... – промурлыкал кот, разжимая лапу. – Когда мне тебя ждать?..

– Я вернусь ровно через неделю, ночь в ночь, но никому ни слова о нашем разговоре! – предупредила фея.

– Я нем, как кот, – ответил Василиск.

На том они и расстались. Фея проворно упорхнула обратно на чердак, а довольный собой Василиск вальяжно отправился в подвал, чтобы полежать на коленях у Николаса, уткнувшегося в очередную книгу о выращивании цветов.

Неделя пролетела быстро. В назначенную ночь, кот был на чердаке. Около полуночи, послышалось стрекотание крыльев, и маленькая фея закружила над его головой.

– Вот, держи, – сказала она, протягивая коту крошечный мешочек. – Это для твоего друга. Прости, не могу больше говорить, я и так уже отстала от стаи. На обратном пути на юг

мы летим без отдыха, круглые сутки. Так что прощай, кот!

Фея хихикнула и скрылась в темноте. Василиск обнюхал мешочек, недоверчиво заглянул в него и расплылся в широкой улыбке.

– То, что нужно... – промурлыкал он. – Николас и его дочь будут рады... Какой я молодец...

Кот спустился вниз, выбрался наружу через приоткрытую форточку, пробежал по карнизу и мягко спрыгнул на снег.

– Кажется, это должно быть где-то здесь... – пробормотал он. – Ага, нашёл...

Кот подошёл к воткнутой в сугроб большой палке, отмечающей грядку, где Николас высаживал семена различных цветов и начал разгребать лапой снег. Выкопав небольшую ямку, он вытряхнул из мешочка дюжину фиолетовых зёрен, засыпал их, аккуратно замёл свои следы пушистым хвостом и вернулся в дом. Там он лёг поближе к печке, чтобы подсушить свою промокшую шерсть и закрыл глаза:

«Теперь всё будет хорошо... – подумал он. – Можно и вздремнуть...»

Чудо произошло 10 дней спустя. По своему обыкновению Николас вышел во двор, чтобы проверить, не взошли ли цветы на его снежной грядке и остолбенел.

– Ильга! – закричал он спустя мгновенье. – Ильга, скорее беги сюда! Мне кажется, что я сошёл с ума!..

Перепуганная девочка выскочила из дома и подбежала к отцу:

– Что случилось? Ты весь бледный!

– Скажи мне, доченька, только скажи честно, мне кажется или на моей грядке и вправду взошли цветы?..

– Ах! – воскликнула Ильга, посмотрев на снег. – Они взошли, папочка, твои семена проросли!

Лицо часовщик расплылось в улыбке, но внезапно омрачилось.

– Наверняка это чья-то злая шутка, – сказал он. – Кто-то узнал про мою тайну и решил посмеяться. Держу пари, это обычные бумажные цветы, которые кто-то воткнул в снег. Вот смотри...

С этими словами Николас схватил один из небольших синих ростков и попытался выдернуть, но у него ничего не получилось.

– Что за дела?.. – удивился он. – Неужели это правда?..

– Да, папочка, правда, – смеялась Ильга. – У тебя всё получилось! Я так рада!

Через три дня последние сомнения у часовщика пропали. Небольшие ростки превратились в полуметровые стебли и расцвели невероятными ярко-синими цветами, точно такими же, как на картине, что нарисовал ему художник. Только лепестков у них было не 10, а 16, и листья были ажурными, а не гладкими, но это были мелочи. Цветы радовали глаз часовщика и его дочери две недели, после чего медленно увяли, а когда бутоны окончательно засохли, часовщик собрал с них горсть фиолетовых семян и посадил сно-

ва. Усилиями Николаса и его дочери, меньше чем через год, весь его дом был окружён яркими цветами невиданной красоты. Весь город приходил полюбоваться на них. Сразу же нашлось множество желающих купить у Николаса чудесные семена, но часовщик отказался. Он раздавал по дюжине семена бесплатно, каждому желающему, и очень скоро, весь город зацвёл, так что даже среди самой сильной метели, любой мог видеть за окном восхитительные зимние цветы.

– Только, пожалуйста, закрывайте их в солнечную погоду плотной тканью, а то они высохнут, – не уставал напоминать часовщик людям, которые приходили к нему за семенами. – Эти зимние цветы очень чувствительные к теплу. А если вы хотите их срезать и поставить в вазу, не забудьте каждый день добавлять в воду горсть снега, чтобы они простояли долго и пахли...

Говорят, что со временем, часовщик, у которого теперь было много свободного времени по ночам, сделал маленьких заводных пчёл, которые могли летать от цветка к цветку и собирать зимний мёд. Правда, его получалось собрать совсем немного, всего одну маленькую баночку со всего города, и он был совершенно синим, но на вкус, он был слаще самого сладкого сахара и ароматнее любого фруктового варенья. Поговаривали также, что даже феи раз в год слетались посмотреть на это чудо, но в эти сказки мало кто верил. Разве что один мудрый кот, который очень любил лежать на старой подушке у окна и смотреть сквозь полуопущенные веки

на пролетающие мимо снежинки.

Подкроватный монстр

– Вот такая история, – сказал папа, поднимаясь. – А теперь – спать.

– Так нечестно! – зашумели Варя с Серёжей, садясь в своих кроватях. – История то совсем малюсенькая! Расскажи нам ещё одну! Пожалуйста...

Папа растерянно потёр лоб.

– Мама будет ругаться, если узнает, что я опять рассказываю вам длинные истории на ночь... – пробормотал он.

– А ты тихонечко, – сказала Варя громким радостным шёпотом. – А если мама заглянет, то мы сделаем вид, что уже спим...

– Ну ладно, уговорили, – согласился папа. – Но только, чур, не шуметь!

– Хорошо, – закивали дети, укладываясь обратно и накрываясь своими одеялами.

– Про кого вы хотите услышать историю? – поинтересовался папа, приоткрыв на мгновение дверь и убедившись, что мамы нет поблизости.

– Про подкроватного монстра, – сказала Варя, натягивая одеяло до самых глаз. – Только не очень страшную, а то я потом не засну...

– Страшную, – удивился папа. – А что же тут страшного?

– А вдруг он схватит меня за руку во сне, – сказала Варя.

– Или утащит тапочки под кровать и придётся лезть туда в темноте... Бррр! – добавил Серёжа.

– А, я всё понял, – рассмеялся папа. – Вы думаете, что подкроватный монстр ваш враг и может вас как-то обидеть?

Ребята дружно кивнули.

– Какое ужасное заблуждение! – воскликнул папа, хватаясь за голову. – Впрочем, признаюсь, что когда-то давно, я и сам так думал и жутко боялся ходить по комнате босиком в темноте... Мне всё время казалось, что он схватит меня за ногу...

Папа сел на Варину кровать, мечтательно улыбнулся и сложил руки на животе. Его глаза под стёклами очков лукаво заблестели.

– Каково же было моё удивление, когда я, из самых достоверных источников выяснил, что подкроватный монстр наш друг, хотя выглядит он порой, действительно э-э-э... неприятно. Но, с другой стороны, это и не удивительно. Только представьте, что вы всю жизнь проводите в темноте, под пыльными кроватями, в жуткой тесноте, где вас, ко всему прочему, каждые выходные тыкают шваброй и пугают пылесосом, хотя вы ни в чём, ни в чём не виноваты.

– А зачем жить в темноте и тесноте, – спросил Серёжа. – Почему бы не выбраться наружу?

– Да, пап, почему, – оживилась Варя. – Можно же жить... В лесу!

– Когда то так и было, – ответил папа. – Предки подкроватного монстра жили в тропических лесах вдоль экватора, питаясь большими жуками и сочной листвой, и никому не мешали. Они вообще очень безобидные создания, в отличие от весьма похожих на них антресольных рукохватов, диванных шуршунчиков или подъездных пискунов. Впрочем, все они настолько малы, что не могут причинить вред даже ребёнку и жутко бояться собак и кошек. Да что там кошек! Даже моя ручная крыса, которая жила у меня, когда я учился в шестом классе, однажды прогнала из нашей старой софы целую стаю шуршунчиков и поселилась там сама. Правда, как потом выяснилось, она прогрызла в обивке огромную дыру, но зато наш дом был чист от этих мерзких вредителей, которые обожают шуршать по ночам, и мешать людям спать.

– Но почему же подкроватные монстры покинули лес и стали жить у людей? – спросила Варя. – Что случилось?

– Точного ответа на этот вопрос пока нет, – сказал папа. – Учёные всё ещё спорят. Они вообще очень любят поспорить, а если вдруг видят, что спор приближается к концу, они страшно огорчаются и тут же начинают спорить на новую тему. Когда же спорить им решительно не о чем, то они немедленно возвращаются к своей излюбленной проблеме и начинают спорить о том, как правильно есть пломбир, – откусывать маленькими кусочками или просто облизывать. И уж тут-то они спорят, будь здоров!

Одним словом, тайна подкроватного монстра раскрыта не

до конца, но кое-что выяснить всё же удалось. Виной всему оказались шипохвостые крысы, предки которых, изрядно измельчавшие, до сих пор обитают в некоторых подвалах. Проворные точно кошки (и такие же крупные), с ядовитым жалом на кончике хвоста, они терроризировали всех обитателей леса. Даже ягуары не желали иметь с ними дела, что уж говорить о таких безобидных существах как подкроватные монстры, которые уже в те далёкие времена походили на весьма добродушных, упитанных лысых ежей, с коротким хвостиком, большими глазами и приплюснутой мордочкой. В лесу их называли «пухляшами» и любили за добрый нрав и покладистый характер. Только вот ночами пухляши ужасно храпели, а потому с наступлением темноты забирались в самую чащу, что бы никого не побеспокоить.

Эта трогательная заботы о своих соседях их и погубила. Когда шипохвостые крысы впервые напали на них под покровом тьмы, рядом не оказалось никого, кто бы мог предупредить безмятежно похрапывающих пухляшей... От полного истребления их спасло только то, что от страха они все попадали с деревьев, на которых спали, и попрятались под кустами и пнями, так что крысы не смогли их отыскать.

Вскоре, крысы настолько осмелели, что стали хозяйничать в лесу даже при свете дня, опасаясь, как ни странно, только мартышек, потому что те, едва завидев крыс, сразу же поднимали страшный шум и начинали (весьма метко) бросаться в незваных гостей зелёными апельсинами.

В таких условиях пухляшам ничего не оставалось, как покинуть родные края и двинуться на север, туда, куда огромные крысы пока ещё не добрались.

Многие звери плакали, когда их друзья покидали лес, но и им самим теперь жилось несладко, так что только несколько мартышек рискнуло спуститься вниз и пожать пухляшам на прощанье лапу.

Несколько месяцев пухляши шли на север. Они переплывали реки, пересекали равнины, поднимались в горы, пока, наконец, не достигли огромного леса, где слышать не слыхивали ни о самих пухляшах, ни о страшных шипохвостых крысах.

«Это будет наш новый дом, – сказали пухляши. – Пусть здесь не очень тепло, и зелень не такая сочная, но главное, тут мы в полной безопасности...»

Пухляши расселились по лесу, облюбовав старые дупла и стали наслаждаться жизнью. Теперь им, правда, приходилось больше двигаться, так как еды было не так много, и некоторые толстяки ворчали, что они похудели, но в остальном, новый лес был ничуть не хуже старого. Только вот белки бросались в них сосновыми шишками, когда пухляши слишком громко храпели по ночам, но то были мелочи...

Однако счастье пухляшей не продлилось долго. Ненасытные крысы шли за ними попятам и через год заволокли и этот лес, так что пухляшам снова пришлось двинуться в путь.

А потом вновь. И вновь...

Так длилось долго. Пухляши меняли один лес на другой, прятались в горах, пробовали жить под землёй и даже пытались подражать бобрам (что очень тех насмешило, потому что пухляши были слишком упитанными и никак не могли нырнуть под воду). Но где-бы они не были, большие крысы повсюду их настигали и в какой-то момент, пухляши совершенно отчаялись найти для себя тихое и безопасное убежище, где их бы никто не трогал, и где они могли бы вдоволь поспать, потому что все они были жуткими сонями.

«Мы прокляты! – жаловались они друг другу. – Нам нигде нет пристанища! Мы не можем летать как птицы, не можем бегать как зайцы, мы даже не можем нырять как бобры! Нам никак не спрятаться от этих мерзких крыс. Мы обречены вечно скитаться из леса в лес, пока не доберёмся до Северного полюса и все там не замёрзнем! Бедные мы бедные...»

Но однажды, в который раз спасаясь бегством от шипохвостых крыс, пухляши наткнулись на странных животных, которые ходили на двух ногах, жили в деревянных домах и очень походили на обезьян, только совершенно голых и бесхвостых. Они спросили обитателей соседнего леса, кто эти странные существа и те сказали, что двуногие звери зовутся людьми, и что от них стоит держаться подальше.

Пухляши поверили им на слово, и каждый раз прятались при появлении человека, пока однажды, один молодой пух-

ляш, по имени Агу-Агу, что на старолесском языке означало Храбрец, случайно не оказался недалеко от деревни, и не решился посмотреть на неё поближе. Чем было вызвано это любопытство, сказать трудно. Быть может, виной тому был аппетитный запах супа из открытого окошка одного из домов, а может, что-то ещё, но факт остаётся фактом: Агу-Агу принялся, огляделся и пошёл напрямиком к одному из домов. Он так замечтался, что наступил на хвост большой крысе, что жила в соседнем амбаре и решила немного погреться на солнышке. От неожиданности, пухляш громко пискнул и бросился бежать не разбирая дороги, и сам того не заметив, влетел напрямиком в приоткрытую дверь дома, где, перепугавшись ещё больше, юркнул под кровать, забился в угол и затаился в пыли и паутине. Люди не заметили, как мимо них прошмыгнул Агу-Агу, но сразу же увидели разгневанную крысу, мчавшуюся за ним по пятам. В доме начался страшный переполох и не живой не мёртвый от страха Агу-Агу к своей великой радости увидел, как люди с веником и метлой гонялись по всему дому за перепуганной крысой, и не успокоились до тех пор, пока не вышвырнули её вон.

Боясь пошевелиться, пухляш просидел под кроватью до самого вечера, вздрагивая от звука шагов и шума голосов, и к вечеру так устал бояться, что когда в доме всё стихло и люди улеглись спать, он сам незаметно заснул, причём так крепко и сладко, что даже захрапел. По счастью глава семьи тоже любил похрапеть и никто не заметил, что его храп был

вдвое громче обычного...

Утром, отдохнувший и повеселевший Агу-Агу улучил удобный момент, пока в доме никого не было, и незаметно улизнул, прихватив по пути кусок пыльного сухаря, завалившегося за шкаф. Вернувшись в лес, где его уже не чаяли увидеть живым, он рассказал о своих приключениях, а когда его подняли на смех, сказав, что он всё это выдумал, показал в доказательство найденный сухарь. Сухарь пах весьма необычно, но что в нём было столь притягательным для пухляшей, что они рискнули его попробовать и он им очень понравился.

– Говорю вам, нам нужно жить рядом с людьми, в их больших домах, – продолжал убеждать своих друзей Агу-Агу. – Там тепло, сухо, еда валяется прямо на полу и главное, стоит только появиться поблизости хотя бы одной крысе как все тотчас бросают свои дела и начинают кричать и швыряться в неё чем попало. Точь в точь как мартышки...

Но пухляши были осторожны и, несмотря на большой соблазн, наотрез отказались идти вместе с Агу-Агу.

– Нам лучше в лесу, – говорили они. – Пусть тут крысы, и вкусные сухари не валяются под ногами, но это наш дом. Мы всегда жили тут и не пойдём к людям. И тебе не советуем.

Но Агу-Агу никого не слушал. Ему так понравилась сладкая подкроватная пыль и царивший там полумрак, что он готов был пойти на любой риск, лишь бы снова там очутиться. В этот раз он был осторожнее и пробрался в дом под по-

кровом сумерек, и удобно расположился под большой кроватью. Отсидевшись в своём укромном уголке в течение дня, и выходя на поиски пропитания после полуночи, храбрый пухляш безвылазно провёл в доме целый месяц. Он много спал, питался хлебными крошками и от души наслаждался покоем. Вскоре, он научился чуть что – прятаться под матрас или прикидываться старой тряпкой, и не храпеть по ночам слишком громко. Последнее умение далось ему труднее всего, но в конце концов, после того как его дважды едва не сцапали, Агу-Агу приучился засыпать уткнувшись носом угол, чтобы не шуметь.

Как-то раз, Агу-Агу решил проведать своих друзей в лесу. Стащив пару сухарей, он отправился к ним. Он долго звал своих сородичей, но ему никто не откликался. Только к вечеру, из старой барсучьей норы показалась пара испуганных глаз и после долгих уговоров, оттуда вылезла старая знакомая Агу-Агу, которую звали Киа-Киа. Что значило Умница. Она была младше Агу-Агу на один год.

– Что случилось? Где все? Почему ты плачешь? – засыпал её вопросами Агу-Агу.

– Крысы... – всхлипывала Киа-Киа. – На нас напали крысы... Всё кто мог, убежали, а я не успела и спряталась в эту нору, под гнилые листья... Крысы меня не нашли, но теперь я совсем одна и не знаю куда идти...

– Держи сухарь и не печалься, – как мог успокоил её Агу-Агу. – У людей полно места под их кроватями. Идём со мной,

и я всё устрою. Там крысы нас никогда не побеспокоят.

– А может нам лучше пойти на север? – робко поинтересовалась Киа-Киа, с аппетитом уминая ароматный сухарь. – Мы всегда так делали... Там мы можем встретить своих друзей...

– Времена изменились, Киа-Киа, – покачал головой пухляш. – То, что служило нам верой и правдой много лет назад, теперь не работает. Да и неужели тебе самой не надоело постоянно скитаться? Впрочем, поступай, как знаешь, а я иду домой, под кровать...

Он развернулся и сделал вид что уходит. Киа-Киа в ужасе запищала.

– Стой! Не бросай меня! Я с тобой!

– Тогда пошли скорее, а то люди на ночь закрывают двери и спускают собак с цепи, – важно сказал Агу-Агу. – Мимо них нам будет трудно пробраться...

Они без происшествий добрались до большой кровати и поселились под ней, и жили там много лет, а их дети поселились в доме по соседству. Постепенно, они заполонили всю округу и теперь, куда-бы не направлялись люди, их повсюду сопровождали их верные спутники: кошки, собаки и... потомки Храбреца и Умницы.

Так, или почти так, пухляши навсегда обосновались в людских жилищах и быстро расселились по всему миру. Со временем, они настолько приспособились жить под кроватями, что найти их там стало практически невозможно, да-

же при свете дня. От привычки постоянно спать уткнувшись носом в угол, они очень скоро совершенно разучились храпеть, их глаза увеличились и стали отлично видеть в темноте, а когти сделались такими мягкими, что они не издают ни малейшего шума по ночам, когда пухляши выбегают наружу в поисках хлебных крошек, забытых конфет или завалившегося за диван печенья. Они сильно уменьшились, став размером с крупную мышь, но во время праздников, особенно на Новогодние каникулы, когда в домах полно еды, они могут отъедаться до размеров небольшого ежа и беспробудно спать после этого до Масленицы.

Само собой люди догадывались, что в их доме живёт кто-то лишний, но, как правило, думали, что это мыши. Чтобы избавиться от них, они заводили котов, думая, что те им помогут, но пухляши научились забиваться в такие пыльные углы, что кошки быстро потеряли к ним всякий интерес. К тому же, все взрослые пухляши умеют великолепно шипеть по-змеиному. Этому искусству они выучились в те далёкие времена, когда им предкам приходилось жить в дуплах деревьев. Громким шипением они отпугивали непрошенных гостей, ведь даже хозяин леса, медведь, не рисковал засунуть лапу в чёрное, шипящее дупло, что уж говорить о домашних кошках.

Словом, пухляши неплохо устроились. Их единственной проблемой оказались... дети. Да, да, друзья мои, не удивляйтесь. Дети всё замечают и быстро догадываются, что под их

кроватями живут какие-то странные существа, которые могут утащить оставленную на тумбочке конфету или разбросать игрушки. Поначалу, дети, конечно же, всё рассказывали взрослым, но те, как обычно, всё пропускали мимо ушей. В лучшем случае, выслушав своего малыша, заботливые родители твердили одно и то же: «Успокойся, никакого подкроватного монстра не существует!.. Тебе просто показалось... Не нужно бояться... Спи...»

Понятное дело, что от таких слов было мало толку. Дети знали, что им не показалось, и они начинали бояться. Их воображение рисовало им ужасных монстров притаившихся под их кроватками, которые только и ждали, чтобы ребёнок свесил руку или ногу с кровати, чтобы схватить его и утащить в темноту. Дети натягивали на голову одеяло и лежали тихо-тихо, боясь пошевелиться, слыша, как внизу, под ними, кто-то тихо сопит. И чем тише они лежали, тем больше смелели пухляши, и тем страшнее становилось детям...

– Так значит... – неуверенно пробормотала Варя, – бояться нечего?..

– Абсолютно! – заверил её папа. – Пухляши безобиднее хомяка и пугливее мыши. Они сами вечно всего пугаются. Так что это нам, людям, стоит быть внимательнее и не тревожить их лишний раз без надобности. Ведь от них есть и польза.

– Какая же? – удивился Серёжа.

– Ну, во-первых, они подбираю с пола все крошки, – от-

ветил папа. – Во вторых, они едят тараканов...

– Фу... – сморщилась Варя. – Какая гадость!

– В третьих, – продолжал папа, – они создают уют в доме. Разве это не приятно, знать, что под твоей кроватью уютно дремлет маленький, смешной зверёк, который иногда может храпеть как ваш дедушка?.. Конечно, если какому то пухляшу, вдруг, приглянуться ваши тапочки, он может спрятать их за сервант, но это, согласитесь, сущие пустяки.

– Пап, а ты сам когда-нибудь видел подкоро... Пухляша? – спросила Варя.

– Один раз, – кивнул папа. – Когда мы с дедушкой выкидывали на помойку его старый диван. Пухляш выскочил из него точно молния, промчался у меня прямо между ног и юркнул в дом. Дедушка, правда, сказал тогда, что это была обычная толстая домовая мышь, но мы-то с вами знаем, кто это был на самом деле...

– Пап, а у нас в доме есть пухляши? – спросил Серёжа.

– Вполне возможно, – задумчиво поскрёб нос папа. – Правда, у нас живёт Степашка, а собак, пухляши недолюбливают – они слишком громко всё нюхают и любят залезать под кровати.

– Да Степашка и слона под кроватью не заметит, – засмеялись ребята. – Он сам спит крепче любого пухляша! Эй, Стёпа, ты нас слышишь?!

Маленький скотч-терьер сладко потянулся на своей подстилке и на мгновение приоткрыл один глаз.

«Ну, разумеется, я вас слышу... – подумал он, вновь сворачиваясь калачиком. – Я же сторожевой пёс... Что же до тех странных толстых мышей, что живут под Вариным диваном и спят, уткнувшись носами в стенку, то они ведь никому не мешают, и ходят очень-очень тихо... Главное, чтобы они не воровали мои сосиски, а крошки, это – пожалуйста... Мне не жалко... В моём доме всем хватит места! Кроме кошек, конечно...»

Вертолёт

– Варя, Серёжа! Кто-нибудь, отберите у него клубок! – позвала из гостиной мама. Она сидела на диване и вязала папе свитер, а Степашка, точно маленький котёнок, незаметно утащил у неё клубок красных ниток и весело катал его по полу.

– Это просто наказание какое-то, а не собака, – пожаловалась на него мама. – То он клубок запутает, то погрызёт зонтик, то спрячет мои ботинки. Как с ним бороться?

– Просто ему скучно в городе, – сказа папа, на мгновение отрываясь от книги. – На даче он спокойнее... Правда, Стёпа?

Стёпа наострил уши и озорно твякнул. У него было отличное настроение с самого утра, с того самого момента, когда Варя и Серёжа тайком передали ему под стол свои котлеты. Стёпа проглотил их одним махом и благодарно обли-

зал пальцы хозяевам. Приятная котлетная тяжесть до сих пор ощущалась у него в животе, и он был бодр и резв. Потеряв клубок, он мигом нашёл себе новую цель. Прокравшись за журнальным столиком, он внезапно атаковал папины тапки. Пока папа испуганно болтал в воздухе босыми ногами, Степашке удалось схватить один из них в зубы и умчаться в коридор. Там он забрался на шкафчик с обувью и притаился среди свисающих плащей и курток.

– Определённо, в прошлой жизни он был кошкой, – рассмеялся папа. – Не удивлюсь, если однажды увижу его на люстре.

– Кстати о люстрах... – сказала мама, не поднимая голову от вязания. – Никто мне не скажет, почему она висит криво?..

Ребята переглянулись и сосредоточенно продолжили играть в шашки, а папа сделал вид, что не слышал вопроса.

– Понятно, – покачала головой мама. – Снова заговор. Наверняка опять ставили какие-то опыты. Признавайтесь, что на этот раз? Воздушный шар, самолёт, космический корабль?

– Почти угадала, – ответил папа, и по его губам проскользнула улыбка. – Мы испытывали игрушечный вертолёт. Я немного усовершенствовал его, чтобы добавить скорости, но, кажется, слегка не рассчитал траекторию...

– Сколько раз я просила вас не делать этого дома, – устало сказала мама. – Вам что, пустыря мало?

– Там холодно и ветер, – сказал Серёжа.

– Да, – кивнула Варя, и добавила серьёзным тоном. – Это ухудшает *аэроакадемические* свойства...

Мама на мгновение оторвалась от вязания и с удивлением посмотрела на дочь.

– Какие, какие свойства? – переспросила она.

– *Аэроакадемические*, – звонко повторила Варя, и все засмеялись.

– Пап, а кто придумал вертолёт? – спросил Серёжа.

– Люди, – ответил папа.

– Это понятно, – отмахнулся Серёжа. – Кто именно?

– И что это тебе понятно? – насупил папа. – Между прочим, первенство в изобретении вертолёта у людей давно оспаривают древесные гномы и сухопутные дельфины.

– Вау! – выдохнули ребята и, оставив шашки, подошли к папе. – Расскажи нам про древесных гномов и сухопутных дельфинов!

– Охотно, – ответил папа, закрывая книгу и придирчиво осматривая свои очки в поиске пятен. – В своё время я даже хотел написать диссертацию о древесных гномах и получить докторскую степень, но это в прошлом... Впрочем, и о сухопутных дельфинах, я тоже немало слышал. К слову, сами они себя именуют *доронго-бами*, что в приблизительном переводе означает: *прощай вода*. С их слов, они вышли на берег несколько десятков миллионов лет назад у берегов Южной Америки.

Со временем, доронго так хорошо научились передвигаться по суше, что вскоре перебрались в горы. Некоторые исследователи прослеживают их связь с культурой и обычаями древних инков, ацтеков и майя. К примеру, считается, что именно из-за них все эти древнейшие цивилизации Южной Америки так и не изобрели колеса.

Дело в том, что у доронго круг был запретным символом, обозначающим смерть и забвение, и любое его изображение было под строжайшим запретом. Также доронго не имели в своём обиходе никаких металлических инструментов. Даже сложнейшие хирургические операции они делали с помощью остро отточенных камней и вулканического стекла. При этом, доронго строили обсерватории, храмы и, само собой разумеется, бассейны, так как любовь к воде была у них в крови.

К сожалению, от цивилизации доронго мало что осталось. Люди оказались более приспособленными к жизни на земле, и гораздо более коварными. Они вытесняли сухопутных дельфинов всё выше и выше в горы, так что постепенно, от былой империи остались лишь несколько разрозненных городов на недоступных вершинах.

Именно тогда, у доронго появилась суровая необходимость в летательных аппаратах, позволяющих связать уцелевшие осколки цивилизации воедино. Они придумали планеры и воздушные шары, но те были слишком капризны и непригодны для надёжного сообщения. Тогда доронго при-

думали самолёт, но идея осталась на бумаге, так как расчёты показали, что для такого чуда техники необходима длинная взлётно-посадочная полоса, которую было просто невозможно соорудить в горах.

Крах, казался, неминуем, когда молодой изобретатель по имени Тескватуайя, что значит: «*Человект, чьё сердце летит*», представил совету старейших своё новое изобретение – *летатетель*. Это было грубое деревянное подобие первых вертолётов, которое, по задумке конструктора, должно было принимать на борт 15 пассажиров и перевозить их по воздуху на расстояния около 200 километров. Идею одобрили, и изобретатель приступил к изготовлению надёжного двигателя, но не успел, так как в высотных городах вспыхнула эпидемия красной чумы. Всего за один месяц, две трети жителей погибли, а их тела превратились в чёрные, иссохшие, похожие на пепел мумии, которые разносил по горным ущельям ветер. Болезнь не щадила никого и тогда, оставшиеся в живых доронго в одну ночь покинули горы и двинулись к океану.

Что было дальше никому неизвестно. По одной версии, они сели на корабли и взяли курс на Океанию, где и поныне живут среди тысяч тропических островов. По другой, при помощи морских дельфинов, их дальних родственников, чей язык они всё ещё помнили, им удалось спуститься на морское дно и построить там город, дав тем самым основание для легенд об Атлантиде. Как бы то ни было, одно известно

точно – Тескватуайя не покинул родных стен. Он бродил по пустынным улицам среди порхающего серого пепла и думал о том, как ему усовершенствовать двигатель, чтобы его *летатель* взмыл ввысь и унёс бы его от смерти и забвения.

Он умер как и все, быстро и легко. И, так же как и все обратился в горсть пепла, которую ветер разнёс по мастерской, где громоздилась громада незаконченного деревянного монстра, который мог бы спасти древнюю, загадочную цивилизацию.

– Мне так жалко бедных сухопутных дельфинчиков, – всхлипнула Варя. – Это несправедливо!

– Увы, – развёл руками папа. – Их история драматична, но она не нова. Многие цивилизации сгинули в глубине веков, и теперь нам остаётся лишь гадать, были ли воздвигнуты их города и храмы руками людей или иных, более мудрых, но менее удачливых существ.

– Я надеюсь, дорогой, – внушительно сказала мама, подавая Варе носовой платок и бросая на папу сердитый взгляд, – что история древесных гномов не будет такой мрачной...

– О, да, конечно, – переполошился папа. – С гномами всё было совсем по-другому, не волнуйтесь. Знаете, с ними вечно приключаются всякие комичные истории, и этот случай не был исключением.

Папа заново протёр свои очки и ухмыльнулся.

– Всё началось с потопа. Точнее, гномы сами устроили потоп, когда перегородили подземный ручей неумелой дамбой.

Они рассчитывали всегда иметь под ругой небольшое водохранилище, для полива сладкой плесени, из которой они делали варенье. Однако, вместо того, чтобы посоветоваться с бобрами, всемирно известными специалистами по строительству плотин, гномы решили, что никакой премудрости тут нет, и они отлично управятся сами. (А надо сказать, что гномы очень недолголюбивают бобров: им вечно кажется, что те смотрят на них свысока...) В результате, после первого же небольшого дождя, подземный ручей располнел, как Степашка после обеда, смыл хилую преграду на своём пути и затопил весь склад сушёных светлячков...

– А зачем гномам сушёные светлячки? – спросила Варя, прекратив шмыгать носом.

– Чтобы освещать ими дорогу в темноте, – ответил папа. – Конечно они не такие яркие, как свечи, но зато куда более безопасные. Правильно высушенного светлячка нужно лишь слегка намочить в воде и готово – маленький зелёный фонарик освещает вам путь в течение нескольких часов. Намокшие от наводнения светлячки засветились все разом и бестолку сияли весь день точно россыпь изумрудов, после чего погасли и оставили гномов без света. Но и эту беду гномы наверняка пережили бы, не начнись ужасное землетрясение... Позже конечно выяснилось, что мимо просто пробежало большое стадо слонов, но гномы были настолько потрясены обрушившимися на них бедствиями, что кое-кто стал поговаривать о конце света...

Гномы вообще легко поддаются панике и те бедняги, о которых идёт речь, не были исключением. Стоило одному из них неосторожно ускорить шаг, как побежали все, а когда кто-то крикнул «Караул!», началось форменное столпотворение. Гномы носились в потёмках, сбивали друг друга с ног, охали, ахали, потирали вспухающие на лбах шишки и совершенно не знали что делать. Тут то и прозвучал призыв выбираться на поверхность, которому последовали все. Спешно схватив свои пожитки, целое поселение гномов бросилось по подземным коридорам наверх, выскочило наружу и, так как была ночь, и кругом было совершенно темно, не сбавляя шага, стало карабкаться вверх по огромному дереву, думая, что они всё ещё находятся под землёй.

Заря застала бедолаг высоко в кроне могучего баобаба, в сотне метрах от земли, которой даже не было видно сквозь плотную завесу листьев. Когда лучи солнца коснулись перепуганных обитателей подземелья, они в ужасе сжались в плотный комок и приготовились умереть, но... ничего не происходило. Солнце продолжало приятно пригревать, свежий ветерок шелестел в листве, а в дебрях листвы весело заливались птицы. Перекусив теми припасами, что были у них с собой и напившись росы скопившейся в больших листьях, гномы приободрились, так как нет более печального зрелища, нежели голодный гном вынутый из-под земли.

– А тут не так уж и плохо, – заметил кто-то. – Только глазам немного больно, точно в них светят факелом, но зато тут

тепло и не пахнет червями...

– Так то оно так, – пропыхтел другой гном, раскуривая свою трубку, – да только что мы будем есть на обед? У нас почти не осталось еды...

– Нужно тут всё хорошенько разведать, – предложили молодые гномы и отправились исследовать свой новый дом.

Само собой на самом баобабе они никакой еды не нашли, но спустившись ниже, обнаружили на соседних деревьях массу сладких фруктов. Раньше гномы только изредка лакомились ими, когда те падали на землю. Фрукты всегда были мятые, грязные, а подчас и гнилые, но сейчас, они могли срывать только самые сочные и красивые плоды и лакомиться ими, сколько их душе было угодно. Такая новость заставила замолчать даже самых мрачных скептиков, желающих поскорее вернуться под землю. Гномы удобно расположились среди ветвей и приступили к трапезе. Они успели изрядно набить животы, как вдруг, на них обрушился град гнилых персиков и мандаринов. То были местные мартышки, которым не понравилось соседство гномов. Он с самого утра наблюдали за ними из-за укрытия, не зная, что им предпринять, но увидев, что маленькие нахальные обезьянки в ярких костюмчиках и смешных колпачках воруют их фрукты, не выдержали и закидали их подпорченными плодами. Гномы спешно отступили и укрылись в большом дупле. Там они отёрли с себя фруктовую жижу и стали думать, что им делать дальше. Было очевидно, что мартышки теперь не

оставят их в покое и будут постоянно им досаждают, но как дать им отпор? Несколько гномов попытались также бросить в обезьян несколько апельсинов, но им явно не хватало сноровки. Мартышки обрушили на них шквал фруктов и гномы вновь отступили в дупло.

– Они слишком проворные, – сказал один гном, выковыривая из ушей персиковую кашицу. – Нам никак не совладать с ними. Они прыгают с ветки на ветку, прячутся за листвою, а затем внезапно выскакивают и метко бросают свои персики.

– Точно, – сказал второй, отплёвываясь от гнилого мандарина. – Они тут живут всю жизнь, а мы чужаки, того и гляди свалимся вниз. Нам лучше вернуться под землю. Вода скоро спадёт, и наши туннели высохнут. Да, там нет таких вкусных фруктов, но нет и этих несносных мартышек!

– А ещё, – заметил третий гном, потирая шишку на лбу, – нам мешает солнце, к которому мы не привыкли. Нет, нам точно не одолеть их...

– Пойдите, – сказал толстый гном, не жалевший возвращаться в холодные и мрачные туннели. – А что если поквитаться с ними ночью? Во мраке мы видим не хуже котом, а вот мартышки темноты боятся.

– Отличная идея! – поддержали его остальные. – Мы покажем этим хвостатым гномам как нас задирать. За дело, ребята, устроим им весёлую ночь!

Одни гномы принялись распускать свои шерстяные нос-

ки и вить из них тонкие, прочные верёвки, а другие, срезали несколько тонких ветвей и принялись мастерить свистки. К вечеру, всё было готово. Когда закат запылал над саванной, мартышки оставили гномов в покое и поспешили на соседнее дерево, где они всегда проводили ночь. Гномы, скрытно, двинулись за ними следом. Едва окончательно стемнело и мартышки уснули на ветвях, несколько проворных гномов тихонько подобралась к ним, и связали шерстяной верёвкой хвосты всей обезьяньей стаей воедино. После чего, каждый гном взял в рот по свистку и по команде толстого гнома дунул в него что есть мочи. Перепуганные мартышки устроили дикий переполох. Они прыгали, путались в чужих и собственных хвостах, кричали, визжали и, оборвав, наконец, связывающую их верёвку бросились врассыпную. Гномы поздравили себя с победой, и пошли спасать и с той поры лакомились свежими фруктами безо всяких неприятностей. Более того, если в округе появлялась новая стая обезьян, то стоило им только завидеть верёвку в руках хотя бы одного гнома, как они поднимали жуткий визг и спешно уносили ноги, так как знали, с этими странными существами шутки плохи. Ко всему прочему, гномы вскоре и сами выучились отменно бросаться фруктами и даже устраивали состязания по метанию груш.

Гномы легко научились устраивать себе дома из листьев и лиан, хотя, если была такая возможность, предпочитали селиться в дуплах. Жизнь под куполом неба пришлась им по

душе. Только некоторые из них так и не смогли привыкнуть к солнцу и ветру, и вернулись обратно, остальные же продолжили обустраивать свой баобаб и изучать окрестности, так как гномы ужасно любопытны. Но одно дело путешествовать по глубоким норам или ветвям деревьев, и совсем другое, спускаться на землю. Тут гномов ждали новые испытания и в первую очередь это были хищники.

Леопарды с удовольствием охотились на крохотных человечков, и гномов спасало только то, что в силу своих внушительных размеров, эти хищники не могли забраться на тонкие ветви, способные выдерживали вес гномов. Однако настоящим бичом стали сервалы. Эти небольшие, проворные кошки могли преследовать гномов буквально повсюду, и остановить их мог только дружный вооружённый отпор. К счастью, по части вооружения, гномы всегда были на высоте. У них имелись мечи и палицы, а для защиты от сервалов они сделали себе отличные копья и никогда с ними не расставались. Мало-помалу, гномы начали забывать о подземельях. Предания о том, что когда-то давно все они жили под землёй стали казаться сказками. Их слушали, удивлялись, немного боялись, но мало верили.

«Как можно вечно жить в холодных и мрачных норах, не видя солнца и звёзд, питаясь вареньем из плесени и оладьями из жуков? – вопрошала молодёжь. – Это просто сказки для малышей. Мы всегда жили на деревьях, собирали фрукты, бились с сервалами и металы в цель груши по большим

праздникам...»

Так, живя в кронах деревьев, гномы столкнулись с той же проблемой, что и сухопутные дельфины. Им необходимо было средство способное доставить их с одного, отдельно стоящего дерева, на другое, минуя при этом землю, где гномов поджидало немало опасностей. Отчасти, решение было найдено давно. Специальные плащи, которые носили гномы, позволяли им планировать меж деревьев, как это делали белки-летяги. Однако некоторые упитанные гномы (а таких было большинство, так как гномы обожали сладкое), не могли спланировать дальше своего носа и им требовалось нечто более внушительное, нежели простой кусок ткани за спиной. Так началась эпоха изобретений. Каких только странных приспособлений не придумали гномы, чтобы подняться в воздух. Это были прыгунки на деревянных пружинах, позволяющие скакать как кенгуру и подлетать на десятки метров. Затем появились подобия воздушных шаров, следом катапульты, позволяющие выстрелить гномом в направлении нужного дерева. Правда, если прицел был взят неверно, то бедняга, под общий хохот, улетал далеко в джунгли и возвращался обратно только под вечер весь исцарапанный и злой. Гномы пытались приделывать крылья себе на руки, приручать больших птиц, чтобы те носили их на спине и даже пытались парить над землёй при помощи одной только силы мысли, но лишь набили себе кучку синяков.

Наконец, после долгих лет мучений, всеобщее внимание

гномов завоевал новый проект под названием *вращекрыл*. Это был странный гибрид примитивного велосипеда и допотопного вертолѐта, где в качестве двигателя использовалась живая сила: четверо гномов одновременно крутили педали, чем приводили в действие четырёхпалый винт. Оболочка летательного аппарата была выполнена в виде корзины, что обеспечивало её лёгкость, хорошую вентиляцию, так как крутить педали на жаре было трудным занятием и эластичность, в случае если вращекрыл терял скорость и падал на землю. В целом, отдавая должное инженерному гению гномов, конструкция была весьма интересной, за одним исключением, поднять её в воздух никак не удавалось. Гномы меняли винты, корзины, увеличивали и уменьшали количество педалей, но всё было тщетно. В их расчёты явно закралась какая-то незначительная ошибка, но найти её так никому и не удавалось. В конце концов, идею вращекрыла забросили, и плетѐный прародитель вертолѐта остался висеть на ветвях гигантского баобаба, пугая птиц и служа детям качелями. Вскоре гномы создали канатную дорогу между деревьями и на этом окончательно похоронили свои мечты о покорении воздушной стихии. Впрочем, как мне иногда кажется, они не очень то и старались. Хоть древесные гномы и мнили себя особенными, в душе они всё равно оставались обычными гномами, которым уютная кровать и хороший обед дороже любых путешествий, пусть даже и на вертолѐте.

– Пап, пап, – спросил Серѐжа, – а когда люди придумали

вертолёт?

– Тут нет единого мнения, – ответил папа. – Одни говорят, что его придумали ещё в Древнем Китае, другие, что его автор Леонардо да Винчи, а я по-прежнему уверен, что это дело рук одного предприимчивого малого по имени Верто Леот, который, помимо изобретения вертолёта, придумал также губную гармошку, вареники и ботинки со шнурками. Как-нибудь расскажу и о нём!

Снегирь

– Ну-с, и сколько у нас там натикало?

Папа взял горячий градусник из рук Серёжи и присвистнул.

– Ого, 38,9! Да, милый мой, придётся тебе поскучать недельку-другую дома.

– А как же каникулы, – простонал Серёжа. – Я же всё пропущу!

– Ничего не поделаешь, – покачал головой папа. – С такой температурой и думать нечего о лыжах.

Дверь комнаты приоткрылась, и в образовавшуюся щель просунулись головы Вари и мамы. Степашка стоял позади, одетый в красный комбинезон и нетерпеливо переминался с ноги на ногу в ожидании долгой прогулки. Он любил снег и уже предвкушал, как он будет рыть в нём норы, разбрасывать лапами и есть.

– Сколько, – взволнованно спросила мама.

– Больше чем нужно, – ответил папа. – Не заходите, а то чего доброго тоже заразитесь.

– Значит, мы не пойдём в парк? – приуныла Варя.

– Вы идите, а я останусь, – сказал папа. – Тем более, что у меня после вчерашнего похода на каток до сих пор спина болит... Мы тут поболтаем, а вы берите лыжи и катайтесь на здоровье.

– Выздоровливай скорей, – сказала Варя брату. – Я принесу тебе пряников с ярмарки.

– Спасибо, – грустно пробубнил Серёжа. – Ненавижу болеть в каникулы!..

Когда лыжницы вместе со Степашкой ушли, папа принёс мальчику горячую воду с лимоном, лекарства и сел в старое кресло в углу комнаты.

– Да-а, скверно, скверно получилось... – пробормотал он, протирая очки. – Но, ничего. Знаешь, грипп это далеко не самое страшное в жизни, даже если ты заболел им во время каникул.

– Тебе легко говорить, – буркнул Серёжа, – ты можешь гулять, когда захочешь...

– Уверяю тебя, так было не всегда, – ответил папа, чему-то улыбаясь. – Далеко не всегда...

– Ты тоже болел в каникулы? – оживился Серёжа.

– О, – усмехнулся папа, – постоянно! Однажды я даже ухитрился попасть в больницу в летнем лагере, и почти всю

смену просидел взаперти. И знаешь, что было ужаснее всего? Окна моей палаты выходили прямо на футбольное поле, и пока остальные ребята носились с мячом, я вынужден был лежать в кровати, едва не плача от досады. Это был просто какой-то кошмар!

– Да, – сочувственно кивнул Серёжа. – А много вас было в палате?

– Я один, – захохотал папа. – Правда, в конце смены, ко мне на два дня «подселили» трёх ребят, которых покусали пчёлы. Я был так счастлив их компании, что начал рассказывать разные истории, чтобы повеселить их, и с тех пор вот никак не могу остановиться...

– А расскажи мне какую-нибудь историю сейчас, – попросил Серёжа.

– Охотно, – улыбнулся папа. – И хочу тебя сразу предупредить, что эта история совершенно правдивая, хотя кое-что в ней и кажется сказкой.

Папа водрузил отполированные до блеска очки себе на нос, откинулся в кресле и ненадолго замолчал, словно собираясь с мыслями.

– Это случилось почти тридцать лет назад. Один мальчик, к сожалению, я не помню его имени, очень сильно заболел и попал в больницу. Болезнь была такой опасной, что он провел там несколько месяцев, и всё это время его жизнь буквально висела на волоске. Доктора делали всё, что могли и сам главный врач, толстый и весёлый профессор, лично

каждое утро заходил в его палату, чтобы узнать, как идёт лечение. Последние недели были особенно трудными и мучительными. Мальчик почти постоянно был без сознания и его силы таяли. Врачи круглые сутки дежурили у его постели и бедные родители не находили себе места от тревоги за своего сына. Наконец, после долгих тревожных дней и бесконечных бессонных ночей, болезнь отступила, и его жизни больше не угрожала опасность. Все очень радовались этой победе, но, как оказалось, самое трудное испытание ждало их впереди.

Когда мальчик пришёл в себя, выяснилось, что правая половина его тела парализована, и он не может пошевелить ни правой ногой, ни правой рукой. В довершение всех бед, у него пропала речь, и хотя он всё отлично понимал, отвечать мог только знаками или неразборчивыми каракулями, которые он выводил левой рукой на листе бумаги. Врачи не теряли надежды, и давали мальчику множество лекарств, возили его на специальные процедуры, но, несмотря на некоторые улучшения, он по-прежнему не мог двигаться и разговаривать. Родители не отходили от мальчика не на шаг и тоже всячески пытались ему помочь, однако, всё было тщетно. Даже профессор разводил руками, говоря, что такое порой случается и что для полного выздоровления, иногда, требуются годы.

«Поймите, – говорил он родителям мальчика, – сама болезнь уже отступила, и теперь, всё зависит только от того, насколько страстно ваш сын вновь захочет научиться ходить»

и разговаривать. Никаких видимых препятствий для этого больше нет. Ему просто нужно поверить в свои силы...»

Меж тем, время шло, и за окном промелькнуло жаркое лето, затем закружились жёлтые листья, дождь застучал по стёклам, а потом, ночью, пошёл снег и к утру весь город стал сказочно белым. Не за горами был Новый год, и мальчик очень хотел встретить его дома, у настоящей ёлки с подарками и Дедом Морозом, но боялся, что, скорее всего, его мечтам не суждено сбыться, и ему придётся провести все праздники в больнице.

«Кажется, я уже никогда не смогу снова говорить и бегать, – думал он, печально глядя за проплывающими за окном снежинками. – Никогда... Никогда... Никогда»

От таких мыслей ему хотелось плакать, и он был угрюм и подавлен, и неохотно выполнял упражнения, которые ему прописал доктор. После отбоя, он подолгу лежал без сна, вглядываясь в снежную мглу за окном, и вспоминал своё прошлое, как он катался на коньках с друзьями, как строил снежные крепости, как играл в снежки и грустно вздыхал.

В один из таких вечеров, когда все посетители давно покинули здание, а пустые тарелки от ужина уже унесли на кухню, и вся больница затихала, готовясь ко сну, мальчику показалось, что в большое окно в углу его палаты кто-то тихонько стучит. Надо сказать, что трёх ребят, что лежали с ним, выписали ещё утром, и он остался совершенно один. Мальчик приподнялся на локте и попытался рассмотреть, кто бы

это мог быть, но никого не заметил. Как раз в эту минуту в палату вошла медсестра.

– Всё хорошо, – ласково спросила она. – Тебе ничего не нужно?

– Нет, спасибо, – ответил мальчик. – Только мне показалось, что кто-то стучится в моё окошко...

– Ну, это вряд ли, – засмеялась девушка, – ты же знаешь, мы на третьем этаже. Если только кто-то не бросил в него снежком...

Однако мальчик настаивал, и медсестра тщательно осмотрела все окна, но, конечно же, никого не обнаружила.

– Тебе, наверное, просто показалось, – сказала она, укутывая его одеялом. – Давай-ка я лучше открою фрамугу, чтобы проветрить палату на ночь, а ты полежи смирно. Я вернусь через пятнадцать минут и закрою окошко.

Она привычно приоткрыла одну фрамугу, выключила свет и вышла, чтобы навестить других пациентов. Мальчик лежал неподвижно и думал о загадочном стуке, как вдруг увидел пухлого красного снегиря, который влетел в окно и уселся на край фрамуги, стряхивая со своих перышек жемчужные снежинки. Затаив дыхание, чтобы не вспугнуть неожиданного гостя, мальчик осторожно наблюдал за яркой птицей, которая, похоже, чувствовал себя в его палате как дома. Закончив чистить свои яркие пёрышки, снегирь нахально огляделся, перелетел с фрамуги на подоконник, а оттуда на край тумбочки, где стояла открытая пачка овсяного

печенья, которую забыл убрать мальчик.

Покосившись на хозяина печенья, снегирь подскочил к пачке, отщипнул небольшой кусочек печенья и проворно проглотил. Очевидно, что печенье крайне ему понравилось, потому что он снова приблизился к угощению и раскрыл свой клювик.

– Вы не возражаете, если я возьму ещё один кусочек вашего изумительного печенья, – услышал мальчик, и настолько удивился, что чуть не подавился одеялом, которое было натянуто до самых глаз.

Не понимая, что собственно происходит, он замотал головой, давая понять, что он не против, и снегирь, насмешливо поклонившись, схватил новый кусок овсяного печенья и проворно проглотил его, а следом и ещё один.

– В жизни не ел такого чудесного печенья, – сказал снегирь, очищая клюв от крошек. – Знаете, когда идёт снег, очень трудно найти что-нибудь вкусненькое, кроме разве что, ягод рябины, вот я и подумал, раз уж вы так любезно развернули это угощение и открыли окно, то...

Снегирь всё говорил и говорил, но мальчик был будто во сне, не понимая, как это возможно и не мерещится ли ему всё это.

– ...Так, вам нравится снег?..

Вопрос повис в воздухе и снегирь, не получив ответа, вежливо откашлявшись, повторил его:

– Вы любите снег?..

Мальчик неопределённо замотал головой, а потом, неожиданно для себя тихо произнёс:

– Д-д-д-а-а... – и сам испугался звука своего голоса, показавшийся ему незнакомым и хриплым.

– Как я вас понимаю, – обрадовался снегирь и принялся расхаживать взад-вперёд по тумбочке. – Когда идёт снег, всё вокруг словно преображается! Это похоже на сказку. Да, на самую настоящую сказку! Ох, я так люблю снег!

Снегирь замер на секунду, чтобы удостовериться, что мальчик его слушает и, убедившись, что тот глаз с него не сводит, продолжил болтать.

– Сегодня мы всей семьёй купались в снегу. Вы не представляете, какое это удовольствие! После этого пёрышки такие чистые, такие сияющие, такие восхитительные! Это просто поразительно! Просто чудесно! А вы, любите купаться в снегу?..

Мальчик невольно улыбнулся. Да, он с друзьями любил купаться в снегу, прыгая в глубокие сугробы с забора, а потом прорывая в них длинные туннели. Он вспомнил морозную свежесть снежной пыли на языке и холод в заочеченных пальцах. Да, он *очень* любил купаться в снегу, но это было так давно, что теперь, он вообще не был уверен, было ли это правдой. Всё же, мальчик кивнул головой и с трудом произнёс очередное «да».

– Как славно, – подпрыгнул снегирь, – мы с вами любим одно и то же! Разве это не здорово?! Ах, как это приятно по-

болтать с кем-нибудь, кто тебя понимает. Не хочу ни о ком сказать ничего плохого, но когда я давеча болтал с воробьями, они показались мне немного...

Снегирь нахохлился и задумчиво покрутил головой.

– Словом, они ничего не понимают в жизни, вот! – закончил он радостно. – Всё, что их интересует, это горсть хлебных крошек, представляете? Воробьи очень, очень поверхностные птицы, скажу я вам... И такие все серые...

Снегирь важно надул свою красную грудку и ухватил ещё один кусочек печенья. Затем он исследовал пустой стакан, пакет с соком и тихонько чирикнул.

– Знаете, – сказал он, – мне ужасно жаль это говорить, но мне пора. Меня ждут дома. Если вы не возражаете, я навещу вас на днях. Быть может даже завтра. Было очень приятно познакомиться и поболтать с вами. Желаю Вам спокойной ночи.

Мальчик тоже хотел сказать снегiry спокойной ночи, но не смог. Вместо этого, у него получилось нечто вроде «С-с-спокннчъ», но даже эти звуки несказанно удивили его, так как он давно не произносил ничего подобного.

Снегирь был крайне галантен и сделал вид, что всё отлично понял. Он быстро вспорхнул на фрамугу, в последний раз окинул палату своим насмешливым взглядом и умчался в темноту, оставив мальчика в сомнениях, по поводу реальности всего произошедшего.

Когда сестра вернулась, мальчик сделал вид, что уснул, но

едва она вышла, он снова открыл глаза и долго лежал глядя в потемневшее окно, тихо повторяя первое слово, которое он наконец-то смог произнести.

– Д-д-да, д-да, дд-да, – бормотал он. – Д-а-а, дд-а, д-да.

К полуночи у него так болел язык и губы, словно он целый день произносил длинные речи, но он был необыкновенно счастлив и спал спокойно и глубоко.

На следующее утро, на привычный вопрос главного врача, «хорошо ли он чувствует себя сегодня», мальчик, неожиданно для всех, почти не заикаясь, ответил «да» и эта новость мгновенно облетела всю больницу и вызвала слёзы в глазах родителей, когда им это сообщили.

– Кажется, дело сдвинулось с мёртвой точки, – сказал профессор, радостно потирая руки. – Продолжайте в том же духе, молодой человек и Новый год вы будете встречать дома. Кстати, я прописал вам новые процедуры, которые, я уверен, помогут вам подняться на ноги. По правде говоря, они не очень-то приятные, но вы должны терпеть и делать всё как положено, потому что теперь, всё зависит только от вас. Договорились?

– Д-да, – ответил мальчик. – Да! Да!

– Чудесно, – засмеялся врач, держась за свой внушительный живот. – Просто превосходно. С таким настроем, вы точно скоро поправитесь. Совершенно точно.

Врач ушёл, а мальчик, позавтракав, отправился на процедуры, которые и впрямь оказались болезненными, но он

стойко терпел боль и сделал даже немного больше упражнений чем его просили. Все были рады переменам, но, до полного выздоровления было ещё очень и очень далеко и к вечеру, мальчик снова приуныл.

«Что толку, что я могу говорить «да»? – размышлял он. – Даже если я буду учить по одному слову каждый день, я не заговорю и через год! И моя нога и рука... Они совсем хотят не шевелиться... Врачи говорят, что они просто разучились двигаться, и никакой болезни больше нет, но я не могу приказать им даже чуть-чуть приподняться... Всё напрасно... Я навсегда останусь калекой и не смогу бегать и болтать с моими друзьями...»

Он был так погружён в свои печальные мысли, что даже не заметил, как сестра открыла окно и вышла из палаты, а минутой позже, на его тумбочке кто-то тихонько чихнул.

– Простите, – смущённо прочирикал снегирь, когда мальчик удивленно уставился на него, не веря своим глазам. – Я вас не потревожил? Кажется, я немного простыл сегодня, когда летал по парку. Там был такой жуткий ветер, что все кормушки перевернуло вверх дном и семечки высыпались на снег. Пришлось искать их вместе с синицами, а они, да будет вам известно, очень любят задирать нос. Им кажется, что если у них жёлто-зелёная грудка, то они самые красивые птицы на свете и все должны им уступать. Мы чуть не поссорились, вы представляете?

Снегирь взъерошил свои перышки и хитро осмотрел тум-

бочку. В этот раз на ней не было ничего вкусного и мальчик, поняв, чего хочет птичка, потянулся в ящик тумбочки. Ему было очень неудобно действовать только одной левой рукой, и он никак не мог открыть упаковку вафель. Наконец, видя, что снегирь проявляет нетерпение и, не желая обидеть необычного гостя, он положил пачку вафель под правую руку и легонько прижал её. Ему показалось, что рука слабо отозвалась, но у него не было времени разбираться. Он быстро вытащил вафлю и раскрошил её на тумбочке.

– Большое спасибо, – сказал снегирь, принимаясь за угощение. – Какие замечательные вафли. Они ведь с шоколадом, верно?

– В-верр-но, – не задумываясь ответил мальчик. – С-с-сшккладдом.

– Как славно, – прочирикал снегирь. – Шоколадные вафли мои любимые. Это было очень мило с вашей стороны предложить мне их. Знаете, вечером иногда ужасно хочется чего-то сладенького...

Снегирь беззаботно прыгал по тумбочке ещё минут десять, болтая о том о сём, а потом вновь стал прощаться.

– Премного благодарен за угощение, – сказал он, подбирая последние крошки. – Рад был Вас повидать. Спокойной ночи!

«Спокойной ночи!» хотел ответить мальчик, но у него опять вышло только «С-с-спокннчъ». Однако снегирь снова всё отлично понял и, помахав на прощанье крылышком, уле-

тел в окно.

«Завтра, я обязательно скажу снегирю «Спокойной ночи», – решил мальчик, глядя вслед снегирю. – Я буду тренироваться весь день, и у меня получится. А ещё, я помашу ему рукой. Да, обязательно помашу. Я справлюсь. Я смогу!...»

Полный решимости сдержать своё обещание, он немедленно начал повторять заветные слова, попутно, с помощью своей левой руки, поднимать свою правую руку и махать ей. К полуночи он опять порядком утомился, но ему показалось, что он может шевелить большим пальцем на правой руке.

«Я смогу, – повторял он про себя, засыпая. – Я смогу. Я смогу...»

Весь следующий день, после тяжёлых процедур, как только он оставался один, мальчик тихонечко повторял новые слова, готовясь к вечерней встрече, и пытался шевелить пальцами правой руки. К вечеру, ему удалось согнуть руку, но она была такой слабой, что он не мог удержать в ней даже маленький карандаш. Однако, оперев локоть в подушку, мальчик мог слабо помахать ею, и был бесконечно горд своими успехами.

Он с трудом дождался ужина и проглотил его в один миг, а потом, с нетерпением стал ждать отбоя, держа наготове мятный пряник.

Едва сестра удалилась, и морозный воздух стал проникать в палату, снегирь впорхнул внутрь и сел на своё место.

– Приветствую вас, – сказал он, расшаркиваясь с видом

знатного вельможи. – Как ваши дела?

– Хорошо, – без запинки ответил мальчик и даже засмеялся от того, с какой лёгкостью ему далось это слово. – Всё хорошо!

– Превосходно, – ответил снегирь, косясь на угощение.

– У-г-го-шайт-тесь, – сказал мальчик, пододвигая лакомство гостю. – Э-т-т-то п-п-ряник... Мя-мя-т-т-тный...

– Благодарю вас, – прошептал снегирь, и принялся за еду. – Какой великолепный вкус! И как он освежает! Признаюсь честно, мятые пряники, это моя слабость. Буквально сегодня, у меня была возможность угостится кусочком пряника в парке, но какая-то нахальная галка украла его у меня! Конечно, я мог бы её показать, что к чему, но решил не тратить попусту силы... От этих галок вечно одни неприятности.

Когда настало время прощаться, мальчик, немного волнуясь, произнёс:

– Р-рад был в-вас снов-ва вид-дет-ть. Спокойной ночи.

Затем, он согнул свою правую руку и несколько раз махнул ей.

– Спокойной ночи, – ответил снегирь. – Скоро увидимся! – и улетел.

Целую неделю снегирь навешал мальчика вечерами и вскоре, они могли запросто болтать, обсуждая птичьи новости. Благодаря настойчивости мальчика и его мужеству во время неприятных процедур, его рука быстро крепла, и он

уже мог держать в ней кусок хлеба. С каждым днём, пальцы на ней становились всё послушнее и послушнее. Родители мальчика были счастливы, хотя одна вещь всё же омрачала горизонт – мальчик по-прежнему не мог ходить. Его правая нога отказывалась повиноваться ему, а левая, настолько ослабла без дела, что от неё тоже было мало толку.

– Ничего, – успокаивал его профессор, – всё придёт в норму. Ты должен хорошенько тренироваться и помнить, моё обещание.

– Какое? – спросил мальчик.

– Я отпущу тебя домой на Новый год, если ты сможешь пройти до окна, держась за кровати, – ответил профессор.

– Ч-честно?

– Клянусь, – усмехнулся профессор поднимая руку.

Эти слова ещё пуще подстегнули мальчика.

«Я смогу пройти до окна, – говорил он себе целыми днями напролёт. – Я смогу. Я пройду до окна и встречу Новый год дома. Я справлюсь. У меня всё получится...»

Однако, он никому не сказал о своём намерении, даже своим родителям. Мальчик видел, что при всей их любви, они не верили, что он, за оставшиеся до праздника десять дней, сможет встать на ноги. Они очень боялись, что у него закружится голова, и он упадёт, и от этого, ему будет ещё хуже. Он поделился своим планом только со своим новым другом, и тот не обманул его надежд.

– Тут нет ничего особенного, – сказал снегирь, лакомясь

кусочком творожной запеканки. – Всего-то десять шагов. Пустяк! Только и нужно, что каждый день делать на один шаг больше и всё будет в порядке. Вы справитесь. Я уверен. Ах, как же я люблю творожную запеканку! У Вас, случайно, не осталось ещё одного кусочка?..

– Но если у меня закружится голова, – спросил мальчик, протягивая снегирю ещё один кусочек запеканки, которую он припрятал с ужина. – Что тогда?

– Вам просто нужно регулярно тренироваться, – ответила птичка. – Знаете, когда я был маленький и выглядывал из гнезда, у меня тоже кружилась голова. Все мои братья и сёстры давно летали, а я всё сидел в гнезде и звал маму. Но однажды, я отважился и выбрался на сук, который был неподалёку и странное дело, моя голова стала кружиться гораздо меньше, так что тем же вечером, я совершил свой первый полёт на соседнюю ветку. Да, тут всё дело в тренировке.

Попрощавшись с другом и, дождавшись когда в больнице всё окончательно стихнет, мальчик сел на кровати и свесил с неё ноги. От этого простого усилия его голова действительно закружилась, и он вцепился обеими руками в одеяло.

– Я смогу, – шептал он, стиснув зубы. – У меня получится. Я дойду до окна. Дойду. Дойду. Я Должен!

Спустя несколько минут, головокружение прекратилось, и он лёг обратно, но лишь за тем, чтобы снова сесть и этот раз голова кружилась уже меньше. Мальчик проделал эту операцию много раз, пока не свалился от усталости и не уснул,

приняв решение завтра, во что бы то ни стало, встать на ноги.

Через три дня, мальчик мог не только стоять, но и, опираясь на кровать, медленно обходить её вокруг, с трудом переставляя дрожащие ноги. Порой, ему было очень трудно, и несколько раз он даже плакал и хотел всё бросить и лечь, но затем, он представлял себе Новогоднюю ёлку в своём доме, счастливые лица родителей, подарки и продолжал ходить.

На пятый день, он показал свои достижения снегирию и, легонько держась за спинку кровати одной рукой, смог сделать целых 4 шага.

– У меня совсем не кружится голова, – говорил он. – Только ноги точно ватные, но это не беда. Мне осталось всего 6 шагов! Я смогу...

– Разумеется, – радостно щебетал снегирь, с полным клювом сдобной булки. – У просто уверен, что у Вас всё получится! Нужно только не сдаваться.

Однако, на восьмой день, когда до Нового года оставалось совсем ничего, мальчик мог делать только 6 шагов и ни одним шагом больше. Как только он поднимал ногу для седьмого, его охватывал такой страх, что он вынужден был присаживаться на ближайшую кровать и утирал пот.

– Ничего не выйдет, – горестно сказал он снегирию, который наблюдал за его потугами. – Я не успею дойти до окна. Это слишком далеко для меня. Слишком далеко...

– Не печальтесь, – успокаивал его снегирь. – У вас ещё есть время. Всё ещё может получиться. Быть может врачу

будет достаточно и шести шагов.

– Нет, – замотал головой мальчик, возвращаясь в кровать. – Ему нужно чтобы я дошёл до окна и точка...

Друзья так разболтались, что не слышали шаги медсестры в коридоре, и когда она вошла в палату, снегирию ничего не оставалось, как только быстро юркнуть под тумбочку и затаится. Девушка плотно закрыла окно, пожелала мальчику спокойной ночи и ушла, оставив товарищей в неприятной ситуации.

– Какой ужас, – зачирикал снегирь, выбравшись из своего укрытия. – Мне нужно срочно лететь домой, кормить детишек, а я не могу выбраться. Что же нам делать? Может быть, вы попросите медсестру ещё раз открыть ненадолго окно и я улечу?

– Не выйдет, – ответил мальчик. – В больнице строгий порядок. Если она опять откроет окно на ночь, её будут ругать. Нет, она не согласится.

– Но как же быть, – волновался снегирь. – Мне обязательно нужно попасть домой и отнести детишкам крошки лакомства, что вы мне сегодня преподнесли. Они ждут меня!

Мальчик ничего не ответил, но решительно откинул одеяло и сел на кровати.

– Я сам открою окно! – сказал он. – Я смогу.

– Вы, – изумился снегирь. – Но вы же сами сказали, что это слишком далеко!

– Ну и что, – упрямо повторил мальчик. – Я сам открою.

Я справлюсь.

– О, я буду вам невероятно благодарен, – воскликнул снегирь. – Я расскажу про этот подвиг всем птицам во дворе. Даже голубям, хотя они и глупы как куры... Вы такой храбрый!

Мальчик встал и двинулся к окну. Первые шесть шагов дались ему сравнительно легко, но седьмой снова заставил его сердце отчаянно колотиться. Он почувствовал, как его ноги задрожали, и он почти сдался, когда вспомнил о малышах, поджидающих его друга в гнезде.

«Я должен помочь своему товарищу, – сказал себе мальчик. – Должен. Он мой друг. Он верит в меня. Я обещал...»

Превозмогая страх, он сделал ещё один шаг, и ничего ужасного не случилось. Ему даже показалось, что он дался ему проще, чем первый. Обрадованный, он сделал ещё один шаг, ещё, ещё один и коснулся руками подоконника.

– Чудесно, просто чудесно, – суетился вокруг него снегирь. – Это просто подвиг. Настоящий подвиг!

Мальчик глянул вниз и впервые увидел больничный двор, машины скорой помощи и часть жилого дома. Во многих окнах уже светились гирлянды и от их вида у мальчика потекли слёзы.

– Я должен попасть домой! – прошептал он. – Должен! И я попаду!

– Конечно, конечно, – согласился снегирь, севший ему на плечо. – Но сначала, пожалуйста, сделайте так, что бы и я

смог попасть домой...

Мальчик посмотрел вверх, на фрамугу, а затем поискал палку с крючком, которой её открывали и закрывали. Палка стояла в углу, а это означало ещё пять шагов туда и пять обратно.

– Я смогу, – сказал мальчик и двинулся в угол. – Я смогу. Да.

Вооружившись палкой и вернувшись обратно, он поднял её и зацепил крючок за металлическую петлю фрамуги.

– Приготовься, – сказал он снегирию. – Как только я дёрну – лети!

– Я готов, – ответил снегирь.

Мальчик, крепко обхватил палку и потянул её вниз. Фрамуга с грохотом открылась и снегирь выпорхнул наружу.

– До свидания! – сказал мальчик, спешно ставя палку в угол.

– До свидания, – отозвался снегирь. – Ещё увидимся!

Когда сестра прибежала на грохот, то увидела что мальчик сидит в своей кровати и трёт глаза, будто он только что проснулся.

– Что случилось, – спросила девушка.

– Я не знаю, – ответил мальчик зевая. – Я уснул, а она вдруг загрохотала и открылась... Наверное, это ветер...

– Ветер, – с сомнением покачала головой медсестра. – Очень странный ветер...

Она снова закрыла окно, подергала для надёжности ручку

и вышла, бросив на мальчика подозрительный взгляд. Мальчик улыбнулся, лёг на спину и заснул.

– Ну-с, молодой человек, – приветствовал его профессор на утреннем обходе. – Ка Ваши дела? Как самочувствие? Как настроение?

– Отличное, – почти крикнул мальчик.

– Славно, славно, – улыбнулся доктор, осматривая его руки и ноги. – Я вижу большие успехи. Я бы даже сказал просто поразительные успехи. Похоже, эти новые процедуры творят чудеса... А ну ка, сожми мою руку. Ого! Так, так, так...

Профессор задумчиво посмотрел на мальчика.

– А знаешь, – сказал он внезапно, – пожалуй, пора отправлять тебя домой. Да. Встретишь Новый год дома. Сестра, отметьте его на выписку.

Глядя на втянувшееся лицо мальчика профессор нахмурился:

– Ты что-то не рад, как я погляжу. Что-то не так?..

– Я рад, – смущённо пробормотал сбитый с толку мальчик, – просто вы же говорили, что я должен пройти до окна, чтобы попасть домой...

– Вот и потренируешься дома, – ответил профессор, – а к нам будешь приезжать на процедуры. Думаю через месяц, ты уже сможешь ходить...

– Но я уже могу!

Профессор улыбнулся и подмигнул медсестре.

– Каков герой, а?! На выписку его...

Он отвернулся и хотел уже выйти из палаты, когда мальчик откинул одеяло и вскочил на ноги.

– Но я и вправду могу ходить! – крикнул он. – Вот, смотрите!

Он сделал пару шагов, но врач тут же подхватил его под руки и усадил на кровать.

– Ни в коем случае так не делай, – сказал он. – Ты слишком долго лежал. У тебя может закружиться голова и ты упадёшь. Тебе нужно учиться ходить понемногу. По шагу в день.

– Но я и так уже давно тренируюсь, – ответил мальчик и подробно рассказал профессору о том, как он учился ходить, умолчав только о говорящем снегире. Он по опыту знал, что взрослые не очень-то верят в подобные истории.

– Невероятно! – воскликнул профессор. – Просто невероятно! Да, теперь я просто обязан выписать тебя. И знаешь, хотя мы все очень к тебе привязались, я очень рад, что ты уезжаешь. Завтра утром, ты отправишься домой, а пока отдохни и пообещай, что больше не будешь ходить один. Это может быть опасно. Обещаешь?

Да, – радостно ответил мальчик. – И спасибо вам большое!

– Не-е-ет, – скромно отмахнулся профессор, – это всё твоя заслуга. Если бы не твоя решимость, никакие процедуры и лекарства не поставили бы тебя на ноги, уж поверь моему слову.

Весь день мальчик принимал поздравления, а его роди-

тели были просто на седьмом небе от счастья. Они даже ушли пораньше, чтобы успеть всё подготовить к завтрашнему празднику. Мальчик с нетерпением ждал вечера, чтобы обрадовать своего друга и договорится с ним о новой встрече, у него на балконе. Он уже рисовал в своём воображении, какую чудесную кормушку он сделает ему вместе с папой, и какие замечательные лакомства будет туда класть, но его планам не суждено было сбыться. Во второй половине дня пошёл густой снег и все в больнице, кроме мальчика, обрадовались ему и говорили что от этого снега у них праздничное настроение. Снег становился всё гуще и гуще, пока не превратился в настоящий буран, и стало понятно, что в такое ненастье ни одна птичка не сможет летать. Всё же, мальчик надеялся и с трепетом ждал своего друга у открытого окна, пока медсестра не прогнала его, сказав, что если у него поднимется температура, то он останется в больнице ещё на неделю. Она закрыла окно и выключила свет, но мальчик всё равно не спал и всё глядел в заснеженные окна, и ждал, и надеялся, но снегирь так и не прилетел...

– И что же было дальше, – спросил Серёжа.

– Дальше... – эхом отозвался папа. – Дальше, мальчик уснул, а когда проснулся, то у него было столько забот, что он забыл обо всём на свете. Он сердечно попрощался со всеми врачами, подарил всем медсёстрам по небольшому новогоднему подарку и поехал с родителями домой, где его ждала большая ёлка и очаровательный чёрный котёнок Куся, о ко-

тором давно всегда мечтал. Это был самый счастливый Новый год в их семье, и они даже водили хоровод вокруг ёлочки, а Куся играл с мишурой и что-то мурлыкал.

На следующий день, несмотря на усталость и массу новых впечатлений, мальчик подошёл к папе и сказал, что ему нужны дощечки, пила, гвозди и молоток.

– Но зачем, – удивился отец.

– Я хочу сделать кормушку, – ответил мальчик.

– Для кого?

– Для одного моего друга, – сказал мальчик.

– Ладно, – кивнул отец. – А ты уверен, что он прилетит?

– Уверен, – улыбнулся мальчик. – Я оставил ему на карнизе записку с нашим адресом и целой шоколадной вафлей. Он обязательно заметит её и прилети. Обязательно...

– И он прилетел? – спросил Серёжа.

– Трудно сказать, – задумчиво ответил папа. – Я видел там много разных птиц, в том числе и снегирей... Я хотел сказать, тот мальчик, чьего имени я не помню, видел их... Птицы постоянно прилетали к нему на балкон, и не раз ему казалось, что один пухлый снегирь смотрит на него как-то уж очень хитро, но, он не мог впустить его внутрь, потому что проказник Куся мог запросто схватить его за хвост. Он просто махал ему правой рукой, а потом шёл делать уроки, потому что ему нужно нагонять своих товарищей в школе.

Капитан Жиробас

– Итак, – провозгласил папа, – давайте смотреть, кто что поймал. Варвара, что у тебя?

– Четыре окуня, плотва и три карасика, – гордо заявила Варя, выкладывая свой улов на траву.

– Недурно, недурно, – сказал папа. – Серёжа?

– У меня шесть окуней, три плотвы и четыре карася, – ответил Серёжа. – И ещё одного окуня утащил Степашка и он удрал обратно в реку.

– Неплохо, – кивнул папа. – Кто следующий?

– Я, – выступила вперёд мама. – У меня, правда, одни караси, но зато целых семь штук. А что у тебя?

– А у меня... – пробурчал папа, потирая нос. – мне попалось плохое место. Всего один карась и два окуня. Но у меня сорвалась какая-то огромная рыбина! У меня даже леска лопнула!

– Видел я эту рыбину, – хмыкнул Серёжа. – Это коряга, пап, там их полно, я же тебе говорил...

– Я точно видел огромную рыбину, – продолжал настаивать папа. – Наверняка это был гигантский сом... Короче, мне не повезло.

– Как обычно, дорогой, – усмехнулась мама, вынимая из рюкзака плед и сумку с едой. – Но в любом случае, нам пора подкрепиться и трогаться в обратный путь. Скоро будет слишком жарко.

Они удобно устроились на цветастом пледе и приступили

к завтраку.

– И всё же я продолжаю утверждать, что это был огромный сом, – сказал папа спустя пять минут, с аппетитом вгрызаясь в многослойный бутерброд. – Он ещё подмигнул мне и показал хвостом кукиш. Просто ужас, какие невоспитанные стали эти сомы... Хоть на рыбалку не ходи.

Папа сделал внушительный глоток ягодного морса и вновь откусил кусок от своего исполинского бутерброда.

– Завтрак достойный самого Жиробаса! – пробурчал он с набитым ртом.

– Кого-кого? – не поняла мама.

– Жиробаса! – ответил папа и от души рассмеялся. – Так звали одного моряка, который очень любил покушать, но при этом, желал быть стройным и подтянутым, а потому, плывал вокруг света на своём фрегате «Обжора», в поисках чудодейственных средств для похудения.

– А зачем? – спросила Варя.

– Чтобы есть и не толстеть, конечно же, – ответил папа.

– Но разве так можно? – удивилась девочка.

– Нет, конечно, – улыбнулся папа, – но капитан Жиробас был иного мнения на этот счёт и продолжал есть за троих, а потом выслушивал советы всяких прохиндеев, слетавшихся к нему как мухи на сахар, и в один голос утверждавших, что только они способны вернуть ему былую стройность и удобу.

– Ну-ка, ну-ка, – заинтересовалась мама, – расскажи нам

поподробнее об этом Жиробасе.

– Легко, – ответил папа. – Всю свою жизнь капитан Жиробас провёл на торговом судне, а когда ему исполнилось 50 лет, он получил наследство от своего дядюшки и отошёл от дел. От скуки, капитан начал много есть и всего за пару лет превратился в настоящего обжору, которому приходилось перешивать все свои вещи каждый месяц, так как в старые он больше не влезал.

– Сорок три рябчика мне в яичницу, – ругался он, разглядывая себя в зеркало. – Эти штаны опять мне малы! Что за напасть, три бегемота мне в подушку! Эй, Самсон, отнеси мои штаны к портному и скажи что б на этот раз, он сделал их не на два, а на четыре размера больше. И принеси мне наконец-то что-нибудь поесть, лодырь ты эдакий, семь ядер тебе в сахарницу!

Самсон, высокий и тощий точно жердь малый, брезгливо поджав губы вкатывал тележку с едой, забирал штаны и удалялся, бормоча себе под нос:

– Кто бы говорил, проклятый обжора... Только и делаешь, что ешь да спишь...

Тем временем, капитан Жиробас, скидывал треснувшие штаны и снова нырял в свою тёплую постели, чтобы приступить к «лёгкому» перекусу, предшествующему первому завтраку. Он неспешно съедал дюжину сырников со сметаной, выпивал кувшин молока, проглатывал головку сыра, крендель с маком, рулет с повидлом, десяток крутых яиц и огром-

ную чашку какао, после чего, дремал ещё немного, чтобы набраться сил.

Около 10 утра он вновь открывал глаза, сладко тянулся и дёргал за шнур, который приводил в действие колокол, подвешенный на кухне.

– Эй, вы, бездельники, – вопил он. – Сорок три холодных осьминога вам подмышку, пошевеливайтесь, если не хотите чтобы я умер с голода! Где мой завтрак?!

Дом приходил в движение и спустя несколько минут, на столе капитана появлялась груда яств.

– Отсохни моя бизань, если я вечно буду терпеть таких ленивых слуг, – гремел капитан и принимался за еду.

В этот раз он ел более основательно. Омлет из 20 яиц, творожная запеканка, пирог с крольчатинной, пудинг, поднос шоколадного печенья, ещё один кувшин молока, сливочное мороженое с фисташками и три больших кофейника кофе.

– Разрази меня синяя каракатица, если я сегодня ещё хоть раз притронусь к еде, – ревел Жиробас. – Эй, Самсон, я запрещаю тебе приносить мне сегодня ещё еду, чтобы я не говорил, черепаху мне в компот. Ты понял меня?

– Понял, понял, – отвечал слуга и шёл на кухню, чтобы проверить, всё ли готово ко второму завтраку.

Жиробас же, сытно охая и поглаживая своё толстое пузо, выходил на веранду, садился на кресло качалку, брал в руки газету и закуривал трубку. Он сидел там около полутора часов, после чего, начинал подавать первые признаки беспо-

койства.

– Самсон, – кричал он. – Самсон, тайфун тебе в ноздри, принеси мне лимонад и крекеры. У меня что-то першит в горле...

– Но капитан, – вяло протестовал слуга, – вы запретили мне приносить вам еду...

– Что?! – взрывался Жиробас. – Бунт на корабле?! Семь тысяч омлетов тебе в брюхо, а ну пошевеливайся или я велю выбросить тебя за борт!

– Бросайте... – отвечал Самсон, разглядывая сад.

– Ах ты, мерзавец, пралине тебе в ботинки, – неистовал капитан. – Вон с глаз моих! Вон!

Самсон удался и говорил повару, чтобы всё было готово к 12-00.

Ровно в полдень, умирающий с голода капитан Жиробас бросался в гостиную, срывал со стены свою старую морскую саблю и, размахивая ей над головой орал:

– Сию минуту подать мне мой второй завтрак, камбалу вам в варежки или я за себя не ручаюсь!!!

В тот же миг, двери столовой распахивались и капитан, бросался к столу, урча, точно сотня голодных котов. Он спешно уминал полсотни вареников с картофелем, съедал пару салатов, холодное мясо с зеленью, дюжину сосисок, несколько сэндвичей с тунцом, сыром, крабами, сёмгой, анчоусами, ветчиной и горчицей, выпивал два литра чая и заморив червячка, уже спокойно лакомился пирожными.

– 30 вафель вам вместо паруса, бездельники... – беззлобно ругался капитан, отправляясь на предобеденную прогулку по своему саду. – Вечно приходится их погонять, чтобы не умереть с голоду, банку шпрот им на галстук...

Прогулка занимала около пятнадцати минут, после чего, запыхавшийся капитан тяжело опускался на скамейку в дальнем углу парка и перекусывал орешками в шоколаде, которые предусмотрительно брал с собой. Он любовался цветами, небом, травой, вспоминал свои морские приключения, и ему становилось грустно.

– Морскую капусту мне в бороду... – бормотал он, принимаясь за третий пакетик орешков. – Я завяз на это отмели, точно баржа с кривым лоцманом и мой киль всё глубже уходит в песок... Надо что-то делать, 14 кашалотов мне в трубку, или я совсем раскисну...

Грусть становилась такой сильной, что капитан Жиробас вскакивал с места и бежал к дому, где его уже поджидал горячий обед.

– Наконец-то вы расстарались, черти сухопутные, стаю медуз мне на камбуз, – радостно басил капитан и окунал ложку в черепаховый суп, за которым следовала уха, потом рассольник, далее жаркое с печёным картофелем, затем тушёное мясо, фаршированная рыба, спагетти с мидиями, пирог с грибами, икра, шашлык, торт Наполеон, булочки с мёдом, конфеты и бочонок кваса.

От такого обеда даже капитан Жиробас начинал чувство-

вать лёгкое удушье, поэтому сразу же ложился на кушетку и переживал приступы икоты и изжоги, перечитывая приключения Робинзона Крузо.

– 60 сардин мне в печень, – бормотал он, охая и ворочаясь с боку на бок, – может отложить ужин? Да, пожалуй, так я и сделаю... Самсон, дармоед ты эдакий, я же приказал тебе не кормить меня, ржавый якорь тебе в какао! Заруби себе на носу – никакого ужина сегодня, слышишь меня, три с половиной кита тебе в селезёнку?!

– Слышу, – отвечал Самсон, только что вернувшийся с кухни, чтобы проверить хорошо ли промариновался молочный поросёнок и готов ли крем для эклеров.

– А раз слышишь, 500 вёсел мне в борщ, принеси мне мои пистолеты, чтобы я смог застрелить тебя, если ты принесёшь мне хотя бы одну только хлебную корку!

– Хорошо, – кивал Самсон, и шёл за пистолетами, в которых вместо пороха давно был насыпан перец, а вместо пуль, лесные орехи.

– Смотри у меня, негодник, макароны мне в тельняшку, – потрясал пистолетами капитан. – Только покажись мне со своим ужином и я сделаю из тебя решето, камбалу мне в эскимо!

Но к семи часам вечера голод становился невыносимым и Жиробас воздевал руки к небу:

– Самсон, 824 мокрых тюленя тебе за пазуху, где мой ужин?!

– Вы запретили мне кормить вас, капитан, – отзывался слуга.

– Немедленно неси мой ужин или сделаю из тебя сито, куриный бульон тебе в уши, – кричал капитан. – Живо!

Двери столовой вновь гостеприимно распахивались, и капитан устремлялся внутрь, чтобы отведать поросёнка с гречневой кашей, филе угря, пельмени с бараниной, огромную пиццу, три дюжины различных эклеров, фруктовое желе, пахлаву, пряники и сладкий сидр.

– 10 пудингов мне на мачту, это был роскошный ужин, лодыри, – веселился капитан. – Помогите мне встать и дойти до капитанского мостика, и смотрите, не отдавайте мне ключ от погреба до утра, а не то я разорву вас в клочья, шпангоут мне в кофе!

Капитан ложился в постель и вскоре засыпал, но около полуночи, в его комнате зажигалась свеча и он, тяжело топя босыми ногами, начинал спускаться по скрипучей лестнице, ведущей в подвал.

– Канальи, разрази вас всех цунами, – слышалось оттуда спустя минуту. – Кто спрятал ключ от моего погреба, сто крабов вам на зубную щётку?! Самсон?!

– Да, капитан... – слышался сонный голос слуги.

– Кто украл мой ключ от погреба, 50 русалок мне в трюмы, отвечай немедленно?

– Вы сами мне его отдали, перед тем как лечь спать, – отвечал Самсон.

– Ложь, горчицу мне в арбузы! – ревел Жиробас. – немедленно отдай мне ключ, который ты подло украл или я насажу тебя на вертел как куропатку, море мне в боты!

Ключ перекочёвывал в руки капитана и тот, трясущимися от голода руками, вскрыл замок и ринулся в погреб, где с потолка свисали колбасы, свиные окорока, грозди сарделек, а в дальнем углу, меж банок с паштетом и соленьями, белели головки сыра.

– Абордаж вам вместо сала, – бормотал капитан, спешно сооружая себе огромный сэндвич со всем, что попало под руку. – Это ж надо такое удумать, пытаться уморить голодом своего собственного капитана, искусай меня приборой... Глаз да глаз за этими прохвостами, винегрет мне на румпель...

Капитан съедал несколько сэндвичей, каждый размером с большую дыню, затем отгрызал десяток сарделек, глодал окорок, резал колбасу, сыр, лакомился паштетом и только после этого (прихватив с собой пару фунтов изюма), покидал погреб и ложился спать, чтобы на следующее утро начать всё с начала.

И вот однажды, на третьем году такой жизни, капитан Жиробас проснулся раньше обычного, по причине того, что его кровать проломил пол и рухнула на первый этаж. Это было последней каплей.

– Холодец вам за шиворот, я этого больше не потерплю! – воскликнул капитан, силясь встать с обломков кровати без

посторонней помощи. – Самсон, мошенник, где тебя носит, сотню чаек тебе в брюки, помоги мне встать немедленно!

Самсон с трудом поднял хозяина и тот с удивлением огляделся.

– Вот так кораблекрушение, семь груш мне под килем. Похоже, мой дом совсем прогнил, раз не выдерживает кровать, зелёный горошек мне рот!

– Просто вы стали толстым как боров, – ответил на это Самсон. – Скоро ни один дом вас не выдержит и вам придётся спастись на земле...

– Что?! – взвился капитан Жиробас. – Да как ты смеешь, пять тысяч морских коньков тебе за пояс! Ты уволен!

– Отлично, – сказал слуга. – А то мне стало скучновато одному...

– Что ты несешь, соль мне вместо сахара? – заверещал капитан – Почему это одному?

– А так, – ответил слуга. – Все от вас разбежались ещё два дня назад. Повар ушёл последним, сегодня утром, так что не ждите завтрака.

– 6 кальмаров мне на брови, как же так? – изумился капитан.

– Говорю же вам, вы стали жирным точно боров и всем до смерти надоели своими криками, – ответил Самсон. – Прощайте...

– Но что же я буду кушать, зефир мне вместо глаз?! – захныкал капитан. – Не покидай меня, гром и молния!

– Я останусь, но только при условии, что вы похудеете, – сказал Самсон.

– Я согласен, Гольфстрим мне в олады. Я на всё согласен, только немедленно принеси мне еды!

– Нельзя похудеть, если постоянно что-то есть, – возразил слуга. – Так не бывает!

– Ах не бывает?! – завопил капитан Жиробас, краснея от бешенства. – Тогда провались ты пропадом, сын компота и трески! Я и сам управлюсь, унеси меня зюйд-вест!

Самсон пожал плечами и удалился, а капитан, дополз до кухни, наскоро перекусил четырьмя батонами, арахисовой пастой, тремя колбасами, сухофруктами, банкой варенья и холодными голубцами, встал на четвереньки и направился в конюшню. С грехом пополам, он забрался на телегу и отправился к нотариусу, где продал свой дом и землю, а на полученные деньги, купил крепкую шхуну, назвал её «Обжора» и отправился в кругосветное плаванье, в поисках чудодейственного средства для похудения. Само собой разумеется, что в пути капитан не испытывал мук голода. Его трюмы были полны припасов, а сам он постоянно носил за поясом две сырокопчёные колбасы, и вязанку телячьих сосисок на шее.

– Э-ге-гей, пошевеливайтесь, оливье мне вместо палубы, – кричал он матросам, откусывая кусок колбасы. – Нас ждут приключения, разорви меня на тряпки!

Для начала, «Обжора» обошёл всё Средиземное море, не пропуская ни одного мало-мальски крупного порта, где ка-

питан Жиробас, после сытного обеда разумеется, неизменно интересовался у местных жителей, как ему похудеть, не прекращая есть.

Большинство людей только удивлённо пожимали плечами, утверждая что это невозможно, но капитан был настойчив и всюду находил проходимцев, обещавших ему чудо.

Первый такой торговец, продал Жиробасу в Марселе литровую банку отвратительного пойла, похожего на смесь чернил, уксуса, керосина и помоев, и строго настроено наказал пить её по пять чайных ложек после каждого приема пищи. Жиробас был в восторге, пока не пришло время попробовать чудодейственное средство, но он мужественно зажал нос и выпил пять чайных ложек адской микстуры. Его так перекосило, что матросы с трудом узнали своего капитана, но Жиробас рывкнул на них и они успокоились.

Когда бутылка опустела, а вес, вместо того, чтобы убавиться, увеличился, так как капитан был вынужден заедать каждую ложку лекарства большим куском шоколадного торта, Жиробас встретил в Неаполе какого-то бродягу, который прописал старому морскому волку ставить себе на лоб горчишки, и делать клизмы с морской водой. Жиробас тщательно следовал этим указаниям две недели, но кроме горящего лба и бурлящего живота, ничего не изменилось.

– 88 фрегатов мне в хлебницу, – ругался капитан, беря курс на Стамбул. – Когда же я похудею, 5 бифштексов мне на койку!?

В Стамбуле Жиробасу прописали есть калёный речной песок и пить чесночный сок, от чего «Обжора» начал вонять так, что даже чайки облетали его стороной.

На Кипре Жиробасу порекомендовали принимать барсучий жир с канифолью, на Мальте, пить скипидар, в Бейруте, прикладывать к животу горячие камни и есть живых пчёл, в Александрии капитан вновь ставил себе клизмы, но уже не с водой, а мыльной пеной, в Триполи он обмазывался тухлыми помидорами, а в Тунисе, один предприимчивый араб продал Жиробасу специальный корсет, в котором нужно было ложиться спать, предварительно проглотив полстакана дёгтя с красным перцем и солью. В Алжире капитан приобрёл целебный пояс из верблюжьей шерсти, с зашитыми в него острыми колючками, а в Марокко, чудо-ботинки, надев которые, можно было терять до 10 килограмм в день. Правда, ботинки были малы Жиробасу на 3 размера, но он решил, что когда подействует пояс из верблюжьей шерсти, они как раз будут ему в пору.

К слову сказать, что капитан действительно немного похудел, по крайней мере выглядел он измождённым и чувствовал себя прескверно. У него кружилась голова, тряслись ноги, выпадали волосы, а язык был иссини-чёрным, и не чувствовал никакого вкуса. Вдобавок ко всему, у него постоянно жутко болел живот и чтобы хоть как-то ослабить эти боли, капитан каждую ночь выпивал по 5 литров сливок.

– Кажется, мне пора ненадолго лечь в дрейф, штурвал мне

вместо пищи, – решил Жиробас однажды утром и, исключительно для поправки здоровья, причалил к гостеприимным берегам Испании, где провёл три недели, и с такой пользой, что когда он поднимался обратно на борт, под ним треснул трап.

– Курс на Америку, касатку мне в шлюпку! – приказал он и корабль взял курс на запад.

Чтобы не терять время в пути, Жиробас вновь начал худеть, благо, что он успел приобрести у одного испанца изумительную мазь, слегка пахнущую конским навозом, которой он обмазывался с ног до головы, а затем разгуливал голышом по палубе, так как свежий ветер, по заверениям испанца, усиливал действие лекарства.

На шестой день у Жиробаса окончательно выпали все оставшиеся волосы, и появилась сыпь, так что ему пришлось отказаться от мази, и вновь надеть на себя пояс из шерсти, и допить остатки барсучьего жира и скипидара.

– Ничего, проглоти меня моллюск, – гремел капитан. – Я всем докажу, что можно легко похудеть, ни в чём себе не отказывая, пятьсот сосисок мне на шею!

Жиробас обплыл обе Америки и испробовал множество новых способов для похудания, в том числе он глотал янтарь, пил желчь ягуара, жевал кактусы, обтирался нефтью, нырял в болото, засовывал в штаны крапиву, прикладывался пупком к секвойям, закапывался в песок, вновь ставил клизмы, носил гольфы из перьев и даже сделал себе на спине священ-

ную татуировку, но ничего не помогало.

– Мухомор мне вместо груздя, если я что-нибудь понимаю, – не выдержал, наконец, Жиробас. – Когда же я уже похудею, сто макрелей мне в каюту?!

Капитан ощупал свой безразмерный живот и вздохнул:

– Неужели мне и вправду придётся, не есть, три тысячи морских звёзд мне на плечи? Ужас...

Но тут Жиробаса осенило:

– Ананасы мне в кингстоны, мне же нужно в Китай! Вот уж где точно знают толк в снадобьях, разруби меня корсар!

«Обжора» пересёк Тихий океан, ненадолго задержавшись на Гавайях, где Жиробас попробовал какие-то горькие листья, от которых у него глаза полезли на лоб, и в Японии, где капитан испытал на себе бамбуковый массаж, от которого не мог отойти трое суток и стонал точно морж. Наконец, «Обжора» вошёл в Шанхайскую гавань и Жиробас, преисполненный надежд, ступил на берег. Он на редкость быстро нашёл то, что искал и для начала. Старый мудрый китаец пообещал ему полное похудение, но для этого, капитану необходимо было неподвижно пролежать три дня с головы до ног утыканным тонкими иглами. Во время этой пытки, Жиробаса кормили через специальное приспособление, наподобие большой воронки, размалывая все блюда в мелкий фарш, так что капитан даже не понимал, что ему дают. Увы, за два часа до истечения положенного срока, Жиробас чихнул и китаец тут же объявил, что теперь всё напрасно и нуж-

но начинать процедуру сначала.

– Кофемолку тебе в зубы, ни за что! – заорал капитан и сбежал к другому целителю, который использовал горячие ванны.

Когда Жиробас впервые попробовал воду пяткой, то решил, что китаец смеётся над ним, так как огромный медный котёл почти кипел, но тот и не думал шутить:

– *Плыгай в воду, Сыробас, –* сказал он. – *Зиво!*

Жиробас прыгнул и тут же с диким воплем выскочил обратно, красный, точно варёный рак. В этот момент китаец облил его из ведра ледяной водой, и капитан упал без чувств. Капитан смутно помнил, что его ещё раз макали в кипяток и окатывали ледяной водой и при первом же удобном случае, он дополз до двери и смылся.

Третий лекарь прописал Жиробасу лечебный бег, а чтобы тот не ленился, бежал следом и как только капитан начинал сбавлять скорость, пребольно стегал его плёткой по ягодицам, так что капитан визжал как поросёнок. На пятом круге Жиробас свернул в сторону, пронзительно взвизгнул в последний раз и сломя голову помчался к следующему «диетологу», который накормил его странными порошками и велел ходить на руках. От порошков Жиробасу сделалось так худо, что он вновь сбежал и от горя так наелся китайской лапши, что едва не треснул.

– Утопи меня в кефире, если я ещё раз отдамся им в руки, – прорычал капитан. – Эти недотёпы ничего не смыслят в

похудении, полубак мне вместо носа. Нужно плыть в Индию!

Попробовав по пути сушёных пиявок в Сингапуре и выпив на Шри-Ланке пару галлонов слоновьего пота, измученный Жиробас прибыл в Калькутту, где немедленно попал в лапы йога-гипнотизёра, заставлявшего капитана глотать под гипнозом живых змей, пауков и прочую живность, от которой путешественнику стало настолько дурно, что он три дня ел одно только острейшее карри, в результате чего, ему начало казаться, что он дышит огнём...

Но Жиробас не сдался.

– Бочку дёгтя мне в тарелку, если я не похудею, – воскликнул он, и отплыл в Бомбей, где провёл неделю под чутким надзором одного факира, который скармливал Жиробасу гвозди, проволоку и мелкие монеты, утверждая, что это поможет ему похудеть.

Это и это не помогло и Жиробас, держась за живот, вновь поднялся на свой корабль, и направился в Персидский залив. Там он вкусил солёное варенье, горький сахаром и отвар из ослиной слюны, но пользы было мало. В припадке отчаянья, Жиробас до отвала наелся халвы и, в полубредовом состоянии, отплыл в открытое море, решив немного прийти в себя.

– Восемнадцать пингвинов мне в ножны, если я не отыщу это чудесное снадобье, что поможет мне мигом сбросить вес, – рычал он, разделяваясь с жареным быком фаршированным сосисками, дичью, ветчиной, орехами и инжиром. – 154000 мартышек мне в юнги, я найду это средство!

После двух недель отдыха, уничтожив добрую половину съестных припасов на корабле, Жиробас снова повеселел и велел поворачивать «Обжору» к берегам Африки.

– 734 сырника мне в подзорную трубу, я чувствую, что мне повезёт, – кричал он. – Африка всегда славилась своими колдунами и шаманами, оближи меня гадюка! А если я и там потерплю неудачу, стаю крыс мне под одеяло, то я направлюсь в Скандинавию. Говорят, там творятся настоящие чудеса, лопни моя селезёнка!

С той поры прошло много лет и, хотя самого капитана Жиробаса уже давно нет в живых, немало обжор во всём мире до сих пор продолжают его дело, пытаясь отыскать волшебное снадобье, которое поможет им похудеть, не прекращая при этом объедаться. Что ж, пожелаем им удачи и, как любил говаривать капитан Жиробас, попутного ветра, 100 дельфинов мне в повидло!